ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1·1980

Историко-революционный музей «Красная Пресня»

В этой комнате работал Пресненский районный комитет большевиков в октябре 1917 г.

Экспонаты выставки «Историко-революционная тематика в произведениях лаковой живописи»

Зал, посвященный событиям революции 1905—1907 гг.

Фото В. Корнюшина и Ю. Родина.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 1·80

НАША ОБЛОЖКА

75 лет назад, 9 января 1905 года, царские войска расстреляли мирную демонстрацию петербургских рабочих, шедшую с иконами, царскими портретами к Зимнему дворцу, чтобы вручить Николаю II петицию о нуждах рабочих. Кровавое воскресенье стало началом первой русской революции, которая знаменовала собой, по словам В. И. Ленина, пробуждение колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе.

Пробуждение политического и классового сознания трудового народа проявилось, в частности, и в том, что рабочие и крестьяне стали яснее понимать, что русская православная церковь — это не заступница трудящихся и обремененных, не радетельница за интересы народные, а верная служанка ненавистного самодержавия, что ее проповедь — это призыв к послушанию и покорности эксплуататорам (об этом см. в номере статью В. Цветнова).

Высшим этапом первой русской революции стало декабрьское вооруженное восстание в Москве, когда боевые дружины рабочих в течение девяти дней отбивали атаки жандармов и солдат. «Эти образцы отваги и геройства должны навсегда быть запечатлены в сознании пролетариата»,— этот наказ вождя был выполнен в год его смерти: осенью 1924 года, в дни празднования 7-й годовщины Октябрьской революции, на Красной Пресне был открыт историко-революционный музей. Музей «Красная Пресня» стал активным пропагандистом революционных традиций, здесь проводится большая работа по патриотическому воспитанию молодежи.

В ряду мероприятий, которые музей приурочивает к 75-летней годовщине первой русской революции,— выставка «Историко-революционная тематика в произведениях лаковой живописи». 130 работ мастеров лаковой миниатюры из Палеха, Мстеры, Федоскина воссоздают героические страницы революционной борьбы

трудового народа России против царского самодержавия, победы Великого Октября, гражданской и Великой Отечественной войн. Представлены на выставке и работы, рассказывающие о социалистических преобразованиях в нашей стране, о ее сегодняшнем счастливом дне.

На второй странице обложки мы воспроизводим несколько экспонатов этой красочной выставки.

100-летию со дня рождения Бориса Михайловича Кустодиева была посвящена выставка в залах Академии художеств СССР.

«Много я знал в жизни интересных, талантливых и хороших людей, — писал в своих воспоминаниях Ф. И. Шаляпин.— Но если я когда-либо видел в человеке действительно высокий дух, так это в Кустодиеве... Нельзя без волнения думать о величии нравственной силы, которая жила в этом человеке и которую иначе нельзя назвать, как героической и доблестной». Творчеству художника посвящена в этом номере статья Ю. Лебедева и третья страница нашей обложки.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ (главный редактор),
А. В. БЕЛОВ,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ (ответственный секретарь),
И. М. КИЧАНОВА,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Р. Р. МАВЛЮТОВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ (зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
М. Н. МАСЛИНА,
М. П. НОВИКОВ,
А. Ф. ОКУЛОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор С. И. Мартемьянова.
Технический редактор С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.

Макет В. Ф. Ситниновой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» ЖИВОТНЫЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ЗА РУБЕЖОМ

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

УБЕЖДЕННОСТЬ

П. КУРОЧКИН,
доктор философских наук

Вывод XXV съезда КПСС о том, что в условиях зрелого социализма господствует научно-материалистическое мировоззрение, имеет самое непосредственное отношение к проблемам атеизма, поскольку атеизм — существенный элемент нового, рожденного революцией общественного сознания. Основой господства научно-материалистического, атеистического мировоззрения являются глубочайшие преобразования в политической, экономической, социальной и культурной сферах общественной жизни — естественное следствие революционных преобразований в нашей стране. Таким образом, претворение в жизнь предначертаний партии, осуществление планов экономического и социального развития страны — это и борьба за нового человека, за преодоление пережитков прошлого в его сознании и поведении. Не видеть взаимосвязи атеистической работы с решением народнохозяйственных задач — значит, не уметь использовать в должной мере мировоззренческий потенциал практической борьбы за коммунизм.

Влияние объективных условий на формирование атеистических взглядов людей надо понимать, разумеется, диалектически. Общеизвестны слова К. Маркса о том, что религия будет исчезать по мере общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию[1]. Этим было подчеркнуто, с одной стороны, единство социально-экономических и духовных факторов, с другой — необходимость активной, целеустремленной воспитательной работы.

Вопросы научно-материалистического, атеистического воспитания населения всегда находились в поле зрения партии. ЦК КПСС неоднократно указывал на необходимость повышать уровень, расширять размах этой работы среди всех слоев населения, широко использовать в борьбе с религией все средства идейного воздействия, совершенствовать систему подготовки пропагандистских кадров, развертывать научно-исследовательскую работу в области религии и атеизма. О необходимости усиления научно-атеистической пропаганды напомнило и недавнее постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

В результате принятых Коммунистической партией мер атеистическая пропаганда становится все более активной, теснее связанной с задачами экономического, политического и культурного развития страны. Усиливается внимание к этому вопросу со стороны партийных организаций, средств массовой информации, высшей и средней школы, культурно-просветительных и научно-исследовательских учреждений. Углубляется содержание атеистической пропаганды.

Взять, к примеру, ее критический аспект. В первые годы Советской власти атеистическая пропаганда была направлена главным образом на разоблачение контрреволюционной роли религии и церкви, ставших орудием политической борьбы против социалистических преобразований в стране. С переходом религиозных организаций на позиции лояльности в отношении государственного и общественного строя она расширилась до всесторонней философской, естественнонаучной, социально-нравственной, исторической критики всех составных элементов религиозного комплекса.

Позитивное содержание атеистической пропаганды в первые десятилетия после Октября проявлялось в меньшей степени (как и теоретическое изучение творческого содержания и созидательной роли научного атеизма). Однако постепенно оно все более выдвигалось на первое место и ныне стало ведущим. Начиная примерно с 50-х годов основной упор делается на социальную проблематику, освоение и широкое использование достижений марксистско-ленинской общественной науки. Сегодня утверждение научно-материалистического, атеистического мировоззрения все более связывается с пропагандой социалистического образа жизни, со всеми его проблемами — социально-экономическими, нравственными, политическими, национальными и другими. Все они обеспечивают созидательную силу научного атеизма и атеистической пропаганды. И чем полнее и активнее осуществляется эта взаимосвязь, тем успешнее идет процесс формирования научно-материалистических взглядов советских людей.

Каковы же в этом контексте активно взаимодействующие с атеистической пропагандой главные направления идеологической работы партии? В свете особенностей научно-атеистического воспитания в современных условиях, думается, что наибольшую актуальность представляет его взаимосвязь с идейно-политическим и трудовым воспитанием, с утверждением коммунистической нравственности, патриотической и интернационалистской убежденности.

Идейно-политическое воспитание, формируя идейную убежденность и политическую сознательность людей, занимает важное место в идеологической работе партии. В центре его лежит пропаганда целей и задач внутренней и внешней политики

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, стр. 474.

КПСС и Советского государства, воспитание политически сознательных борцов за коммунизм. Идейно-политическое воспитание способствует развитию чувства социального оптимизма, уверенности в завтрашнем дне и таким образом преодолевает необходимость обращения к помощи сверхъестественных сил. В свою очередь пропаганда позитивного содержания и созидательной роли научного атеизма имеет существенное значение в развитии политической культуры масс, их творческой активности. В целом ряде своих разделов научно-атеистическое воспитание непосредственно связано с идейно-политическим: например, там, где речь идет об отношении КПСС и Советского государства к религии и церкви, о принципах социалистической свободы совести, о борьбе с клерикальным антикоммунизмом и т. д.

Известно, что основоположники научного коммунизма видели корни религиозно-фантастического отражения мира прежде всего в характере общественно-производственной деятельности людей в классово-антагонистических формациях, а основу преодоления религии усматривали в уничтожении экономического и иного угнетения, превращении народных масс в свободных творцов материальных и духовных благ. Новый человек формируется прежде всего в сознательной, целенаправленной трудовой деятельности. Согласно данным исследования в Пензенской области, самый низкий уровень религиозности характерен для рабочих машиностроительной, металлургической, химической промышленности, что связано с уровнем квалификации, образования, демографическими и другими характеристиками. И здесь трудно переоценить атеистический потенциал трудового воспитания. Развивая любовь и уважение к общественно полезному труду, поднимая до осознания его социального смысла, решающей роли в общественной жизни, формируя чувство коллективизма и взаимопомощи, эта сторона коммунистического воспитания прививает человеку чувство хозяина своей судьбы, понимание своего предназначения.

В свою очередь научно-атеистическая пропаганда, раскрывая несостоятельность религиозных представлений о труде и одновременно способствуя формированию научного материалистического мировоззрения, активно содействует развитию творческой активности людей. И, наоборот, религиозный взгляд деформирует сознание человека, искажает цель и смысл его трудовой деятельности, сковывает энергию, мешает проявить в полной мере свои творческие способности. Например, по данным исследования, проведенного профессором В. А. Черняк на ряде предприятий Алма-Аты, в социалистическом соревновании участвуют лишь около 39 процентов верующих и колеблющихся, а в рационализаторском движении — около 25. Таким образом, прослеживается закономерность: конкретные признаки нового отношения к труду значительно больше распространены среди атеистов и неверующих и уменьшаются по мере усиления приверженности к религии. Конечно, современному верующему тоже свойственно усиление интереса к общественно полезному труду, но этот процесс идет медленнее, противоречивее, с большим трудом, чем у основной массы рабочих — не верующих в бога.

Существенная черта коммунистической пропаганды — органическое единство нравственного и атеистического. В Советском Союзе и других странах социалистического содружества совершается первый в истории «социальный эксперимент», призванный показать на практике, как по мере упадка религии возрастает нравственный потенциал общества. При всех трудностях и противоречиях развития духовной культуры жизнь свидетельствует в пользу атеизма, показывает, что атеистический общественный строй пробуждает великие нравственные силы.

Что же касается нравственного аспекта в атеистической пропаганде, то нужно заметить, что здесь еще имеются серьезные недостатки. Книги, брошюры, статьи, лекции, беседы на эту тематику занимают пока незначительное место в нашей печатной и устной пропаганде. Так, знакомство с состоянием атеистической пропаганды в Ярославской, Курской, Владимирской областных организациях общества «Знание» показывает, что выступления по морально-атеистической проблематике составляют не более пяти процентов от общего числа лекций по научному атеизму. Бросается в глаза слабость теоретического освещения рассматриваемого вопроса. Большинство материалов занимают как бы оборонительную позицию: критический, антирелигиозный аспект превалирует над позитивной разработкой темы.

Формирование новой, коммунистической морали — дело сложное. Ломка старого автоматически не создает новой нравственности, не всегда человек, порвавший с религией, усваивает высокие нормы ответственности перед обществом. Разрыв с религиозной моралью, не сопровождающийся формированием коммунистической нравственности, порой ведет даже к потере верных ориентиров, к рецидивам бездуховности. Всего лишь один характерный в этом отношении факт. Бывшая баптистка Л. М., порвавшая с общиной в силу влияния нашей жизни, стала недостойно вести себя в быту. А на замечание, что ее поведение неприлично, заявила: «Я теперь ничего не боюсь, что хочу, то и делаю». Этот красноречивый пример говорит о необходимости вести научно-атеистическую работу в комплексе с другими направлениями коммунистического воспитания, в частности с воспитанием нравственным. Важен ведь не сам по себе тот факт, что человек порвал с религией, но и то, чем заменил он свои прежние взгляды. Последовало ли за этим духовное совершенствование личности.

За годы Советской власти в нашей стране произошли глубокие перемены в области национальных отношений. Навсегда ушли в прошлое национальное угнетение, социально-экономическая и культурная отсталость наций и народностей, ликвидирована почва для национально-религиозной розни. В СССР сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Принципы интернационализма все прочнее входят в жизнь масс, в том числе и верующих, несмотря на то что религия разделяет людей по национальному признаку, деформирует здоровые национальные чувства, проповедует национальную обособленность. Так, согласно исследованию, проведенному в Ивано-Франковской области, более 65 процентов опрошенных верующих имеют или желали бы иметь друзьями представителей

других национальностей и лишь 4,4 процента говорят, что вера в бога — препятствие для дружбы.

Однако интересы коммунистического строительства требуют дальнейшего разъяснения взаимосвязи между решением национального вопроса и развитием массового атеизма, влияния процесса преодоления религии на неуклонное сближение и расцвет всех наций и народностей нашей Родины, позитивной роли научного атеизма в укреплении единства советского народа. Интернационализм и атеизм — это две взаимообогащающие, углубляющие друг друга стороны социалистического образа жизни.

В нашей многонациональной стране, где религиозная обстановка характеризуется многоконфессиональностью, трудно переоценить результат взаимодействия пропаганды научного атеизма и социалистического интернационализма. Тесное взаимодействие этих сторон коммунистического воспитания необходимо, в частности, для эффективного противодействия утверждениям, будто религиозная и национальная принадлежность нераздельны, а религиозные организации являются хранителями национальных духовных ценностей. Так, в православии все более интенсивно пропагандируется мысль, будто именно оно вывело Россию на широкую дорогу мирового общественного развития. О «нерасторжимом единстве армянской нации и армянской церкви» часто заявляют представители этой религиозной организации. Отождествление национального и религиозного присуще также исламу и католицизму.

В этой связи одной из важнейших задач научно-атеистической пропаганды является четкое разграничение народно-национального и церковно-религиозного. Без такого разграничения можно, с одной стороны, вместе с религией отбросить «здоровое зерно» — прогрессивное культурное наследие народов, их лучшие национальные традиции и обычаи, с другой — отождествить национальное и религиозное, идеализировать прошлое религиозных организаций, церковную архаику.

Естественно, решение этой задачи неотрывно от расширения атеистической тематики в пропаганде исторических знаний, особенно касающихся истории советского общества. Атеизм в СССР прошел путь, достойный всестороннего освещения, однако наша пропаганда не особенно жалует эту тему. Объем атеистической работы в нашей стране был исключительно велик: от царской России досталось тяжелое «религиозное наследство». Буржуазная демократия в России сделала весьма мало, и основная тяжесть в решении проблемы секуляризации общественной и личной жизни легла почти всецело на плечи социалистической революции. Тем более впечатляющими выглядят успехи в развитии массового атеизма в СССР, ставшие одним из замечательных достижений социализма.

Нетрудно представить, какой огромный вклад в развитие этого процесса внесли пропагандисты атеизма. А в исторической литературе эта беспрецедентная борьба за распространение в массах научного мировоззрения, особенно в 20-х годах, подчас трактуется односторонне и искаженно — как мало привлекательное занятие ограниченных в духовном отношении людей, как цепь ошибок и отступлений от законности, как явление, чуждое традициям русской культуры. Нет, ветераны атеистического движения, хотя иногда и допускали известные ошибки (что, кстати, всегда своевременно осуждалось и поправлялось партией), не стояли «по ту сторону культуры», вели борьбу с религией не только на основе справедливых и гуманных законов нашего государства, но и опираясь на лучшие традиции просветительства прошлого.

Чтобы по-настоящему оценить минувшее, мало знать одни лишь факты, нужно учитывать и противоречия исторического развития страны. Легко, конечно, изображать атеистическое движение в СССР как «иконоборчество». Действительно, в ходе ломки старого общества погибли многие церковные здания и предметы религиозного культа. Эти потери — с точки зрения истории — оказались той ценой, которой расплатилась церковь за многовековую поддержку царизма, за насаждение темноты и невежества. Когда в ходе революционных преобразований люди выбрасывали иконы, абсолютное большинство которых, кстати, не представляло никакой художественной ценности, они действовали не как «варвары», а как борцы с проклятым прошлым. Это был символ освобождения, разрыва со старым миром, приобщения к подлинным духовным ценностям, которые нес массам социализм.

Рассуждения об «иконоборчестве» не только превратно толкуют историю становления и утверждения массового атеизма в СССР. За этими рассуждениями упускается из виду, что Советская власть всегда проявляла огромную заботу об охране и реставрации памятников старины. В СССР принят Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР», — записано в новой Конституции СССР.

Вот такая — широкая, не искажающая правду пропаганда истории, характера и результатов атеистического движения в СССР нужна советским людям.

Располагая сегодня могучим арсеналом современной науки, коммунистического мировоззрения, теории и практики идеологической деятельности, исследователи, организаторы и пропагандисты атеизма знают, что их миссия не упрощается, а становится более сложной и ответственной. Она представляет собой составную часть работы партии по подъему культуры людей, приумножению духовных ценностей развитого социалистического общества.

Партийные и общественные организации располагают сегодня научным анализом всех аспектов коммунистического воспитания, его ближайших и перспективных проблем. В частности, активно изучается такой важный фрагмент идеологической работы, как механизм взаимовлияния различных направлений идейного воздействия на массы. Возрастает и научный уровень организации атеистического воспитания как составной части системы идеологической работы. Однако предстоит решить еще немало проблем, чтобы атеистическая работа стала более активной, содержательной и глубокой, более тесно связанной с выполнением политических, экономических, культурных и идеологических задач. И на это должны быть направлены все наши усилия.

Л. ЗУБЕНКО,
член комиссии по пропаганде знаний среди молодежи при правлении Всесоюзного общества «Знание», кандидат философских наук

Под флагом Отчизны

С ПЕРВЫХ дней Советской власти появление за границей торгового судна с красным флагом было большим событием. В американском порту Сиэтл, например, еще живы люди, которые помнят, как в декабре 1917 года на рейде появился первый пароход под красным флагом — транспорт «Шилка». Докеры порта передали тогда письмо Владимиру Ильичу Ленину. Известный американский журналист Арт Шилдс, работавший здесь в те годы портовым механиком, пишет: «Докеры Сиэтла имеют все основания испытывать глубокое чувство гордости, ведь именно они положили начало переписке с Лениным, которая привела к появлению шедевра марксистской мысли — ленинского «Письма к американским рабочим».

Сейчас тысячи судов под флагом нашей Родины бороздят просторы Мирового океана. Наши корабли можно увидеть в 1425 портах мира, где их посещают тысячи людей, которые стремятся как можно больше узнать о СССР, о наших достижениях. Так, за шесть дней пребывания теплохода Дальневосточного пароходства «Поронайск» в двух портах Новой Зеландии его посетили 11 тысяч гостей. Они расспрашивали о нашей стране, интересовались организацией труда и отдыха советских моряков, условиями их быта.

Тысячи туристов, которые бывают на наших судах, чаще всего дезинформированы буржуазной пропагандой. Они, например, всерьез задают вопросы: «Правда ли, что в СССР убивают всех пенсионеров, чтобы не кормить их?», «Почему в СССР запрещено верить в бога под страхом тюремного заключения?» и т. п. Когда украинцам, живущим в Канаде, показали журнал «Наука и религия» и сказали, что верующие в стране есть и никто им не запрещает веровать, то один из посетителей, внимательно посмотрев журнал, попросил отдать ему.

Случается, что различные антисоветские организации используют встречи советских моряков с местными жителями для враждебной нам пропаганды. Так, однажды при погрузке теплохода «Пионерская правда» в канадском порту Монреаль вместе с асбестом в трюме оказались листовки националистической организации «Ассоциация свободных украинцев Канады», а на борт дизель-электрохода «Капитан Готский» доставили антисоветский листок «Новое русское слово».

Особое место в идеологической обработке наших моряков отводится религии. Особенно активно ведут пропаганду клубы «Морская звезда», «Летающий ангел», «Якорный дом», «Международное апостольское общество на море», всевозможные религиозные общины в 200 портах 50 стран мира. Клубы активно пытаются войти в контакт с советскими моряками, в частности устраивают развлекательные программы, в которых исполняются религиозные и народные песни в джазовом ритме, а между номерами произносятся краткие религиозные проповеди с призывом обратиться к богу. Используются также спортивные встречи и другие мероприятия. В Гибралтаре клуб «Летающий ангел» оборудовал выставку религиозных книг.

Всему миру известны суда «Логос» и «Лидо», которые используются миссионерами для пропагандистской деятельности. Там есть библиотеки, специальное оборудование для издания текстов религиозного содержания. Миссионеры с этих судов настойчиво ищут связи с советскими моряками, посещают наши суда, приглашают к себе. На таких встречах подбрасывают религиозную литературу, грампластинки. Так, на теплоход «Ижма» поздно вечером пришли двое молодых людей, которые представились моряками с соседнего английского теплохода и попросили показать им судно. Поскольку было 10 часов вечера, им предложили прийти завтра. Прощаясь, англичане вытащили из принесенного с собой ящика пять дисков и, сказав, что это сувенир, быстро удалились. Как впоследствии выяснилось, это были моряки с «Логоса». Пластинки были на русском языке, религиозного содержания.

Партийные и комсомольские организации пароходства ведут большую работу по формированию научно-материалистического мировоззрения, атеистической убежденности советских моряков, помогая им вырабатывать активную жизненную позицию.

Вдали от Родины резко возрастает роль устной политической информации. В каждом экипаже есть политинформатор, лектор, который умеет оперативно, с цифрами и фактами объяснить сущность увиденного в рейсе, помогает дать ему правильную оценку, разоблачить попытки соединить религию с актуальными вопросами современности. Возьмем, к примеру, проблему окружающей среды и ее охраны. Катастрофы вблизи побережья Англии и Франции миссионеры, в частности, объясняют неверием людей, хотя действительные причины кроются в другом. Для капиталистического мира — нажива прежде всего. Судовладельцы платят странам, «одолжившим» им свой флаг, во много раз меньшие налоговые сборы, обходя таким образом морское законодательство своих собственных государств, и избавляются от соблюдения социальных и профсоюзных прав, завоеванных моряками в длительной борьбе. Так, например, Либерия получает ежегодно от фиктивного флота, приписанного к ее портам, свыше 10 миллионов долларов. Моряки на таких судах живут в тяжелейших условиях. Техника безопасности не соблюдается. Не случайно по вине подобных судов происходит две трети морских катастроф.

Широко используют в атеистической работе наши пропагандисты и журнал «Наука и религия». Например, в подготовке ответов на вопросы об охране среды помог второй номер журнала за 1976 год, где рассказывалось о том, как советские люди, преобразуя природу, охраняют ее. Большим подспорьем для пропагандистов стали и публикации о Конституции СССР, о свободе совести, о роли труда в формировании личности, об интернациональной солидарности трудящихся, социальном и эстетическом содержании памятников религиозного искусства.

Слово партии в молодежные аудитории несут тысячи лекторов, политинформаторов, агитаторов. Лекторские группы комитетов комсомола пароходств и судов работают в тесном контакте с организациями общества «Знание». Вошла в практику такая эффективная форма, как общественно-политические чтения. Важную роль играют народные университеты, лектории, вечера вопросов и ответов, беседы «за круглым столом». На многих судах созданы обширные фонотеки — магнитофонные записи текстов лекций, бесед, специальных выступлений. Студия звукозаписи рассылает на суда звуковые журналы «Под флагом Родины», «Литературный сборник».

Как известно, моряка воспитывают традиции. И самая атеистическая из них — один за всех, все за одного. Доброй традицией на флоте стало фотографирование молодых ударников коммунистического труда на фоне государственного флага СССР: фотографию вместе с благодарственным письмом направляют родителям. На многих судах есть Книга трудовой славы, в которую заносят имена передовиков производства.

Воспитание чувства гордости за свою профессию, любви к труду — главный стержень повседневной работы в коллективе. Например, на теплоходе «Поморье» Северного морского пароходства новичок, ставя свою подпись под документом «Традиции жизни коллектива», дает слово хранить и приумножать трудовую славу коллектива. Регулярно проводятся праздники труда, на которых чествуют лидеров соревнования, вручают переходящие вымпелы вахтам-победительницам.

Во время пребывания в зарубежных странах советские моряки считают своим священным долгом посетить могилы наших воинов, погибших за освобождение народов Европы от фашизма. Нет такого экипажа, который, побывав, например, в Генуе, не посетил бы городское кладбище, где похоронен Герой Советского Союза Федор Полетаев, награжденный высшей наградой итальянского Сопротивления — Золотой медалью «Воинская доблесть».

В сердцах советских моряков навсегда сохранится память о бессмертных подвигах собратьев, отважных тружеников моря, отдавших жизнь за отчизну. Подойдя к месту гибели затонувших в сражениях кораблей, моряки в торжественной тишине приспускают флаг, салютуя памяти погибших. Эта традиция священна.

Т. ВОРОНОВА,
преподаватель Криворожского филиала университета марксизма-ленинизма Днепропетровского обкома КП Украины

Мастерство лектора

РЕЖИССЕР и кинооператор вымотались, снимая сюжет в разных концах огромного города. Здесь, на Южном комбинате, хотели сделать всего несколько кадров — лектор в рабочей аудитории, но... давно погасли юпитеры, минула и четверть и половина лекции, а тележурналисты — народ достаточно искушенный — так и не ушли. Потом говорили: «Такого мастера поискать! Шут с ним, с обедом. Зато до чего интересно...»

Мастерства Григорию Яковлевичу Танакову действительно не занимать. На его лекциях стоит та тишина, которая дороже иных аплодисментов. А потом записки, вопросы. Новые знакомые идут провожать Григория Яковлевича. И много трамваев пропустит Танаков, пока не иссякнут вопросы, а собеседники не потянутся за блокнотами, папиросными коробками — записать телефон, адрес: «Мы позвоним вам, Григорий Яковлевич...»

Два качества привлекают в Танакове — основательность и страстная увлеченность делом. Много лет назад, когда Григорий Яковлевич только вступил на стезю лектора-атеиста, в цехе одного из криворожских заводов, где он тогда работал, зашла речь о Библии. Молодой токарь, выросший в семье евангельских христиан-баптистов, сказал Танакову: «Разве мы отрицаем путаницу в Старом завете? А вы найдите ее в Новом завете!» «Что ж, Саша,— ответил ему Танаков,— к подобному разговору я сейчас не готов. Но обязательно отвечу».

Пополняя свои знания о Библии, Григорий Яковлевич прочел массу книг, сейчас ведет переписку с ведущими специалистами страны. И из этого разговора в цехе появилось 300-страничное исследование. Ему Танаков посвятил в общей сложности около семи лет и написал его вместе с Анатолием Кузьмичом Фоменко, заведующим кафедрой философии Днепропетровского металлургического института. Согласитесь, без четкого осознания необходимости дела, которому служишь, столь огромный труд на себя не возьмешь.

Интересно наблюдать встречи Танакова с аудиторией, поначалу скептической, убежденной, что лекция на атеистическую тему ей ни к чему. Но постепенно зал затихает, а в конце уже слышишь: «Добавить время!» Полемическая заостренность выступлений Григория Яковлевича, насыщенность фактами, дифференцированный подход к аудитории, наконец, юмор и образная речь — залог постоянного успеха.

Но Танаков не только отличный лектор. Он неутомим и на посту председателя атеистической секции городской организации общества «Знание». Тут и подготовка бесед «за круглым столом», выступлений по городскому радио, и устные журналы на предприятиях, и индивидуальная работа с верующими.

Одной из самых интересных форм работы стали в Кривом Роге вечера-диспуты, посвященные цели и смыслу жизни, размышлениям над тем, учит ли религия добру. Таких вечеров проходит немало, но редкий обойдется без присутствия или выступления Танакова. На вечера приходят верующие. Порой случается представителям различных общин по-разному толковать положения своих вероучений. И очень уместно звучит в таких случаях резюме опытного лектора-атеиста, как это было на руднике имени М. В. Фрунзе, где в роли ведущего выступил инженер Юрий Александрович Веселов.

Говоря о помощниках Танакова — Ю. А. Веселове, А. П. Мостовецкой, М. К. Маршаловой, нельзя не заметить, что его особенно заботит смена. Григорий Яковлевич был долгие годы, по сути, наставником таких начинающих лекторов-атеистов, как машинист электровоза Южного горно-обогатительного комбината М. Е. Эпельман, воспитатель общежития И. А. Стеценко, сотрудник комбината бытового обслуживания Я. М. Летичевский. Снабжал литературой, знакомил с методикой публичных выступлений, вместе с ними искал пути к сердцам слушателей.

Сегодня Григорий Яковлевич руководит атеистическим отделением университета марксизма-ленинизма. Для слушателей Танаков готовит обзоры религиозных журналов, приглашает людей, отошедших от религии, известных в городе пропагандистов. На его занятиях нет унылой будничности. Не зря, видно, он внес в перспективный план учебно-воспитательной работы строку: «...Увлечь пропагандой научно-атеистических знаний».

Для людей, подобных Григорию Яковлевичу, лекционная работа — ноша, которая, по образному выражению, не тянет. А однажды, знакомясь с первокурсниками атеистического отделения университета, Григорий Яковлевич неожиданно увидел в зале дочь.

— Ты-то почему здесь?

— Хочу помогать тебе, папа...

г. Кривой Рог
Днепропетровской области

С. БУХАНОВА,
председатель совета по атеистической пропаганде при парткоме Ивановского камвольного комбината

НАЧАЛО

Ивановскому камвольному комбинату недавно исполнилось 16 лет. За высокие производственные достижения комбинат, носящий имя В. И. Ленина и звание предприятия коммунистического труда, награжден орденом Ленина, на его флагштоках — два флага Трудовой Славы. Имя этого коллектива, завоевавшего много почетных грамот и дипломов, можно увидеть на ВДНХ — на Всесоюзной Доске Почета.

Высокая трудовая активность и молодость коллектива, его образованность — все это, вроде бы, укрепляло идеологический актив предприятия в мнении, что на комбинате не может быть места религиозной идеологии. Камвольщики — люди современные, воспитанные советской школой. К тому же время от времени у нас читались лекции на атеистические темы.

Первый серьезный разговор о необходимости атеистической работы на комбинате мы повели на научно-практической конференции «Атеизм и религия в социалистическом обществе». Активное участие в подготовке и проведении конференции принял партком. Конечно, мы не льстили себя надеждой, что мастера, начальники цехов, пропагандисты сразу и деятельно приступят к атеистическому воспитанию в своих коллективах. И все-таки горько было слушать, что «мы и без агитации знаем, что бога нет, а среди рабочих верующих раз-два — и обчелся...».

В конце того же 1974 года мы провели анкетирование. Правда, данные были только по одной смене, но все же можно уже судить о том, что неустойчивость взглядов, отсутствие конкретных знаний по вопросам атеизма и религии преобладают. Разумеется, такие люди отрицали всякую веру в сверхъестественное однако к народным традициям относили даже обряд крещения. В одной анкете так и было написано: «Не нами заведено, не нами и кончится». Примиренческие, безразличные взгляды на религию высказали даже некоторые общественники. В частности, молодая работница считала пасху народным праздником, одобряла крещение детей и верила в судьбу. Конечно, это не означало, что она сразу понесет своего будущего младенца в церковь, но такая позиция заставляла всерьез задуматься о необходимости атеистической работы.

После обсуждения результатов анкетирования на заседании парткома, а также в цехах — на расширенных заседаниях партийных бюро утвердили перспективный план работы по атеистическому воспитанию. Тогда же был создан совет по атеистической пропаганде при парткоме. Членами совета стали начальник ОТК комбината В. П. Семенов и инженер лаборатории Н. Ф. Блинова. Входят в совет и воспитатели общежития. Они проводят беседы, лекции, конференции, вечера вопросов и ответов, устные журналы.

Партком утвердил и проведение общекомбинатовского Дня атеиста. Первый состоялся в ноябре 1975 года. В

шести аудиториях рабочие, инженерно-технические работники, служащие слушали лекции на различные темы. Например, в зале часального производства состоялась лекция «Женщина и религия». Выбор темы был не случаен. В распространенных здесь анкетах больше всего писали о колебаниях между верой и неверием женщины. Вот мы и решили выбрать эту тему. В других аудиториях читались лекции «Искусство и религия», «Человек, кибернетика и религия» и т. д. Библиотека подготовила передвижные выставки. А закончился День атеиста просмотром фильма «Ищу свою судьбу».

Один из следующих дней атеиста прошел в форме вечера вопросов и ответов, другой — как устный журнал «Советский человек и его отношение к религии». Их провели члены общества «Знание», кандидат исторических наук Л. В. Венкстерн, кандидаты философских наук Г. Ф. Косенко и Н. В. Рябушкин.

Совет по атеистической пропаганде учитывает в своей деятельности специфику предприятия. У нас трудится немало молодежи, более пяти тысяч женщин, а религиозные проповедники, как известно, делают ставку на таких людей. При этом мы еще учли, что один из наиболее характерных религиозных пережитков в нашем коллективе — обряд крещения. Вот почему и решили обратить особое внимание на новые, социалистические обряды и праздники.

Один из наших дней атеиста назывался «Праздник счастливой семьи». 12 супружеских пар с недавно родившимися малышами были приглашены на торжественное вручение свидетельств о рождении. Было много цветов, теплых слов. Самой большой наградой членам совета стали отзывы участников встречи. Приведу лишь один из них: «Огромное спасибо всем устроителям праздника в честь наших детей. Этот праздник надолго запомнится нам, а своим детям мы расскажем об этом дне, когда они подрастут. Хохловы, Добровольские, Масленниковы».

Однако после этого одна из мам все же окрестила своего ребенка. Во время беседы с ней и почетными родителями семьи, которым коллектив поручил помогать воспитывать ребенка, оказалось, что последние даже не заглядывали к своим «подшефным», не интересовались их жизнью, зато бабушки исподволь делали свое дело — уговорили мать и отца совершить обряд. Как видим, в работе по внедрению новых обрядов, как, впрочем, вообще в атеистической пропаганде, равнодушие, бездеятельность неизбежно ведут к подобным результатам. Об этом и говорили члены совета в своей беседе.

Праздник счастливой семьи завоевал у нас большую популярность. Достаточно сказать, что уже в следующий раз документы вручались не 12, а 22 родительским парам. Вскоре совет совместно с клубом, женсоветом, комитетом ВЛКСМ при активной помощи профсоюзной организации и парткома провел День семейных юбилеев.

Не забываем мы и такие массовые формы воспитательной работы, как лекции и политинформации. Для них с 1974 года готовим кадры из комсомольского актива. Школа организаторов атеистической работы помогла нам найти людей, которым по душе это дело. А на базе отделочного производства у нас действует факультет народного университета. Теперь мы ищем приемлемую для сменного режима форму работы школы молодых матерей. Уже подготовлена ее программа, проведено несколько занятий, но создавать такую школу, видимо, еще рано — как форма массовой работы она пока что не сложилась. Наши пропагандисты посещают районные и областные школы атеистов, курсы лекторов. На комбинате действует также теоретический семинар «Личность и общество», в котором уделяется внимание и изучению атеизма.

Большую работу по воспитанию материалистического мировоззрения ведут работники библиотеки. Подготовленные ими циклы бесед и обзоры слушают в цехах и отделах комбината, в общежитиях. Заведующая библиотекой Р. И. Труфанова — член нашего совета. По местному радиовещанию регулярно звучат передачи клуба атеиста. Если сначала они готовились по принципу «что-нибудь», то после изучения анкет выпуски приняли целенаправленный характер. Кстати, в них довольно часто используются материалы, опубликованные в журнале «Наука и религия». Кроме того, совет готовит тематические страницы и даже целые атеистические номера многотиражной газеты «Заря».

Члены нашего совета понимают: все это только начало. Думается, что при поддержке партийной организации, профсоюзного и комсомольского актива атеистическая работа станет неотъемлемой частью комплекса коммунистического воспитания трудящихся нашего предприятия.

г. Иваново

Е. РЮМИН,
член научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении общества «Знание» РСФСР

Занятия — два раза в месяц...

В ТРУДНЫЕ 20-е годы мне, демобилизованному политработнику Красной Армии, посчастливилось работать в Главполитпросвете, которым в то время руководила Н. К. Крупская. Помню, какое большое внимание она уделяла организации и содержанию работы народных университетов, о чем, кстати, убедительно свидетельствуют неоднократные выступления Надежды Константиновны в 1918—1920 годах. Но тогда эти своеобразные учебные заведения только возникали и насчитывались единицами.

Подлинно массовым явлением они стали лишь после рождения Общества по распространению политических и научных знаний, ныне Всесоюзного общества «Знание». Дальнейшему росту сети народных университетов способствовали решения XXV съезда КПСС, который в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» потребовал «развивать народные университеты, совершенствовать их деятельность».

Заметное место среди них занимают университеты «Основы научного атеизма» или факультеты такого профиля. С 1975 года только в Российской Федерации их число увеличилось более чем втрое и достигло 838 (специализированных университетов — 315, факультетов научного атеизма в университетах других отраслей знания — 523). Не может не радовать и то, что они получили в прошлом году новые «Примерный учебно-тематический план» и программу.

В общем, работа по развитию сети народных университетов (факультетов) научного атеизма проделана немалая. Однако выросли и интересы людей, которые предъявляют уже новые требования. Об этом еще раз напомнило нам постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Отмечая наши достижения в формировании нового человека, постановление в то же время обращает внимание на то, что «в постановке информационной, идейно-воспитательной работы у нас еще есть немало слабостей и недостатков, причем весьма существенных. Главное состоит в том, что качество этой работы далеко не всегда отвечает возросшему образовательному и культурному уровню и запросам советских людей, недостаточно учитывает динамичность социально-экономических процессов и духовной жизни современного советского общества... характер резко обострившейся идеологической борьбы на международной арене». И тут нужно прямо признать, что эта часть постановления имеет самое непосредственное отношение к деятельности народных университетов научного атеизма. В ней, в частности, наметилось серьезное отставание по целому ряду методических и организационных вопросов.

Знакомство с работой, учебными планами, программами, абонементами более чем 50 народных университетов и факультетов научного атеизма Российской Федерации показывает существенные недочеты в их работе — неудовлетворительный подбор преподавателей, формальное отношение к их переаттестации и переподготовке, случайный набор слушателей и т. д. Крайне невысок уровень учебных планов и программ, составляемых на местах. Да и получаемые из Москвы программы превращаются подчас там в нечто совсем не похожее на оригиналы. К тому же поступают они с большим опозданием. Так, примерные учебно-тематический план и программа, разосланные Всесоюзным обществом «Знание», месяцами добирались даже до отдельных районов Москвы. А когда же они попали, скажем, на Камчатку?

Не все благополучно и в организационно-хозяйственном, материальном обеспечении. Есть еще, например, народные университеты — «пасынки», которые ютятся «из милости» под крышей того

или иного учреждения. Есть «кочевники», занимающиеся по принципу «сегодня — здесь, а завтра — там». В числе таких, например, факультет научного атеизма при народном университете лекторского мастерства Октябрьского района города Рязани. В его абонементе сказано: «Занятия проводятся два раза в месяц, по понедельникам.... Слушатели атеистического факультета должны присутствовать один раз в месяц на занятии в университете (в здании РК КПСС. — Е. Р.) и один раз в месяц — в клубе «Строитель».

Не решены до сих пор и вопросы финансового обеспечения таких университетов, что очень усложняет подбор преподавателей, особенно высокой квалификации. Некоторым университетам приходится буквально выпрашивать деньги для этой цели то у одного предприятия, то у другого. А ведь нужны еще средства на приобретение наглядных пособий, литературы...

Да, плохо обстоит дело и с учебными наглядными пособиями. Почти нет для таких университетов и факультетов новых хороших кинофильмов и диафильмов. А многое из того, что имеется в прокате и в магазинах, морально и технически устарело. Достать нужный по теме лекции атеистический фильм зачастую просто невозможно. Не хватает также технических средств пропаганды: кино- и диапроекторов, магнитофонов, телевизоров. А если они и есть в местных организациях общества «Знание», то держат их под замком — чтобы не сломали, не потеряли.

Не везде еще удовлетворительно решена и задача правильного использования выпускников этих университетов и факультетов — ценнейшего атеистического актива. За последние годы в РСФСР вместе с ростом числа атеистических народных университетов и факультетов увеличилось и количество слушателей: если в 1975 году их было 28 тысяч 600, то в 1978 году — уже 67 тысяч 400. Но разве не растет и наша ответственность за этих людей? Вспомним, что сказано в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «Умело подбирать, учить и воспитывать пропагандистов, окружать их повседневной заботой и вниманием...» Но всегда ли выполняется это требование?

Ныне народные университеты — одна из действенных форм пропаганды научного атеизма среди широких масс трудящихся. В Москве, Ленинграде, Воронеже, Липецке, Горьком, Махачкале, в Башкирской АССР они готовят тысячи квалифицированных атеистов. И многие из них становятся пропагандистами, агитаторами, беседчиками, организаторами атеистической работы на своих предприятиях. Взять, к примеру, народный университет Дзержинского района столицы. За восемь лет он выпустил около 500 слушателей. Руководит им бессменно Р. И. Маковецкая. Только за 1976/77 учебный год университет окончили 118 человек. 12 из них были аттестованы в качестве лекторов-атеистов. 15 — стали членами методических советов на своих предприятиях, 33 — организаторами атеистической работы, 53 — агитаторами-беседчиками в цехах.

К числу передовых университетов можно отнести и Ленинградский народный университет научного атеизма, действующий в Невском районе. В его программе несколько занятий посвящается активным формам обучения (семинарские, практические работы, экскурсии, обмен опытом). Состав слушателей здесь постоянный.

Хорошо работающие народные университеты есть, разумеется, не только в крупных центрах. По итогам Всесоюзного общественного смотра, например, победителем был признан Бураевский районный университет (Башкирская АССР). За последние четыре года его окончили около 300 слушателей — учителя, медицинские работники, специалисты сельского хозяйства. А всего в Башкирии действует 10 народных университетов «Основы научного атеизма», где учатся две тысячи слушателей.

Подготовка пропагандистов атеизма, способных работать в местных условиях, агитаторов, организаторов атеистической работы среди населения — особо важная сторона деятельности университетов. Это хорошо понимают, например, руководители Дагестанской организации общества «Знание», которые совместно с Домом политического просвещения обкома КПСС разработали специальные учебно-тематический план и программу. От пособия, выпущенного Всесоюзным обществом «Знание», дагестанское отличается тем, что в нем значительно больше места и внимания уделено исламу. В его программу включены темы: «Происхождение и социальная сущность ислама», «Ислам и женщина», «Современный ислам и молодежь», «Научная критика Корана» и другие. Такую учитывающую местную специфику доработку, а иной раз даже и переработку программ можно только приветствовать.

К сожалению, немало у нас народных университетов, больше похожих в лучшем случае на лектории и кинолектории, а в худшем — на случайный набор кое-как сведенных в общий план лекций. Не столь давно, например, в Воронежской и Липецкой областях университеты научного атеизма создавались чуть ли не в каждом районе, а в некоторых (скажем, Хлевенском) сразу по два. Их программы, похожие, словно близнецы, представляли собой набор общих лекционных тем, перемежаемых демонстрацией кинофильмов, почти не имеющих отношения к атеизму.

Приблизительно так же обстояло дело на факультете научного атеизма народного университета знаний Дворца культуры Государственного подшипникового завода № 5 (г. Томск). Вот его программа: «Программа КПСС о задачах научно-атеистического воспитания трудящихся», «Борьба за мир и религия», «Современное православие», «Религия и церковь в странах народной демократии», «Пасха и что религиозного в этом празднике», «Почему они порвали с религией», «Что вы знаете о йогах», «Современная наука о долголетии». Ни одной местной конкретной темы.

Так же абстрактно выглядит и учебный план Хотынецкого районного народного университета (Орловская область). Приводим темы в их последовательности: «Церковь и религия в современном мире», «Космические корабли настоящего и будущего», «Вечер-рассказ: «Что дали науке спутники и ракеты», лекция «Научные убеждения и религиозная вера», «Религия и атеизм сегодня», устный журнал «Человек с планеты» (с какой — неизвестно), «Почему человек пришел к богу?», «Наука и религия о жизни и смерти», «Медицина на службе народа» и, наконец, итоговый вечер вопросов и ответов. Трудно, конечно, назвать это программой народного университета.

А взять факультет научного атеизма народного университета лекторского мастерства Октябрьской районной организации общества «Знание» города Рязани. Здесь картина еще разительнее: за семь учебных месяцев из 11 прочитанных лекций атеистических — шесть.

Может быть, университеты, о которых здесь шла речь, уже улучшили свою работу, но оснований полагать, что нечто похожее не возникает в других местах, нет. Ведь дело в том, что до сих пор даже нет устава народного университета, в том числе и атеистического, то есть ни методически, ни организационно не определена грань, отделяющая его от других форм научно-атеистической пропаганды, хотя рекомендации создавать такие университеты есть.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорится: «...Разработать и осуществить конкретные меры по усилению атеистического воспитания». Народным университетам для этого нужны примерные программы и учебные планы. Президиум правления общества «Знание» РСФСР и Всероссийский совет народных университетов не раз указывали на необходимость разработки нескольких их вариантов — для различных типов университетов, рассчитанных на разные группы слушателей. Тем не менее новые учебный план и программа сейчас даны в варианте, рассчитанном лишь на очень хорошо подготовленного слушателя и на высококвалифицированные кадры преподавателей, а ведь такие есть не везде.

При этом примерный учебно-тематический план рассчитан на двухгодичный курс и включает 134 учебных часа. Практика, однако, показывает, что даже самые лучшие университеты не в состоянии выдержать такую «нагрузку». Детальное знакомство с конкретными учебными планами и абонементами позволяет сделать вывод: лишь некоторые из народных университетов научного атеизма работают строго в пределах рекомендованного учебного времени, поскольку практически это невозможно.

Недаром работники народных университетов на совещаниях, конференциях постоянно поднимают вопрос о необходимости довести курс обучения, рассчитанный на подготовку пропагандистов и агитаторов, до трех лет. А ректор народного университета, действующего на столичном заводе «Серп и молот», даже предложил ввести пятилетний срок обучения. Пять лет, возможно, и многовато, но идея о трехлетней подготовке пропагандистов заслуживает внимания.

Теперь — о содержании рекомендуемой программы. Составлена она, как принято говорить, на должном теоретическом уровне. Но уж очень суха и абстрактна. И главный ее просчет, на мой взгляд, в том, что лейтмотивом учебного материала не стал разговор о человеке. Даже такая яркая тема, как «Нравственное содержание атеизма», подается до того общо и казенно, что просто жаль тех, кому она предназначена. Удивительно: насколько красочно мы живописуем негативные стороны нравственных устоев религии, настолько сухо рассказываем о гуманизме атеизма.

И, конечно же, нужно начать работу над составлением нескольких вариантов новых учебных планов и программ. Первый вариант — для университетов (факультетов) массового, широкого профиля. Их учебный план должен быть популярным, доступным, а программа должна включать просмотр кинофильмов, вечера вопросов и ответов, тематические вечера, читательские конференции, интересные экскурсии и т. п. Мне, например, такой народный университет видится как бы продолжением, второй ступенью школы начальных знаний о природе, обществе и человеке. Здесь вполне достаточно двухлетнего курса.

Более насыщенными, теоретически и практически, должны быть темы учебно-тематического плана и программы для университетов, где готовятся кадры атеистического актива. И здесь в программе будут киносеансы, вечера вопросов и ответов, читательские конференции, встречи с творческими работниками. Но организаторами и непосредственными исполнителями должны быть уже сами слушатели. Нужны тут и практические занятия: работа над рефератами, разработка конспектов и тезисов лекций, чтение их, прослушивание в аудитории, рецензирование и т. п. Для этого типа народных университетов, пожалуй, следует подготовить свой учебник.

Хорошо бы иметь и пособие, ориентированное на слушателей атеистических факультетов университетов других отраслей знаний. Пример тому — неплохое, на мой взгляд, пособие, выпущенное в 1971 году Ленинградской организацией общества «Знание», где разработаны перечни тем лекций по научному атеизму для народных университетов.

Не четко решена и по сей день проблема руководства народными университетами. Не может быть двух мнений о том, кто должен нести ответственность за эту работу: научно-методические советы (секции) по пропаганде научного атеизма, существующие при правлениях местных организаций общества «Знание». Сейчас же конкретным руководством народными университетами на местах занимаются все понемногу, а фактически — никто. Оно осуществляется главным образом путем рассылки постановлений, решений, примерных планов и программ из Москвы, а также обобщения статистических данных. А ведь давно уже пора наладить действенную организационную работу, с учетом местных условий, и действительно научное руководство народными университетами.

В общем, проблем в подготовке пропагандистов научного атеизма много. Взять, к примеру, такую, как организация постоянно действующих атеистических семинаров, школ атеистического актива, школ повышения лекторского мастерства пропагандистов атеизма. Их задача — переподготовка атеистических кадров, в основном выпускников народных университетов научного атеизма, совершенствование мастерства пропагандистов. Примером тому может служить уже упоминавшийся Дзержинский район столицы, где успешно действует школа атеистического актива.

Требует также своего разрешения и насущная проблема организации сбора, изучения и творческого обобщения, а также непременного освещения в печати всего передового опыта народных университетов научного атеизма.

Лучшие публикации 1979 года

Редколлегия журнала «Наука и религия» признала лучшими из опубликованных в минувшем году следующие статьи, корреспонденции, интервью, художественные и публицистические произведения:

Н. Байрамсахатов
РОЖДЕНО ВРЕМЕНЕМ (№ 8)

И. Баллод
ШАГ ЧЕРЕЗ КАТАСТРОФУ (№ 10)

О. Брушлинская
«Я ГОВОРЮ ОТ ИМЕНИ ГОРЯНОК...» (№ 3)
(Интервью с чеченской поэтессой Р. Ахматовой)

О. Будревич
300 ИНДЕЙЦЕВ И ОДИН КСЕНДЗ (№ 4)
(Перевел с польского С. Будковский)

М. Бусыгина
КОВИНА И ДРУГИЕ (№ 11)

М. Гольденберг
В ТУПИКАХ ДЕЗИНФОРМАЦИИ (№ 9)

С. Гущев
В СТРАНЕ БУДУЩЕГО (№ 11)

Д. Джеякантан
НА СТЫКЕ ЭПОХ (№ 7)
(Рассказ индийского писателя перевел с тамильского В. Фурника)

А. Емельянов
«МНЕ КАЖЕТСЯ...» (№ 6)

И. Жерневская
ЗЕМЛЯ ОТВЕЧАЕТ (№ 6)

Г. Иванова
НЕОЖИДАННЫЙ И ОЖИДАЕМЫЙ ПРАЗДНИК (№ 4)
(Интервью с народным артистом СССР В. Васильевым)

С. Львов
ГРАЖДАНИН ГОРОДА СОЛНЦА (№ 1—4)

А. Нуйкин
ДОСТОИНСТВО (№ 1)

М. Попова
«СПАСИТЕЛЬНАЯ» МИССИЯ ДЗЕН (№ 11—12)

А. Романов
ТЕАТР СВОБОДОМЫСЛИЯ (№ 2)
СЕРДЦЕ ЖАННЫ (№ 3)
(Интервью с народным артистом СССР М. Царевым и кинорежиссером Г. Панфиловым)

А. Сагадеев
ВОКРУГ ТРАКТАТА «О ТРЕХ ОБМАНЩИКАХ» (№ 5—6)

А. Сулацков
РЕЦИДИВ НЕПРОТИВЛЕНЧЕСТВА (№ 9)

С. Умаров
МЮРИДИЗМ С БЛИЗКОГО РАССТОЯНИЯ (№ 10)

А. Шамаро
РОДНИКИ (№ 3—4)

Ю. Школенко
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ ПРИРОДЫ (№ 12)

Ю. Шульмейстер
ПОСОБНИКИ (№ 11)

Из этих публикаций решено отметить денежными премиями:

А. Сулацков. Рецидив непротивленчества	— 200 руб.
И. Баллод. Шаг через катастрофу	— 150 руб.
А. Шамаро. Родники	— 150 руб.
М. Попова. «Спасительная» миссия дзен	— 100 руб.
А. Сагадеев. Вокруг трактата «О трех обманщиках»	— 100 руб.
С. Умаров. Мюридизм с близкого расстояния	— 100 руб.
Ю. Школенко. Экологическая мораль природы	— 100 руб.
Ю. Шульмейстер. Пособники	— 100 руб.

Л. АЙЗЕРМАН

ИСПЫТАНИЕ ЖИЗНЬЮ

ЗАЩИТНИКИ религиозной веры утверждают, что только одна религия может стать подлинной нравственной опорой человека в наш стремительный век, полный искушений и соблазнов. По их мнению, без религии человек обесчеловечивается.

«Мир нуждается не только в познании, но и в любви, и естествознание будет ни на что не способно, если религия не научит людей любить друг друга»,— утверждает современный теолог. Спасение от «угрозы человеческому бытию, нависшей над индустриальным массовым обществом, — пишет другой богослов, — в христианстве, в религии».

Этим поискам спасения человечества в иллюзорном, несуществующем мире противостоит иная традиция — традиция, которая опирается на выработанные народом истинные духовные ценности, идеалы и святыни. Литература аккумулирует богатейший опыт духовных исканий и нравственных обретений. На страницах многих книг из тех, которые изучают ребята в сегодняшней школе,— старый, давно ушедший быт. Но в них вместе с тем содержится непреходящий нравственный опыт. Этот бесценный опыт убедительно опровергает позиции сторонников религиозной веры. Поэтому для атеистического воспитания так важно передать его современной юности.

Анализируя романтические произведения М. Горького и пьесу «На дне», мы, школьные преподаватели литературы, говорим с десятиклассниками о мечте и действительности. Так возникла тема сочинения «Мечта и жизнь». Определяем круг проблем для обсуждения: всегда ли мечта помогает жить? С чем чаще приходится встречаться — с романтической окрыленностью или трезвой практичностью? Как действует на человека разлад мечты и действительности?

«Мечтателей порой называют сумасшедшими, потому что они вопреки логике и рассудку стремятся к далекой звезде. Но не эта ли «сумасшедшая» мечта движет прогресс!»

«В наш строгий век нужно трезво оценивать свои способности и возможности и не пытаться достать звезды с неба».

Как видите, в рассуждениях слышится и трезво осмотрительный голос. Но преобладает иное:

«Кто будет бороться за счастье людей, если все будут рассудительными, трезвыми, если все будут уверены, что борьба против силы обречена на провал, бесполезна, невозможна!»

«Практичный человек обеспечивает себе более спокойную и соответственно легкую жизнь. Но стремясь избежать трудностей и разочарований, он тем самым лишает себя больших радостей».

«Не надо бояться мечтать, бояться столкновения с реальностью, надо бояться превращения в черствого практика, не способного видеть и чувствовать всю полноту жизни».

Десятиклассники хорошо понимают, что дело не только, да и не столько в мечте самой по себе, что суть проблемы в вере и неверии, в духовности и бездуховности.

«Складывается впечатление, что трезвый подход к жизни чрезмерно возобладал над романтическим. Это приводит к некоторой приземленности мыслей и чувств. Многие, боясь разочарований, живут, не ставя перед собой больших целей, не мечтая о больших свершениях».

«Порой современные «деловые люди» забывают о таких качествах, как отзывчивость, умение поступиться своими интересами ради другого, потому что они думают больше всего о конкретной пользе, а сфера чувств их не интересует».

«Боюсь, что одна трезвая деловитость вызывает к жизни не самые лучшие человеческие качества — эгоизм, черствость».

В этих размышлениях отразилась столь характерная для юности жажда бытия — настоящей жизни, насыщенной, осмысленной, одухотворенной. Именно поэтому так встревоженно звучат их голоса:

«Проходит день — и думаешь: а что же я сегодня сделала? Стараешься вспомнить, и оказывается, и вспомнить-то нечего. И становится так обидно за себя, за то, что день прошел зря. А ведь так день за днем, того и гляди, и вся жизнь пройдет бездарно, пусто, скучно».

«Дела большие и малые заваливают человека, и нет им ни конца, ни края. Больше всего угнетают мелочи. Люди куда-то спешат, о чем-то беспокоятся, уезжают и приезжают, ссорятся и мирятся — словом, погружены в повседневные дела и заботы. Вот и бегут так дни, слагаясь в месяцы, годы и жизнь. И жизнь уходит».

Поэзия жизни столкнулась с ее прозой. Жажда бытия — с гасящим ее бытом, повседневностью. И эта проблема встает не только перед юными. Читая сочинения старшеклассников, понимаешь: сомнения и тревоги и даже некоторая категоричность суждений вызваны не только возрастом, но и временем. Оно сложное, насыщенное, напряженное и во многом совсем иное, чем то, о котором старшеклассники узнают, читая Горького, Шолохова, Фадеева, Маяковского, Островского, Быкова... И в нем, нашем времени, все большее место занимает быт. Порой быт противопоставляют бытию. Однако стоит ли сегодня, по примеру богословов, рассматривать все житейское как суету сует, как что-то низменное, противоположное духовной стороне жизни — бытию?

Быт, как его определяет философский словарь,— «одна из важнейших сфер жизни общества, охватывающая все существование людей вне их производственной и общественно-политической деятельности; материальная и культурная среда, в которой происходит удовлетворение потребностей в пище, одежде, жилище, отдыхе, развлечениях, поддержании здоровья и т. д.». В нашей стране «наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» конституционно определяется как «высшая цель общественного производства». Итак, быт — значительная часть бытия и одна из его целей — около трех четвертей национального дохода составляет ныне фонд потребления.

Но современный быт рождает новые проблемы. И нынче о быт разбиваются не только любовные лодки. Прав Юрий Трифонов: «Быт — это великое испытание. Не нужно говорить о нем презрительно, как о низменной стороне человеческой жизни, недостойной литературы. Ведь быт — это обыкновенная жизнь, испытание жизнью, где проявляется и проверяется новая, сегодняшняя нравственность. Взаимоотношения людей — тоже быт... Нужно постоянно делать выбор, на что-то решаться, что-то преодолевать, чем-то жертвовать».

В книге Л. Н. Жилиной и Н. Т. Фроловой «Проблемы потребления и воспитание личности», единственной, насколько мне известно, на эту тему, есть очень выразительный пример. Один старшеклассник написал в сочинении, что он мечтает стать летчиком, что в людях этой профессии сочетаются такие качества, как благородство, смелость и щедрость души. А далее стыдливо добавил, что в этой профессии его привлекает и большая зарплата. И тут стал бичевать себя — называть это желание странным, мещанским и т. д. По этому поводу авторы книги совершенно справедливо пишут, что мы далеко не всегда воспитываем трезвый подход к жизни, «стыдливо обходим любое упоминание о месте «вещного богатства» в жизни личности... На наш взгляд, было бы правомерно считаться с тем, что в повседневной жизни людям приходится серьезно и вдумчиво относиться к вопросам быта».

Конечно, излишний житейский практицизм, меркантильная расчетливость, с которыми приходится сталкиваться и среди взрослых, и среди юных, не могут не тревожить. Но именно для того, чтобы противостоять таким тенденциям, надо не подходить к ним односторонне и упрощенно. «Культ вещей,— читаю в одной из педагогических статей,— выражение духовной нищеты, пусть это будет любование современной мебелью и новейшими моделями приемников на полупроводниках, пусть это будет повышенный интерес к манере одеваться, развлекаться — все равно».

Подобный односторонний подход к проблемам быта сродни рассуждениям церковников о пользе аскетизма, он столь же нежизненный, как эти рассуждения. Да, мы боремся с мещанским обожествлением вещей. Но нельзя же не видеть, что интерес к предметам быта все более входит в нашу жизнь. Мы выстаиваем в очереди на выставки своей и зарубежной мебели, на демонстрацию отечественных и зарубежных мод, любуемся изделиями легкой промышленности на международных выставках. Как же можно все это считать проявлением духовной нищеты?

«Вещи обладают способностью акку-

мулировать в себе творческие усилия человека-творца и потому выступают источником творческой мысли, несут духовное содержание, становятся, по выражению Маркса, чувственно представшей перед нами человеческой психологией... наряду с инструментальной, практической функцией вещи может быть присуща и иная функция, определяемая тем, что сама вещь может стать предметом потребности вследствие присущего ей духовного содержания» *. Естественно, что духовная значимость вещей может иметь различный смысл, способствовать возвышению человека и действовать на него разлагающе. Поэтому и надо разъяснять молодежи место вещей в жизни человека.

Десятиклассники пишут сочинение на тему «Люди и вещи». Вещи создаются для людей и способны приносить истинную радость — эту мысль в той или иной форме высказал почти каждый.

«Мне нравится, когда человек со вкусом и хорошо одет, когда дома уютно, стоят красивые и нужные вещи. Хорошо, когда есть машина. Но все эти удобства должны быть обычными вещами, как, скажем, холодильник».

«Вещь не только приносит нам непосредственную пользу. Вещи — это мера удовольствия. Они облегчают нашу жизнь, дают нам ощущение красоты, радости, новизны, поднимают настроение».

«Очень часто люди, желая выглядеть лучше, благороднее, заявляют, что материальные ценности и блага — ерунда, мещанство, а сами любят комфорт, уют. Зачем? Другое дело, когда комфорт и уют становятся целью жизни или когда из-за них приходится поступаться какими-то жизненными принципами».

Следует сказать, что эта последняя оговорка содержится во всех других сочинениях. «Вся проблема в том, чтобы не возводить вещи на пьедестал, не обожествлять их». «Я против того, чтобы это становилось целью и смыслом жизни». «Люди, приносящие самих себя в жертву материальной благоустроенности, сознательно обедняют свою жизнь».

С тревогой пишут авторы сочинений о престижной роли вещей, о том, что порой «иметь» становится важнее, чем «быть», что нередко вещи превращаются в символ успеха, мерило человеческой сущности.

«Некоторые считают, что если человек имеет красивую, модную мебель, хороший магнитофон, лакированный паркет и ковры, то, значит, он живет хорошо, а тех, кто, по их мнению, живет хуже, они раз и навсегда ставят ниже себя».

«Как часто недостающую порой уверенность в самом себе придают нам «фирмовые» джинсы».

«Бывает, что люди, которым не удалось добиться материального успеха, считают себя неудачниками, свою жизнь несчастной. Они болезненно ощущают отсутствие дорогих и модных вещей».

«Один наш знакомый привез из-за границы черный унитаз с красной крышкой и поставил его в ванной, облицованной лиловым французским кафелем. Боюсь только, что его эстетическое удовольствие омрачено мыслью о том, что у кого-то есть перламутровый унитаз и розовый кафель».

Сколько во всем этом иронии, негодования, горечи, а порой и растерянности. И все же при всех крайностях, неточностях и запальчивости в суждениях главное ребята схватили верно: «темпы роста» материального и духовного должны совпадать.

Чтобы вещи не становились главным в жизни, нужна напряженная духовная жизнь, не только материальные, но и другие потребности. «Наступление вещей» возможно потому, что существует духовный вакуум. Именно с ним и надо бороться. Рост благосостояния с новой, с особой силой ставит перед нами вопрос о цели и смысле жизни. Об этом говорил на XVIII съезде комсомола Л. И. Брежнев: «Забота о повышении жизненного уровня народа — это центральное направление внутренней политики партии. При этом мы имеем в виду и рост материального, и рост культурного уровня жизни людей. Одно нельзя отрывать от другого. Мы отвергаем как проповедь бедности и аскетизма, так и культ потребления, психологию мещанина, для которого копейка, по меткому выражению Горького, есть солнце в его небесах. Материальные блага для нас не самоцель, а предпосылка всестороннего развития личности. Поэтому важно, чтобы подъем благосостояния сопровождался обогащением внутреннего мира людей, формированием правильного понимания цели и смысла жизни».

Когда речь заходит о воспитании человека, особенно молодого, порой приходится слышать, что, дескать, все трудности в этом деле прежде всего обусловлены тем, что люди все больше имеют и получают. Согласиться с такой упрощенной постановкой вопроса не могу. Растущие (а они действительно растут на глазах) требования к жизни проявляются в самых разных ее сферах и вовсе не сводятся к потребностям чисто материальным.

Еще в начале 60-х годов в нашей стране был проведен ряд конкретно-социологических исследований по проблемам труда. Оказалось, заработок при оценке привлекательности труда на том или ином предприятии опрашиваемые ставили на шестом месте. Более важным оказались хорошие отношения с товарищами, дружный коллектив, режим труда, позволяющий разумно сочетать работу с учебой и отдыхом, а также содержание работы.

Конечно, и здесь — в том, что и как человек получает от жизни, что он имеет, какие требования к обществу предъявляет,— возможны отклонения. И все же главное, на мой взгляд, в другом.

«Сейчас, — прочитал я в одном из сочинений, — люди хотят не только вкладывать, но и получать. Наверно, это естественно. В конечном итоге все усилия должны быть направлены на благо личности».

Сказанное здесь по сути своей верно. Но все дело в том, что нередко желание больше получать начинает преобладать над стремлением больше вкладывать. Более того, рождается у некоторых желание вкладывать меньше. Порой молодой научный сотрудник возмущается посредственным фильмом или сереньким романом, а сам приискивает диссертационную тему попроще и т. д. Мы куда больше спрашиваем с других, чем с себя. А именно в том, как мы ощущаем свою личную ответственность,— средоточие самых главных наших нравственных обретений и потерь. Естественно, что речь идет не только о работе — обо всей жизни. С точки зрения этой проблемы десятиклассники обсуждали повесть В. Распутина «Последний срок».

Многотрудна и горька была жизнь старухи Анны: «...Рожала, работала, ненадолго падала перед новым днем в постель, снова вскакивала, старела — и все это там же, где родилась, никуда не отлучаясь, как дерево в лесу...» И все же «справлять свою жизнь для нее было то радостью, то мучением — мучительной радостью». Откуда же это ощущение радости жизни, в чем смысл ее, что помогало перетерпеть и выдюжить? Вот что пишут десятиклассники:

«В чем причина такой жизнестойкости? Видимо, в том, что корнями своими она связана с природой, с трудом, с людьми, со всем, что необходимо человеку и что поддерживает его».

«Старуха Анна удивительно мудра: она чувствует, хотя, может быть, и не может объяснить это логически, что должно быть главным в человеке, что наполняет смыслом его жизнь. Она чувствует свои «корни», ощущает за собою долгий ряд людей, продолжение которых она — Анна. А дети — ее продолжение: это главный смысл ее жизни, как, впрочем, — она уверена в этом — и каждого человека. Да, у нее есть от кого уходить и есть к кому приходить».

Это ощущение единства с людьми, кровной связи с миром и утрачено ее детьми. Они живут и легче, и вроде бы лучше нее — не прикованы к одному месту, учились. Но их связи с близкими порваны, у них нет главного — чувства человеческой общности.

«Нет самого главного: родной ниточки, связывающей всех детей, жилки матери, единой во всех душах».

«Дети утрачивают способность к искреннему чувству, к сопереживанию. И сами они лишены связи между собой. Они не чувствуют необходимости в общении с людьми».

«Дети старухи Анны живут неизвестно зачем и для чего. Они все в своих делах, по сути, им ни до кого нет дела. Они безразличны ко всему, что вне их. Они не ощущают прошлого и мало видят будущее. Но от этого беднеет их настоящее».

«Утрачены корни, дети не ощущают себя звеном в единой цепи жизни. Такое обесценивание естественных человеческих ценностей пагубно».

Так поняли десятиклассники смысл и проблему повести В. Распутина. Книга утверждает самоотверженность, душевную щедрость, совестливость, самопожертвование — все то лучшее, что несет народный опыт.

«В последнее время мы много говорим о сохранении природной среды, памятников материальной культуры, — сказал с трибуны VI Всесоюзного съезда писателей Федор Абрамов.— Не пора ли с такой же энергией и напором ставить вопрос о сохранности и защите непреходящих ценностей духовной культуры, накопленных вековым народным опытом?.. духовные потери чреваты, быть может, еще большими последствиями, чем разрушение природы, хищническое истребление лесов и обмеление рек».

Возможным духовным потерям все более активно противостоят литература и преподавание литературы в школе.

* Л. Возмоздин. Культурно-социологический анализ вещи. В кн.: «Вопросы социологии искусства». М., 1979, стр. 111, 112.

Л. ГРАФОВА

Труд души

«ПОЧАЩЕ рассказывайте о добре и горе», — написала в редакцию одна из читательниц журнала «Наука и религия». Странная — не правда ли? — просьба. Зачем этой женщине из Ангарска нужно узнавать о чужом горе? Своих бед и трудностей не хватает, что ли? И почему такое сочетание: добро и горе? Что между этими понятиями общего? Впрочем, задаю эти вопросы чисто риторически. По правде сказать, просьба эта представляется серьезной и актуальной.

Не думаю, что автор письма — сверхблагополучный человек, которому хочется узнавать о чужой беде из праздного любопытства. У этой женщины, как и у каждого из нас, своих сложностей в жизни, наверное, предостаточно. Но душа ее стремится к состраданию, потому что страдание за другого, пусть оно даже и не будет иметь практического, конкретного результата, пусть не окажет немедленной поддержки этому другому, но все равно прибавит доброты в мире. Наверно, поэтому слова «добро» и «горе» стоят здесь рядом.

Это письмо заставило вспомнить одну трагическую историю, о которой в свое время я писала в «Комсомольской правде». Не столько сама история (она — дело прошлое) сейчас волнует, сколько некоторые из откликов, пришедших после публикации статьи. В противоположность выше приведенным строчкам — «Почаще рассказывайте о добре и горе» — авторы тех откликов выражали недовольство, что описанная в газете история «слишком трагична», и гневно спрашивали: стоит ли страдать, когда страдать не обязательно?

Я сохранила эти письма, выражающие весьма тревожную тенденцию «легкого» отношения к жизни, о которой и хотелось бы сегодня поговорить. Но сначала напомню, что же произошло однажды на дороге, ведущей из Харькова в Киев.

Автобус вез экскурсию. Ехали люди не случайные, все — с одного завода, все— активисты, награжденные этой поездкой за хорошую общественную работу. Ехали с веселыми шутками, песнями, и вдруг при обгоне автобус занесло и перевернуло в кювет. 27 человек остались живы-здоровы, даже ранений не было, а один погиб. Его звали Сергей Луценко. Ему было 25 лет. Он закончил институт, отслужил в армии, работал инженером-конструктором, был избран заместителем секретаря комсомольской организации завода. Был честный, добрый, любящий всех и любимый всеми человек. Его не стало в одно мгновенье.

«...Мы выбрались из перевернутого автобуса, как из собственной могилы. Что с нами? Где мы? Потом кто-то поднял с земли часы. «Часы Сергея!» — узнал наш руководитель Володя, он дружил с Луценко. И тут только мы поняли...»

Они, конечно, пожалели Сергея, женщины даже поплакали. Но уже через полчаса группа остановила попутный автобус, и, погрузив в него свои продукты и вещи, оставив погибшего товарища на дороге, все уехали дальше в Киев. На экскурсию. И она состоялась, эта злополучная экскурсия.

Когда разные люди, много людей, поступают одинаково безнравственно, становится страшно за себя: а вдруг и ты на их месте поступил бы так же? 27 раз подряд — от каждого из участников — выслушивала я эту историю, пытаясь понять: что же происходило с группой в те полчаса, вместившие выбор... Объяснения были сбивчивы, противоречивы. Единственный общий мотив: «Виноват дорожный инспектор. Он подвел, дезинформировал, грубо заставил уехать...»

Сначала я этому верила, но потом позвонила в Пирятин, и не подозревающий о своей «вине» инспектор дорожного надзора четко рассказал:

— Я прибыл к месту аварии в 16.30. Почти вся группа уже сидела в автобусе. Я спросил, нет ли ранений, отметил путевку. И все уехали. Остаться? Нам, милиции всегда лучше, если при погибшем кто-то близкий остается. Но заставлять — не мое право. Да и жалко их было — перепуганные, замерзшие.

Руководил экскурсией Владимир В., в ту пору секретарь комсомольской организации завода. И, значит, это его заместитель погиб — Сергей Луценко. И, значит, жребий остаться рядом с погибшим выпал в первую очередь Владимиру — ближе человека Сергею там не было. Но — струсил или боялся проститься? — вот главное: признаться в своем малодушии, переложить свой долг на кого-то другого Владимиру, «прекрасному, волевому организатору», никак не хотелось. И тогда как «алиби» придумал версию о неуступчивом инспекторе. Значит, «подвел, дезинформировал» группу сам ее руководитель? Он — главный виновник и больше никто?

Но вернемся на ту дорогу. Вспомним: там стоят 27 человек. Каждый стоит перед выбором.

«Мы находились в состоянии шока... Никогда раньше не приходилось попадать... Если бы мы только могли предположить...»

Да, если бы знать, как отзовется наш необдуманный поступок, наше случайное слово, сколько несчастий не случилось бы на земле. Но жизнь идет без репетиций. Критический момент не всегда узнаешь в лицо. Кто не испытывал горького сожаления, что вчера поступил не так, как хотел бы поступить сегодня?

«Эх, если бы выбор зависел от меня! Но все решало руководство», — говорит слесарь Евгений, которому Сергей Луценко вручал накануне новый комсомольский билет.

«Нет, я не испугался, и мысль остаться была. Но не смог... Нескромно было вперед всех лезть», — оправдывается диспетчер Анатолий, который, как вспоминает группа, плакал всю дорогу и в Киеве ни разу не вышел из гостиницы.

И «баянист Ваня», единственный из группы, кто после всего происшедшего осмелился прийти к родителям Сергея, тоже повторяет: «Я там был человек маленький. Только теперь понимаю: стоило мне настоять тогда — и всем бы в сердце ударило».

Да, стоило одному... И не только Иван,

Чужое ли горе?

Анатолий, Евгений, думаю, почти каждый из них, окажись в той ситуации один, поступил бы нормально, по-человечески. Но — группа, «наша веселая, сплоченная группа»... И стыдно вынырнуть из толпы, «нескромно» проявить себя человеком. Общая ответственность, раскладываясь на много плеч, становится невесомой.

Но не вернешься на ту дорогу. Не проживешь заново тот день. И есть один выход — осознать до глубины горечь вины, раскаяния. Увы! — этого тоже не случилось. И с коллективом завода, и с родителями погибшего группа вступила в отношения какой-то странной вражды. Осталось у меня горькое ощущение: на той темной дороге они находились в состоянии шока, возвратившись, оказались в состоянии «группового гипноза». Общая вина — как круговая порука: раз нас так много и виноваты мы все — значит, не виноват (в отдельности) никто. Защищаясь, теряли слух, зрение, все необратимее превращаясь из людей в «попутчиков»...

Статья так и называлась — «Попутчики». Нет ничего неожиданного в том, что в газету пришло много откликов. Большинство читателей восприняли случившееся с болью, с горячим душевным сочувствием. Но было, как я упоминала выше, несколько поразительно спокойных, рационалистических писем. Достаю сейчас одно из них, из Воронежа:

«Статья навязывает читателям странный разговор о вине живых перед тем, кого уже нет. По категоричному мнению спецкора, продолжать экскурсию после аварии — дурно. Почему дурно — неизвестно. Но будем реалистами: экскурсия была естественным, необходимым шагом для выведения и без того пострадавших людей из состояния шока. К счастью, современный человек обладает способностью снимать с себя те бесчисленные перегрузки, которые обрушивает на него пресловутая асфальтовая культура города: там кто-то попал (или мог попасть) в дорожную катастрофу, там кто-то внезапно заболел, там кого-то оскорбили и тому подобное. Если мы будем все без разбора принимать близко к сердцу, не выработаем в себе защитной реакции, мы быстро станем больными людьми, окажемся просто нетрудоспособными. Другое дело, когда от нас требуется реальная помощь...»

Попытаемся для начала встать на точку зрения этого автора. Она не столь уж оригинальна. Мы, действительно, порой так боимся показаться слабыми. Сдержанность, сдержанность — вот религия XX века. Нужно одеть чувства в броню. Необходимо только такое добро, которое со щитом, с мечом или — по крайней мере — «с кулаками». А на сантименты растрачиваться зачем?

Так, может быть, не следует осуждать автора письма, который осмелился напомнить расхожую житейскую истину: сегодняшний мир столь сложен, стремителен, перенаселен, сегодня так ценится поступок, действие, что невозможно «все без разбора принимать близко к сердцу», а успеть бы реально оказать помощь, когда она в твоих силах...

На днях слышала, как дочь урезонивает мать: «Хватит за всех болеть. Ты не солнышко, всех не обогреешь». Запомнилось искреннее недоумение на лице старой женщины: да, не солнышко, но что поделать, если хочется каждого и приласкать, и обогреть. Просто несовременная старушка?..

Где-то читала: каждую минуту на земле рождается 225 человек. Не знаю, сколько умирает. Наверно, меньше. Но ведь каждую минуту кто-то (и не один) умирает. Попробуем это представить въявь: вот сейчас, сию минуту, во многих точках земли... Нет, почему-то ком к горлу не подкатывает. и цифра, какая б она ни была, не способна повергнуть нас в состояние мировой скорби. Может быть, это она и есть — «защитная реакция»? А без нее, в самом деле, где взять силы да просто время, чтобы думать, работать, жить свою жизнь? У каждого человека, что ни говори, дни состоят не только из подарков и праздников. И давно известно, что

...так устроен шар земной,
и тем вовек неувядаем:
смеется кто-то за стеной,
когда мы чуть ли не рыдаем.

Равновесие бытия. Стоит ли обижаться?

И, может быть, не такой уж это кощунственный вопрос: стоит ли страдать, когда страдать не обязательно?

Но — стоп!

Рассуждения о «защитной реакции» и прочих атрибутах самосбережения разумны, пока носят характер камерно-личный или пока абстрактны. А стоит их поставить перед лицом жизни — становится стыдно: да о чем мы говорим?

Вспомним: несчастье, непоправимейшее из непоправимых, случилось не где-то далеко, не за стеной даже, а на глазах 27 человек, чуть ли не с ними случилось. Они не виноваты, но так вышло, что Сергей один погиб, когда могли погибнуть все. Они будто выиграли страшную игру с судьбой, и теперь он и они связаны какими-то неизъяснимыми узами. И вдруг он мгновенно становится для них «тем, которого нет»?

Впрочем, погибшему от живых уже ничего не нужно. Не о спасении его жизни, а о спасении их собственных душ шла тогда речь. Я не знаю, что именно они должны были делать: остаться возле него, поспешить к его родителям, просто вернуться домой... Да уместны ли тут эти «нужно», «должны»? Я не в состоянии понять, как могли они свои синяки и шишки почувствовать больнее его смерти. Как могли сразу же зажить своей, совершенно отдельной от него жизнью. Не о внешнем трауре речь, а о внутренней невозможности не пережить страдание.

Однако вот студентка Лия К. из Москвы недоумевает:

«...В статье меня очень удивили слова о человеке, «который вопреки соображениям здравого смысла не смог бы смириться с очевидностью», то есть со смертью товарища. И, помилуйте, что за странные разговоры о «спасении своей

души», о которой якобы должны были подумать участники экскурсии? В этом есть что-то религиозное...»

Вновь услышав сейчас этот упрек в свой адрес, я неожиданно подумала: пожалуй, Лия К. кое в чем права. Действительно, окажись на месте тех «экскурсантов» человек верующий, — бросил бы он погибшего на дороге, смог бы отнестись к мертвому, как к тому, «кого уже нет»? Ведь религия учит, что душа человека бессмертна и, значит, он есть всегда. И пусть мы, материалисты, с этим толкованием бессмертия не согласны, пусть в понятие «души» мы вкладываем совершенно иной смысл, но не можем же, не должны мы чураться этих самых понятий только потому, что испокон веков ими оперирует религия.

Ощущение, что каждый человек — огромный, неповторимый мир, связанный с другими людьми неисчислимым количеством прочных живых нитей, трепетное, нежное отношение к человеку именно как к «узлу связей и отношений» (и оттого-то его жизнь не кончается с его смертью), забота о чистоте собственной совести, тревожная ответственность за происходящее рядом и самая элементарная ответственность за каждый свой шаг, каждый поступок — все это — насущные святыни, без которых человек превратился бы в робота.

Но, перечитывая письмо некоего Владимира Л. из Ярославля, я вновь испытываю чувство страха, будто слышу за этими беспощадными словами полязгивание и поскрипывание каких-то металлических шестеренок, не подозревающих о существовании у человека души: «Стояли бы они над телом или не стояли, ровным счетом ничего не изменилось бы, — пишет этот Владимир. — Требовать гуманного отношения к мертвому — все равно, что говорить о человеческом отношении к шкафу или к столу». Перед такими словами чувствуешь свое бессилие, как перед глухой стеной. Можно еще спорить с образом мыслей, но со строем чувств как поспоришь?

Разве что привести вот это письмо:

«...Мне невольно вспомнился февраль сорок второго года, — рассказывает В. Н. Рудаков из Калининграда. — Мы вели очень тяжелые бои под Старой Руссой. Я тогда командовал огневым взводом. В одном из сражений из нашего взвода погибли четверо солдат, а мы отступали. Конечно, убитым все равно, где лежать — на поле, занесенном снегом, или в земле, скованной морозом. Нам, живым, было не все равно! Когда стемнело, мы — шесть человек в маскировочных халатах — ползком вынесли товарищей с поля боя и похоронили их рядом с огневой позицией. Каждый из нас рисковал жизнью, однако ни у кого не возникло сомнения, стоит ли это делать?»

Вот она, непреклонность ответа всем рационалистам и прагматикам: «Нам, живым, было не все равно!» И перед этим бессильны и жалки все упреки так называемого «здравого смысла». И можно только поклониться подвигу шестерых, которые в бесчеловечных условиях войны сумели остаться на высоте человечности.

Да, гуманное отношение к мертвому необходимо прежде всего самим живым. Здесь пора вспомнить кульминационный эпизод той трагической истории.

Ведь было так: пока группа «залечивала психическую травму» экскурсией по Киеву, отец погибшего, инвалид войны Василий Иванович Луценко, ехал на попутках к месту гибели сына, и чужие люди помогали ему разыскивать тело в морге, заказывать гроб и потом на поднятом из кювета автобусе с выбитыми стеклами целую ночь везти сына домой. Отца пронизывало ветром, заносило снегом, а он, вопреки логике, неотвязно думал об одном: холодно Сереже.

«Мы так намерзлись, пока ехали в Киев. В автобусе не работало отопление», — жалуется группа. Они пробыли в Киеве два дня, как и предполагалось по плану. Выполнили всю программу, кроме посещения театра («Ничего хорошего в репертуаре не нашлось. Театр заменили питанием»).

Как же могло случиться, что авторы рационалистических писем «не заметили» столь пронзительного факта? Факт просто не вмещался в их концепцию? Увы! — такая знакомая, такая известная опасность: когда кто-то начинает говорить от имени абстрактного человечества, когда пытается глобально взглянуть на людские беды, неизбежно выпадает мысль о конкретном человеке — он становится легко заменимым, одним из множества, то есть понятием среднеарифметическим. А «понятию» — не больно. От этого смещения сколько уже бед и катастроф произошло на земле.

Не принимать «близко к сердцу» чужого горя, если не можешь помочь? Да это все равно, что сказать: сегодня я не буду дышать, сегодня пыльный воздух.

«...В соседнем селе Хумалаге десятиклассники отказались от выпускного бала в знак траура по своему погибшему товарищу. Конечно, выпускной бал бывает раз в жизни, его 10 лет ждешь, но мы понимаем тех ребят». Это письмо 17-летних Сабины Дуардековой и Альбины Шебоковой из Северной Осетии я читаю со светлым чувством, будто узнаю, что в какой-то безвестной сельской школе выпускникам вместе с аттестатом зрелости выдали аттестат на человечность.

Пытаясь понять, откуда берутся «попутчики», Геннадий Васильев из Челябинска размышляет: «Мы ханжески боимся говорить и даже думать о «страшной теме», то есть о смерти. И вот такая беззаботность в час испытания реальностью чьей-то смерти (конечно, чужой — смерть, когда мы ее видим, всегда чужая) оборачивается животным трепетом, готовностью откупиться от трагедии чем угодно, вплоть до предательства».

Трудно с Геннадием не согласиться. Давнее его письмо будто продолжает сегодняшнее — от той самой женщины из Ангарска, просьбу которой: почаще пишите о добре и горе — мы упомянули в начале разговора. Так вот чем она обосновывает свою просьбу: «Человек должен принимать в себя всю полноту и сложность жизни с ее неизбежным трагизмом. Мы так усердно бережем своих детей от печальных впечатлений, думаем, что таким образом избавляем их от излишних страданий, а на самом деле воспитываем в них эгоизм и душевную черствость». И рассказывает, как она, по профессии учительница, попросила однажды своих пятиклассников написать сочинение на тему «Самый печальный день в твоей жизни». Кто-то из ребят написал, что это был день, когда у него украли щенка, кто-то вспомнил случай, когда ему не дали обещанной путевки в пионерский лагерь у Черного моря... А большинство ответили, что по-настоящему печального дня у них не было. Никогда? — переспрашивала потом учительница. Никогда! — утверждала девочка, отец которой недавно бросил семью. Никогда! — отвечал мальчик, мать которого в тяжелом состоянии лежала в больнице, и другой мальчик, у которого на днях умерла воспитавшая его няня.

Наши дети часто не понимают, что такое печаль. Наши дети, а зачастую и взрослые пребывают в легкомысленно-оптимистическом заблуждении, будто смерти не существует вовсе. Мы спешим жить, нам некогда, мол, предаваться грустным размышлениям, от которых только портится настроение.

И здесь вновь напрашивается аналогия с отношением к смерти у людей верующих. Отношение к смерти — краеугольный камень религиозной морали. Верующие воспринимают смерть как начало другой, новой жизни. И оттого все время помнят о смерти, по-своему готовятся к ней. Мы, материалисты, знаем, что эта, земная жизнь — одна-единственная. Но ведь тем более должны мы помнить, как коротка она, как быстротечна...

Мужественное осознание всегда лучше, чем самообман и бездумность. Ощущение краткости жизни только усиливает любовь к ней, повышает ответственность перед собой и перед обществом за каждый прожитый день, заставляет бережно относиться к окружающим: незаменим и неповторим каждый. Спеши согреть человека — может статься, ты его видишь в последний раз.

Да, простая, обыденная жизнь важна и значительна во всех своих подробностях. Ничто не проходит бесследно, все отбрасывает тень в будущее. Даже тайная мысль, мелькнувшая когда-то и не осознанная, может сказаться в решительный момент. К подвигу нельзя специально подготовиться, и вместе с тем подвиг не бывает случаен. Как и поступки, обратные подвигу.

Зачем нужны чувства вины, раскаяния? Они ведь доставляют отрицательные эмоции... Но, с другой стороны, известно: запущенная вина мстит всю жизнь. В частности, и это имела я в виду, призывая в той статье «попутчиков»: спасите ваши души хоть теперь, хоть осознанием...

Страдание оттачивает душу человека, как волна камень, — эту мысль упрямо, неистово, со свойственной ему безмерностью отстаивал всем своим творчеством Достоевский. В искусстве еще со времен Аристотеля существует понятие «катарсис» — очищение через сильное переживание, через потрясение искусством. Есть понятие «катарсиса» и в жизни. Человек мог быть эгоистом, снобом, не умеющим поступиться толикой своего благополучия ради блага ближнего, но однажды, пережив «землетрясение» души, он способен стать другим, новым.

Как хотелось бы, чтоб небо было всегда голубым, а человек только счастливым. Чтоб само слово «страдание» забылось... Увы! — невозможно отменить упрямую диалектику жизни. Но ей противостоит гордая диалектика человеческого духа: к радости — через страдания! Жизнь прекрасна еще и тем, что через «со-переживание» чьей-то радости, через «со-страдание» горю открываешь для себя как внезапную правду: ты не один на свете, ты нужен!

КАЖДАЯ МОЯ встреча с Ханапи Магомедовичем Омаровым, главным врачом Акушинского района, приносит мне радость общения с близким по духу человеком. Порой мы засиживаемся с ним до утра, если, конечно, беседа наша не прерывается тревожным звонком. А звонят ночью в дом Омарова часто — то молодому хирургу надо перед срочной операцией посоветоваться, то где-то в горах случилось несчастье с чабаном и Ханапи должен ехать на помощь... Но если он, оставив меня, уезжает, я все равно не сплю.

Думы уносят меня в далекие годы — в наше с ним общее детство, школьное отрочество, в мои студенческие времена. И о чем бы ни думал, не уйти от вопроса, который мучает, наверное, многих: «Кто ты в этой жизни, нужен ли ты людям?» Вот Ханапи всегда уверен: он нужен. Да, у него счастливая судьба, вон как уважительно здороваются с

М. МАГОМЕДОВ

Селение Акуша. Фото Г. Киселевой.

Рассказ о друге

Ханапи Омаров.

ним не только молодые люди, но и почтенные аксакалы.

Мы с ним дети войны. Холодные классы нетопленой школы, кусок хлеба на весь день, самодельная обувь на два размера больше, чтобы положить соломы для тепла... И постоянные разговоры о тех, кто вернулся с фронта.

Мы, мальчишки, всегда играли у моста, и ни одного фронтовика, возвращавшегося в аул, пропустить не могли. Бежали навстречу и задавали один и тот же вопрос: «Дядя, ты чей?» Получив ответ, бежали к ослепшим от слез матерям, постаревшим в ожидании женам, поседевшим от горя сестрам и сообщали им радостную весть. Нет ничего на свете лучше, чем принести людям радостную весть! Собирался весь аул во дворе, где жила счастливая семья, люди приносили все, что имели съестного, для гостей. Мы, дети, тут же. Стараемся быть поближе к фронтовику, выжидаем подходящий момент, чтобы спросить с надеждой: «А моего папу, дядя, нигде не встречал?»

И говорил святую неправду фронтовик, посмотрев на умоляющее лицо мальчишки: «Видел, живой-здоровый он, много орденов у твоего папы, но не успел записать его адрес». А другой отвечал: «Трудная эта штука — война, сынок. Многих убило, многих покалечило. Может, и жив твой отец, но я его не встречал».

Однажды ясным, солнечным днем вернулся Магомед Омаров, отец Ханапи. Мы делали запруду для ловли рыбы, а наш часовой, маленький Абдулла, заснул на пригорке. Когда мы закончили запруду и собирались начать рыбалку, увидели, что подошел мужчина, задумчиво смотрит на нас. Мы все разом подбежали, обступили его. Он ответил на наши вопросы. Потом показал на старшего брата Ханапи и сказал: «Ты Гасан, а где же Ханапи?» Братья кинулись к нему. С завистью смотрели мы на них. Как хотелось каждому вот так броситься к отцу! Многие из нас не дождались этой счастливой минуты. Не вернулся с войны и мой отец...

Магомеда Омарова избрали председателем колхоза. Помню, как-то собрал он нас, ребят, и сказал слова, которые запомнились нам на всю жизнь: «Дети, посмотрите, сколько горя и трудностей вокруг. Война, будь она проклята, будет долго еще напоминать о себе. Но мы — живые люди и должны помочь тем, кто нуждается в помощи. Никто не вернет света глазам старой Бапа, ослепшей от слез, матери четырех погибших сыновей; никто не вернет рук безруким фронтовикам; хромые не перестанут хромать. Все мы должны заботиться о них. Постарайтесь жить так, чтобы людям от вас польза была. Будет у нас все. Счастливо будем жить. Представьте себе, Ханапи — врач, Шамиль — учит детей, Исагаджи — летчик».

Каким прекрасным нравственным примером была для нас жизнь Магомеда Омарова!

Время бежит быстро. Много событий несет с собой...

В соседнем лесу, в пяти километрах от аула, был родник, названный муллами «Шейхла иниз» — родник шейха. Они водили туда верующих молиться, просить дождя, хорошего урожая. Чистая, прозрачная вода считалась святой. А в ауле не было водопровода, люди пили грязную речную воду. Аульский сход по предложению отца Ханапи решил: «Люди должны пить чистую воду». Кирками, ломами и лопатами работали, и скоро в ауле появился водопровод — сколько угодно самой чистой и прозрачной воды ничуть не хуже, чем в том роднике. Сколько угодно «святой» воды!

Был еще сход, на котором акушинцы решили построить свою гидроэлектростанцию. Сказано — сделано. В домах аульчан появился свет, а на груди председателя колхоза засиял орден Ленина.

Когда заканчивали школу, у Ханапи не было никаких сомнений в выборе профессии: он знал, что станет хирургом. И хоть учились мы в разных институтах, дружба наша продолжалась. Ханапи редко, правда, бывал на веселых землячеcких вечеринках. То у него дежурство в больнице, то работа на «скорой», то надо готовиться к докладу в студенческом научном обществе.

Ленинский стипендиат Ханапи Омаров окончил в 1964 году Дагестанский меди-

цинский институт, в 1966 году — клиническую ординатуру. Молодого хирурга, уже проявившего склонность к науке, пригласили работать в родной институт. Я был очень рад — вот, думал, друг будет рядом. Но Ханапи не остался в городе: «В Акуше мы с Шахрузат нужнее. Понимаешь, там от нас людям больше пользы будет». Шахрузат — жена Ханапи, по специальности врач-акушер.

Женитьба Ханапи на однокурснице — аварке Шахрузат из Хунзаха — для нас не была неожиданностью. Мы знали об их любви, и никто из нас не сомневался, что это будет счастливая семья. Шутили, правда, что, мол, как же он женится на девушке другой национальности. Напомнили, как некогда девушку-лачку из Кумуха, осмелившуюся выйти замуж за армянина, возили по селу на осле, обмазанную сажей. Аварка Шахрузат быстро стала своим человеком в нашем даргинском ауле. Как-то во время нашей встречи я устроил маленький экзамен их детям: спросил старшего сына, шестиклассника Шамиля, какой язык он считает родным. Мальчик не затруднился с ответом: «Даргинский, аварский, русский». Я повернулся к четвероклășснице Майрусат и пятилетнему Камилю: «И вы тоже?» «А как же?» — отвечали они. В этой семье говорят на трех языках.

В районной больнице Ханапи Магомедович Омаров лечил людей, проводил исследования и в 1971 году в Краснодарском мединституте защитил кандидатскую диссертацию. Зря пугали его, что в селе он не сможет заниматься наукой.

Прошлым летом я приехал в Акушу и сразу — к Ханапи. Вместе со мной и нему в кабинет вошли выпускники мединститута, прибывшие на работу по направлению. Главврач встретил их суховато. Посмотрел документы, спросил, где устроились. Рассказал немного о больнице, в конце беседы сказал: «Ну что же, мы рады каждому из вас, но прошу подумать серьезно, сможете ли вы работать в горах. Вас могут вызвать в любое время суток в далекий горный аул, к чабанам на пастбища. Поездите по району, посмотрите наши условия, подумайте, через неделю встретимся».

Когда они вышли, Ханапи вызвал завхоза, попросил позаботиться о молодых врачах, показать им район. Сам засмеялся и сказал, уже обращаясь ко мне: «Все останутся. Увидят наши горы, ущелья, родники, познакомятся с людьми, никуда не захотят уезжать».

Ханапи мне рассказывал, что в нашем районе до революции не было ни одного врача, был только фельдшер; царское правительство выделяло на здравоохранение четверть копейки в год на душу населения. Сейчас под руководством Омарова трудятся 33 врача, 140 медработников со средним образованием. В районной больнице — 180 мест, а в районе — 37 медпунктов, четыре колхозных роддома, участковая больница, противотуберкулезная больница, есть передвижная амбулатория для чабанов, пункт «скорой помощи», более 20 машин для выезда в аулы. Заканчивается строительство трех новых корпусов районной больницы, строится еще одна — типовая, на 130 мест. Все эти цифры он сообщал мне, будто стихи читал.

Однажды он предложил: «Слушай, ты давно не был на Цугнинском участке? Я сегодня еду туда, поехали вместе, заглянем к чабанам».

Кто откажется пройтись по альпийским лугам, надеть бурку, взять в руки ярлыгу и, наконец, съесть чабанский хинкал? Уж, конечно, не я, бывший пастух, сын животновода. А воздух на Цугнинском участке просто пьешь глотками, как родниковую воду.

Не берусь описать красоту гор, горы надо увидеть. В ауле Гапшима Ханапи пошел осматривать больницу, а я отправился на годекан*, люблю слушать горских стариков. В их мудрости — наше прошлое и настоящее, вся здешняя жизнь. Тут можно узнать, когда и что случилось, в каком году был хороший урожай, как такой-то и такой-то поступали в таких-то случаях. И этот рассказ будет для всех уроком, кто и где из аульчан сейчас живет, учится, хорошо ли поступил председатель колхоза в такой-то день, чей бычок в ауле самый сильный, что было хорошо, а что плохо на последней свадьбе.

Старики степенно ответили на мое приветствие, пригласили сесть рядом. По горскому обычаю, не спросили, кто я, чей, по какому делу приехал. Гость сам расскажет обо всем. Единственный вопрос, который разрешается задать: «Есть ли у тебя, дорогой, в этом ауле кунак?» Если нет кунака, старший аксакал скажет самому молодому: «Сын Гасана (или Абдулы, или Омара), наш гость будет тебе кунаком». То есть другом. Я сказал старикам, что давно не был в их ауле, приехал с Ханапи Магомедовичем и здесь у нашей семьи есть кунаки — семья Ильясовых.

Один из аксакалов неторопливо набил трубку: «Давно у нас не был, это жаль. Видишь, аул наш стал большой, красивый, новые дома построил колхоз. В школе работают учителями наши сельчане. Учились в Москве, Ленинграде, Киеве, Махачкале. Врачи — тоже свои, председатель колхоза — ученый, агроном — ученый. Много наших детей учится в институтах. Знаешь нашего Ханапи Магомедовича? Хороший человек, хороший врач».

Мне это было радостно слышать.

Старик продолжал: «Советская власть дала нам больницы, школы, богатую жизнь. Твой друг Ханапи заставляет меня ходить в больницу на осмотр. Бережет стариков... Правда, и раньше были хорошие врачи из народа, такие, как Гаджи Бутринский. Знаешь его? Он, говорят, большого врача, знаменитого ученого научил лечить переломы без операций».

Да, я знал,что был такой самородок из Дагестана. А знаменитый ученый — это Пирогов. Не знаю, правда, учил ли чему-то его Гаджи Бутринский, но великий хирург подарил нашему земляку свой набор хирургических инструментов. Он хранится сейчас в Дагестанском краеведческом музее.

На годекане продолжался разговор: «Но таких, как Гаджи, было мало. В аулах лечили людей муллы и знахари. Ох, как лечили... Раны засыпали дорожной пылью, молитвы при этом читали. Женщинам от бесплодия давали отвар из высушенных корней бурьяна — пей, мол, пять раз в день, перед каждым намазом. Песок, собранный на утренней заре, сыпали в глаза больным трахомой. Толстую шерстяную нитку со множеством узлов считали хорошим лекарством от малярии — во время приступа ею туго перевязывали голову. Куриное яйцо с написанными на нем арабскими словами «лечило» от безумия. Эх, сынок, сколько людей погибло зря от такого лечения...»

Рассказчик встал и сказал: «Однако пора идти, скоро по телевизору кино начнется». За ним поднялись и другие. Но тут подошел Ханапи Магомедович, разговор о способах лечения продолжился. Старики спрашивали, Ханапи отвечал. Слушая эту стихийную беседу, я восхищался тем, как умело, ненавязчиво просвещает Ханапи этих древних стариков, разоблачает суеверия и сверхъестественные представления. Завтра или уже сегодня аксакалы расскажут об этой беседе в своих семьях, соседям, и зерно, посеянное Ханапи, непременно даст урожай.

Я знаю, что Ханапи Магомедович не любит читать лекций. Хотя он руководит секцией атеизма в лекторской группе Акушинского райкома партии, выступает с лекциями очень редко. Но я знаю и то, что он тут, в лекторской группе, больше на месте, чем любой другой, кто охотно их читает. Каждый может посоветоваться с Омаровым, о чем и как выступать, и его совет всегда сделает чью-то лекцию содержательнее, полезнее. Да и сам Ханапи, когда окажется среди людей, вот как сейчас, на годекане, не упустит случая побеседовать и обязательно заставит их задуматься, усомниться в том или ином религиозном обычае. «Знаешь,— говорил мне как-то Ханапи,— от официальных выступлений толку мало. К людям надо прийти запросто, говорить с ними на языке, понятном им».

Об этом он напоминает пропагандистам, когда собирается секция атеизма. «Друзья, — говорит он им, — не забывайте, что верующие — это тоже труженики, советские люди. То, что они верят в каноны ислама, не вина их, а скорее беда... Относитесь к ним спокойно, беседуйте доверительно, и тогда мы достигнем результатов. У каждого человека своя жизнь, свои радости, свои огорчения. Наша задача — помочь каждому разобраться в том, чего он еще не понял. Прежде всего будьте добры к людям, с которыми ведете воспитательную работу».

Мой рассказ о хирурге Омарове подходит к концу, а я замечаю, что ничего еще толком не рассказал о нем как о друге. Лучшего друга я не знаю с самого детства. Но об этом пришлось бы рассказывать долго. Приведу один его тост на очередной встрече земляков: «Друзья, рад нашей встрече. Дни без друга — это потерянное время. Если у человека нет друзей, он зря прожил жизнь. Хочу пожелать вам всем, чтобы вас всегда окружали верные товарищи, чтобы вы всегда были рядом со мной, но не как с хирургом, конечно... За дружбу, за жизнь!»

Ханапи любит жизнь, хотя знает и не лучшие ее стороны, видит страдания людей, больше других ощущает, как еще несовершенен человек, но и больше многих понимает, как надо его беречь, как о нем заботиться. Потому что никакой другой жизни у человека не будет, кроме той, что на земле, здесь. И надо ее делать счастливее, краше. Он делает для этого все, такая у него главная цель.

г. Каспийск
Дагестанской АССР

* Годекан — место в ауле, где собираются для беседы старики.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СЛОВО

Пауль АРИСТЭ.
Академик АН ЭССР

ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ В ЭСТОНИИ ХОДЯТ ЛЕГЕНДЫ. ГОВОРЯТ: НЕТ НА ЗЕМЛЕ НАРЕЧИЯ, НА КОТОРОМ НЕ СМОГ БЫ ОБЪЯСНИТЬСЯ ПРОФЕССОР ПАУЛЬ АРИСТЭ, АКАДЕМИК АКАДЕМИИ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР, ИЗВЕСТНЫЙ ЛИНГВИСТ, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ПАУЛЬ АРИСТЭ СВОБОДНО ВЛАДЕЕТ ДЕСЯТКАМИ ЯЗЫКОВ, СОВРЕМЕННЫХ И ДРЕВНИХ, В ИХ ЧИСЛЕ И ВЕСЬМА РЕДКИЕ. ПЕРВЫЙ НАУЧНЫЙ ТРУД ОН НАПИСАЛ НА... ЭСПЕРАНТО. ОДНУ ИЗ КНИГ СОЧИНИЛ НА ЦЫГАНСКОМ, А В ШТАТЕ ИНДИАНА (США) БЫЛА ПЕРЕВЕДЕНА ЕГО ГРАММАТИКА ЯЗЫКА ВОТИ — КРОХОТНОЙ ФИННО-УГОРСКОЙ НАРОДНОСТИ, ЖИВУЩЕЙ В СССР.

В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ МИРЕ П. АРИСТЭ ИЗВЕСТЕН КАК СОБИРАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА, НЕУТОМИМЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ЗА СЛОВОМ, КРУПНЕЙШИЙ ИНТЕРЛИНГВИСТ — СПЕЦИАЛИСТ, ИЗУЧАЮЩИЙ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ.

СЕГОДНЯ УЧЕНЫЙ — ГОСТЬ ЖУРНАЛА. БЕСЕДУ С НИМ ВЕДЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ АЛЕКСАНДР ХАРЬКОВСКИЙ.

● — ГОВОРЯТ, НОВОЕ — ЭТО ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ. НЕДАВНО ПОЯВИЛСЯ ТЕРМИН ВАВИЛОНИЗМ — ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ОН ПОДРАЗУМЕВАЕТ ЯЗЫКОВЫЕ БАРЬЕРЫ, МЕШАЮЩИЕ ОБЩЕНИЮ ЛЮДЕЙ, УЧЕНЫХ, В ЧАСТНОСТИ. ДЖОН БЕРНАЛ В СВЯЗИ С ЭТИМ ПИСАЛ: «...НУЖНО ВЫРАБОТАТЬ РАДИКАЛЬНО ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ, ОСОБЕННО НЫНЕ, КОГДА МИР СТАНОВИТСЯ ДЕЙСТВУЮЩИМ НАУЧНЫМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ, В КОТОРОМ ВАВИЛОНСКАЯ МЕШАНИНА ЯЗЫКОВ ЯВЛЯЕТСЯ УЖАСАЮЩИМИ ПУТАМИ». НЕ КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ, ЧТО СЕГОДНЯ В ИЗВЕСТНОЙ МЕРЕ ВОЗРОЖДАЕТСЯ НОСТАЛЬГИЯ ПО «ДОБИБЛЕЙСКИМ ВРЕМЕНАМ», КОГДА «БЫЛ НА ЗЕМЛЕ ОДИН ЯЗЫК»?

— Прекрасная мечта, но, увы, нереальная: наука доказывает, вопреки утверждению Библии, что единого языка у землян никогда не было. Однако сам миф заслуживает научного разбора: как и почему он возник и какое значение придает ему церковь?

Библия утверждает: некогда все народы говорили на одном языке. Взаимопонимание придало им силы и породило гордыню: они решили бросить вызов самому богу — построить башню высотой до неба. Яхве, глядя на их дружную работу, будто бы испугался и решил: «...Смешаем там языки их так, чтобы один не понимал речи другого». Утеряв возможность понимать друг друга, строители оказались в смятении и не смогли осуществить свой замысел...

● — ПОЧЕМУ АВТОРЫ БИБЛИИ ПОМЕСТИЛИ ВСЕ ЭТИ СОБЫТИЯ ИМЕННО В ВАВИЛОНЕ?

— В вавилонском языке «баб-илу» означает «врата божьи». А в древнееврейском есть похоже звучащее слово — «балал», которое переводится примерно как «столпотворение». Уже одно это фонетическое сходство могло породить само понятие «вавилонское столпотворение».

Нужно помнить, что Вавилон был многоязычным городом, в нем трудились рабы из разных стран. Реставрируя одну из башен в VII веке до нашей эры, вавилонский царь Набопаласар приказал выбить на ней надпись, которая переводится буквально так: «Людей многих национальностей я заставил работать над возвращением из руин этой башни».

Древние иудеи считали Вавилон средоточием греха — они были там на положении рабов во времена так называемых «вавилонских пленений», и это отразилось и в Библии — стоит вспомнить «плач на реках вавилонских».

Любопытно, что Вавилонская башня появляется в ней дважды: первый раз в мифе о вавилонском столпотворении — как вызов богу, второй — в рассказе о сне Иакова, внука Авраама, которому она привиделась как ангельская лестница — символ союза человека с богом. Откуда это противоречие? Дело в том, что библейские легенды различны по возрасту. Первую сложили в Вавилоне, а когда возникла вторая, евреи уже жили в Ханаане и успели позабыть о жестокостях пленения. Иначе говоря, миф о вавилонском столпотворении написан, так сказать, по горячим следам, возможно, по рассказам людей, сооружавших знаменитую башню.

● — ВЫ ГОВОРИТЕ О МИФЕ И ТУТ ЖЕ РАССКАЗЫВАЕТЕ О СТОЛПОТВОРЕНИИ ТАК, СЛОВНО ОПИСАННЫЕ В БИБЛИИ СОБЫТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИМЕЛИ МЕСТО. КАК ЭТО УВЯЗЫВАЕТСЯ ОДНО С ДРУГИМ?

— Собрание библейских книг составлено проповедниками иудейской религии и вовсе не является «откровением божьим», как утверждает церковь. Но археологические и лингвистические исследования, особенно в последние десятилетия, показали: основой некоторых библейских сюжетов послужили реальные, земные, а не сверхъестественные события. Можно привести для примера упомянутый в Библии город Иерихон, стены которого будто бы обрушились от «гласа труб иерихонских». Археологи нашли его и раскопали стены этого города. Оказалось, они действительно рухнули, но в результате подкопа. Дудели ли нападающие при этом в трубы, чтобы заглушить звуки подкопа, — остается загадкой.

Реальна и Вавилонская башня. Между реками Тигр и Евфрат археологи обнаружили немало ступенчатых пирамид — зиккуратов, служивших для отправления культа. Удалось найти и фундамент самого известного из них — высотой 90 метров. Облик этой башни представить нетрудно, так как, помимо описания, сохранился рисунок ее на глиняной табличке. Сооружали ее из обожженного кирпича и речной глины, это соответствует тому, что, согласно Библии, применяли строители Вавилонской башни. По-видимому, такая башня существовала реально, но вот единого языка у разных народов Земли, увы, никогда не было.

● — КАК ТРАКТУЕТ ПРОБЛЕМУ РАЗНОЯЗЫЧИЯ СОВРЕМЕННАЯ НАУКА? И ЧТО ГОВОРЯТ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ СЛУЖИТЕЛИ ЦЕРКВИ?

— Согласно религиозной точке зрения, разноязычие — проклятие, ниспосланное человеку богом, а времена, когда на земле было изобилие и люди говорили на одном языке, теологи относят к «золотому веку», безвозвратно канувшему в прошлое. Собственно миф о вавилонском столпотворении — это еще один вариант легенды о грехопа-

дении первых людей, повествующей о том, как бог изгнал их из рая, чтобы они в поте лица добывали хлеб свой.

Ученые считают, что язык возник у первобытных людей в процессе их трудовой деятельности. Как свидетельствуют антропологические раскопки, племена их бродили по огромным просторам и контакты между ними могли быть лишь случайными. Понятно, что и языки у них вырабатывались разные. Впоследствии, в результате общения и миграции увеличивавшегося населения планеты, возникали новые языки, отмирали старые. Так что многоязычие — результат длительного и противоречивого исторического процесса.

Отцы церкви видят в языке дар божий, которым создатель наделил свое творение — человека. Люди, ведущие свое начало от Адама и Евы, как из того следовало, говорили на одном, богом данном языке, то есть, судя по Библии, на древнееврейском. Но историческая лингвистика доказывает, что древнееврейский вовсе не был ни первым, ни, тем более, единственным даже в самой глубокой древности — у него были предшественники, были и есть и другие языки, в том числе и родственные ему — семитские.

В средние века при дворе индийского царя Ашоки поставили интересный эксперимент. Нескольких грудных младенцев разных народов воспитывали в глухом монастыре без контакта с другими людьми. Ожидали, что дети заговорят на одном, богом данном языке. Однако дети выросли... немыми. Подобные эксперименты иногда ставит и природа: вспомним Маугли, выросшего среди зверей. Факты свидетельствуют: такие дети «говорят» на зверином языке. Все это доказывает, что язык отнюдь не дар небес, а продукт общественных отношений людей.

● — ЦЕРКОВЬ, КАК ИЗВЕСТНО, ОЧЕНЬ КОНСЕРВАТИВНА В СВОЕМ ОТНОШЕНИИ К ЖИВЫМ ЯЗЫКАМ. У ПРАВОСЛАВНЫХ, НАПРИМЕР, С АМВОНОВ ЗВУЧИТ СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК, У КАТОЛИКОВ — МЕРТВАЯ ЛАТЫНЬ, У МУСУЛЬМАН — УСТАРЕВШИЙ УЖЕ СЕГОДНЯ ЯЗЫК КОРАНА. ПОХОЖЕ НА ТО, ЧТО ЦЕРКОВЬ НЕ СТРЕМИТСЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ ДО ВЕРУЮЩЕГО ДОШЛО «СЛОВО БОЖЬЕ»?

— Слышали выражение «темна вода во облацех»? Пастыри не случайно обращаются к верующим на малопонятном богослужебном языке: они не стремятся распространять идеи Библии или Корана, у которых существуют десятки различных толкований. Устаревшему церковному языку свойственна таинственность, которая обычно воздействует на чувства верующего, на его подсознание. Но вот от веяния времени церкви и тут уйти не удается: в католической церкви разрешено богослужение и на национальных языках.

А мечта о едином, понятном для каждого землянина языке стара, как мир, она старше Библии и попала в священное писание из народных сказаний.

И все же языковые барьеры не назовешь благом, разноязычие ведь мешает общению народов, прогрессу науки, техники. Представьте себе, на скольких языках должен читать свою литературу ученый. Покойный профессор Д. Л. Арманд рассказывал мне, что для составления карты климатов Африки сотрудникам Института географии Академии наук СССР потребовалось знание 25 языков, в том числе и весьма редких.

Однако выходы из такого положения есть. Один из них привычный — устный и письменный перевод. Пушкин уважительно называл переводчиков почтовыми лошадьми просвещения. Они делают большое и трудное дело, переводы сегодня широко распространены в мире. Но надо сказать, что сейчас им не под силу сделать доступными все культурные и научные ценности каждого народа. К тому же при общении через переводчика нередко теряется то, что А. Сент-Экзюпери называл «роскошью человеческого общения». А это очень важно для взаимопонимания людей и народов. Я это знаю на собственном опыте.

Родители разговаривали со мной, естественно, по-эстонски. Однако неподалеку от моего родного села жили русские старообрядцы и немецкие переселенцы. Я научился говорить с ними на их языках. После переезда семьи в Таллин отец и мать подружились с рабочими-шведами, и я выучил шведский. Недалеко от города стоял цыганский табор. Я познакомился с мальчишкой, природным педагогом, и выучил язык цыган, стал записывать их песни. Потом решил переписываться с другими странами и изучил язык эсперанто (впоследствии даже был избран членом Академии эсперанто — есть такая международная организация).

Весь мой опыт говорит: само знание языков всегда ограничено. Так, сейчас я думаю, разговариваю и пишу на эстонском, финском, шведском, немецком, русском, общаюсь на цыганском, разговариваю на венгерском и эрзя-мордовском, но уже не столь свободно. Английский, немецкий, французский применяю во время поездок и в научной работе. Несколько десятков западных и восточных языков лежат в моей памяти, я читаю на этих языках, активизирую их по мере надобности, но нельзя сказать, что я ими по-настоящему владею. Человек в состоянии овладеть только общим словарным запасом и строем каких-то других языков, но при этом не может узнать как следует все их тонкости. Да к тому же все это будет лишь малая толика из тех тысяч наречий, на которых говорят обитатели нашей планеты.

В прошлом веке в канцелярии папы римского был лингвистический уникум кардинал Меццофанти. Говорят, он понимал около 80 языков. Рассказывают, что однажды в Риме моему соотечественнику разрешили лицезреть папу: следовало на коленях пробираться по длинному коридору, чтобы в конце его поцеловать папскую туфлю. На пути к цели паломник шепнул своему товарищу, что он готов плюнуть на святейшую туфлю. Тут же от стены отделилась фигура Меццофанти, который приказал эстонцам покинуть зал.

● — НЕЛЬЗЯ ЛИ ВСЕ ЖЕ ИЗБРАТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ ЯЗЫК НА РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО?

— История свидетельствует, что в этой роли когда-то выступала латынь, многие люди изъяснялись на французском. В разное время такими языками были и греческий, и немецкий, в последнее время — английский. Заметьте, каждый раз на авансцену выходил язык крупной колониальной империи — будь то Римская или Британская. Но как только народы обретали свободу, они начинали развивать собственную культуру и отказывались от языка колонизаторов.

Этот процесс прогрессивный. Марксисты тут исходят из указания В. И. Ленина: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка». Конечно, можно ради удобства избрать тот или иной язык в качестве рабочего для международного форума, но никто не согласится провозгласить, к примеру, тот же английский единственно международным. Это будет неверно принципиально: господство языка в определенных социальных условиях может поставить другие народы в неравноправное положение.

● — НЕ ЗАШЛИ ЛИ ТОГДА НАШИ РАССУЖДЕНИЯ В ТУПИК? ГДЕ ВСЕ ЖЕ ВЫХОД ИЗ «ВАВИЛОНСКОГО СТОЛПОТВОРЕНИЯ»?

— Кардинального решения здесь, действительно, пока нет. Очевидно, нужно шире вводить изучение иностранных языков и использовать отдельные из них в роли зональных, как используется, например, испанский — в Латинской Америке. Вспомним, что все многочисленные народы нашей страны избрали русский язык — язык большинства населения СССР — в качестве средства общения советских людей. Кстати, русский язык сегодня тоже становится распространенным международным языком. Это результат ро-

ста авторитета нашей Родины среди других народов Земли.

● — КАКОВЫ ЖЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ? НА СКОЛЬКИХ НАРЕЧИЯХ ГОВОРЯТ СЕГОДНЯ ЗЕМЛЯНЕ?

— Данные тут расходятся, потому что не всегда легко отличить язык от диалекта. Одни исследователи называют цифру 2 тысячи, другие — более 3 тысяч. Исследования выяснили, например, что около 1500 из них постепенно исчезают. Так, на 250 австралийских наречиях теперь говорят всего 40 тысяч человек, в основном старики, аборигены, молодежь предпочитает английский. В Северной Америке существует 170 индейских языков, но владеют ими лишь сотни людей. Однако в Африке идут обратные процессы — оживают уже исчезнувшие было языки. Возрождается коривальский язык в Англии, на нем издается литература... Вообще во всем мире лишь немногим более 500 языков имеют литературу, в том числе и научную.

Еще 23 века назад греческий философ Платон говорил, что боги облагодетельствовали бы человечество, если бы даровали ему общий язык. Однако уже древние не полагались на милость обитателей Олимпа. Например, римский врач Клавдий Гален, заложивший основы фармакологии, создал один из первых проектов международного языка еще во II веке нашей эры.

● — ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК?

— А естественных языков в природе нет. Под естественностью ученые понимают только то, что язык развивается народом-языкотворцем, причем на этот процесс огромное влияние оказывают национальные писатели, поэты, иногда — ученые. Вспомним, что русский язык часто называют языком Пушкина, Толстого, Горького, Ленина.

Естественное и искусственное в языке изучают интерлингвисты. Они установили, например, что великий памятник индийской культуры Веды написан на искусственном, точнее — плановом языке санскрите, само название которого переводится как «выработанный». Индийский ученый-брамин Панини, живший в V веке до нашей эры, составил его грамматику и словарь, пользуясь языком одной из культурных областей Индии той поры. С помощью санскрита удалось в этой стране преодолеть языковые барьеры. И сегодня на нем выходит литература.

Интересный пример сочетания искусственного и естественного — современный арабский язык. Наречия Сирии и Алжира столь разнятся, что жители этих стран не всегда могут понять друг друга. Вместе с тем все они прекрасно понимают тот литературный язык, на котором в странах Арабского Востока выходят книги, вещают радиостанции.

Искусственное в языке, как только оно усваивается его носителями, становится столь же естественным, сколь и искусственное в жизни. Максим Горький по этому поводу писал: «Мне кажется, что мы, люди, вправе сказать: все то, что нами называется «культурой», вся та «вторая природа», которая создается нашей наукой, техникой, искусством, словом все то, что отводит нас от животных, — все это «искусственно»... Если в людях возникает сознание необходимости говорить всем на одном языке — это тоже будет сделано. Все на земле создается напряжением нашей воли, нашего воображения, нашего разума...» Говорят: «язык не развивается искусственно»... Я глубоко убежден, что организованная воля масс вполне способна превратить «искусственное» в естественное...»

● — А БЫВАЛО ЛИ ТАК, ЧТО «ПЛАНОВЫЙ» ЯЗЫК СТАНОВИЛСЯ ЖИВЫМ, РАЗГОВОРНЫМ?

— Такое в истории произошло лишь однажды... Но об этом несколько позже. Мне хотелось бы предостеречь от механистического подхода. Язык — орудие общения, но он нисколько не походит на машину — поставили мотор — и она пришла в движение. Здесь все гораздо сложнее. Язык вызревает веками, даже тысячелетиями, в ходе социально-экономического и культурного развития данного народа.

Мечта об универсальном языке отразилась в «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы. Провозвестником такого языка был Фрэнсис Бэкон, которого К. Маркс назвал родоначальником английского материализма. Глубоко занимались этой проблемой такие великие ученые, как Декарт, Лейбниц, Ньютон, замечательный педагог Ян Коменский. В 1871 году К. Маркс, выступая на конференции профсоюзов, подчеркнул, что многоязычие мешает объединению пролетариев всех стран. Один из конгрессов I Интернационала отмечал в резолюции: «Всеобщий язык... был бы всеобщим благом и весьма содействовал бы единению народов».

Однако для создания такого языка должны были созреть социальные условия. На новую ступень должна была подняться и лингвистика. В конце XIX века в связи с развитием средств связи, общения, торговли и туризма вопрос этот довольно остро встал в повестку дня. В 1887 году польский ученый, доктор Л. Л. Заменгоф предложил основы международного планового языка. Свой проект он подписал псевдонимом «Эсперанто», что в переводе с этого нового языка означает «надеющийся».

Что же сделал доктор Заменгоф? Он отобрал наиболее распространенные интернациональные корни из латыни, романских, германских, славянских и некоторых других языков (в том числе и восточных), объединил их логической, простой, не имеющей исключений грамматикой, придал своему языку музыкальность итальянского и испанского и создал такое написание, что все слова читаются, как пишутся, ударение у них постоянное — на предпоследнем слоге.

Таким образом вот уже более 90 лет в десятках стран мира проходит, по сути дела, интереснейший лингвистический эксперимент — внедрение этого языка. Эсперантисты объединены в национальные организации (в марте 1979 г. в нашей стране была создана Ассоциация советских эсперантистов), которые входят в международную ассоциацию эсперантистов. Эта организация ежегодно собирает международные форумы: в 1978 году, например, в болгарском городе Варне собрались более пяти тысяч любителей этого международного языка на свой 63-й международный конгресс. Очередной 64-й съезд эсперантистов состоялся в швейцарском городе Люцерне. Переводчиков на таких форумах не бывает — все их участники владеют эсперанто, на изучение которого тратится обычно несколько месяцев.

● — ЕСТЬ ЛИ НА НЕМ ЛИТЕРАТУРА?

— Да, и довольно обширная — переводная и оригинальная. Только в СССР за последние 10—15 лет на эсперанто вышли произведения Шолохова, Маяковского, Горького, Гайдара, Райниса, Леси Украинки, Лавренева, Таммсааре, Гарсиа Лорки. Издается и политическая литература. Как вы понимаете, на бедном по своим выразительным средствам языке такие издания были бы невозможны.

Говоря об этом, хочу подчеркнуть: проблема, однако, еще не решена окончательно. Существует, например, так называемый «клуб мировых языков» — официальных языков ООН, причем число их растет. Эсперанто рядом с ними живет как вспомогательный язык, который не стремится никого вытеснить. Сила эсперанто в его нейтральности — он способен стать вторым языком каждого человека. Но станет ли — покажет будущее. При этом следует помнить: перед человечеством стоит немало важнейших проблем, и прежде всего — борьба за мир, предотвращение войны. А это, как известно, основано на общении народов, росте их взаимопонимания. И тут важен язык для общения.

ФОТОГРАФИЯ И ВРЕМЯ

60-летию советского фотоискусства была посвящена всесоюзная выставка «Фотография и время», развернутая в выставочных залах Центрального Дома Советской Армии в Москве. На ней было представлено 500 работ — и тех, что ныне составляют уже классику советского фоторепортажа, и снимков последних дней, вплоть до запечатленного объективом приземления космонавтов В. Ляхова и В. Рюмина после их беспримерной полугодовой космической одиссеи. В своей совокупности экспозиция выставки — это подлинная фотолетопись советской эпохи, воссоздающая в зримых, волнующих образах ратные подвиги народа в гражданской и Великой Отечественной войнах, трудовой героизм первых пятилеток и послевоенного возрождения, раскрывающая богатый духовный мир наших современников.
Мы воспроизводим здесь несколько снимков с этой выставки.

П. Кривцов. Внучка героя.
Я. Халип. Ноктюрн. 1943 г.
П. Носов. Реставратор.
С. Калью. Реставраторы.
А. Шишкин. Мечтатели. 1926 г.
В. Доброхотов. Покорители полюса. 1979 г.
Г. Зельма. В загсе. 20-е гг.

ЧИТАЛЬНЫЙ

Священник с арапником и нагайкой. Так понимало «свободу совести» духовное ведомство царской России. Карикатура из журнала «Спрут» (1906, № 4).

ПРОПОВЕДЬ

В. ЦВЕТКОВ,
кандидат философских наук

75 ЛЕТ НАЗАД пролетариат России под руководством ленинской партии начал первый решительный штурм царизма, вступил в борьбу за ликвидацию феодально-крепостнических пережитков, за установление демократической республики. Толчком к началу революции послужили трагические события 9 января 1905 года. Расстрел царскими опричниками мирной демонстрации трудящихся, шедших с петицией к Николаю II, вызвал возмущение во всех слоях общества, сильнейшим образом поколебал веру в царя.

«Рабочий класс, — писал В. И. Ленин, — получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни» [1].

После «кровавого воскресенья» события нарастали, как снежный ком. В тот же день рабочие петербургских заводов захватили оружейную мастерскую, соорудили на Васильевском острове баррикады и приняли открытый бой с отрядом карателей, спешно высланным на подавление восстания. В столице вспыхнула всеобщая стачка.

В знак солидарности с пролетариатом Петербурга забастовали рабочие Москвы, Иваново-Вознесенска, Тулы, Нижнего Новгорода (Сормово) и других городов. Волна стачек и демонстраций прокатилась по всей России, быстро втягивая в массовое революционное движение не только промышленных рабочих, но и сельский пролетариат, а также широкие слои крестьянства. Кульминационным пунктом революции стало декабрьское вооруженное восстание в Москве.

Царское правительство ответило на революционные выступления рабочих и крестьян жестокими репрессиями. Аресты, карательные экспедиции, черносотенные погромы следовали один за другим. Особенно широкое наступление контрреволюция повела после поражения декабрьского восстания. Не полагаясь только на полицейский террор, царь и его приближенные прибегали к обходным маневрам, пытались мелкими уступками и демагогическими обещаниями уменьшить накал борьбы.

Не последняя роль в действиях реакции отводилась православной церкви. С первых дней революции святейший синод и церковные иерархи заняли непримиримую позицию по отношению к требованиям рабочих и крестьян, выступили с осуждением «крамолы», призывом к ее беспощадному искоренению. Следуя указаниям духовного ведомства, священнослужители в проповедях давали резко отрицательную оценку происходящим событиям, творили молитвы об охране царствующего дома. Немало служителей церкви вошли в «Союз русского народа» сразу же после его образования в октябре 1905 года и принимали непосредственное участие в черносотенных погромах.

Важное место в противонародной деятельности духовенства занимали беседы и проповеди, читаемые с церковных амвонов в целях воспитания верующих в религиозно-монархическом духе. В помощь рядовым священникам, особенно периферийным, издавались сборники проповедей и поучений видных церковных деятелей, богословов, монахов и других защитников престола и православия.

Типичный образец подобного рода литературы — «Проповеди. Приложение к руководству для сельских пастырей» (Киев, 1906 г.). «Приложение» выходило ежемесячно, и авторы его приурочивали свои выступления к тому или иному православному празднику, тезоименитству членов царской фамилии или просто использовали факты общественной жизни того времени, давая им религиозно-идеалистическую интерпретацию.

Анализ «Приложения» позволяет довольно четко определить политическую ориентацию православной церкви в годы первой русской революции.

«В грехах наших, — писал священник В. Симашкевич, — заключается главная причина всех наших бедствий в этом мире. Всякие лишения, всякие печали, всякие болезни, всякие несчастья и неудовольствия и, наконец, самая смерть— все это посылается на нас богом за грехи наши».

Возмущаясь революционными выступлениями рабочих и крестьян, церковники сваливали на них — «забывших бога и его законы» — вину за «преступления и беззакония», чинимые во время «смуты» (забастовки, метание бомб, разорение имений). При этом полностью игнорировалось тяжелое положение пролетариата и крестьянства, сделавшее революцию неизбежной.

В христианском духе трактовались и пути, ведущие к «спасению мира», выходу из кризиса, поразившего русское государство. Держаться евангелия, свято исполнять религиозные догмы, следовать нормам христианской нравственности, во всем подчиняться воле церкви — вот те принципы, которые, по мнению авторов «Приложения», смогут положить конец «смутам и раздорам».

Лейтмотив многих выступлений—призыв к терпению и всепрощению. Верующим говорили о неизбежности страданий, необходимости покорно нести свой крест. Если человек обязан тяжело трудиться в наказание за первородный грех, наставлял священник А. Руденков, то роптать при работах — значит, восставать против правосудия божьего.

Под видом проповеди христианской любви велась пропаганда классового мира, осуждалась вражда между богатыми и бедными, высшими и низшими классами. «Называясь христианами, мы и должны жить по-христиански... Все — братья по плоти и по духу. Семья распадается, если члены ее утрачивают родственные чувства. Распадается и общество, если члены его враждуют между собою и не составляют единого целого».

Призывая к христианской любви и согласию угнетенных и угнетателей, православная церковь выполняла волю господствующих классов, напуганных размахом революционных действий народа.

«Все и всякие угнетающие классы, — писал В. И. Ленин, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы... смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость» [2].

Революционный натиск масс в 1905 году вынудил царя пойти на некоторые демократические реформы в угоду требованиям либеральной буржуазии. Но даже эти куцые реформы были встречены в реакционных кругах со страхом и озлоблением. Православная церковь, исконно служившая духовной опорой самодержавию, с удвоенной силой отстаивала неприкосновенность престола, существующего «милостью божьей».

Священник В. Данкевич свою проповедь, озаглавленную «О почитании верховной власти», начал цитатой из послания апостола Петра: «Бога бойтесь, царя чтите». Эту заповедь, продолжает священнослужитель, особенно потребно вспомнить в настоящее время, поскольку в отечестве нашем никогда раньше не замечалось такого оскудения страха божьего и почтения к верховной власти, как теперь. Спасение и благо России, по мнению проповедника, зиждется на сохранении самодержавия, имеющего якобы в прошлом большие исторические заслуги. Безусловная поддержка церковью самодержавия объяснялась не только положением православия в качестве государственной религии, но в не меньшей мере и тем, что само духо-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 201—202.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 237.

венство относилось к сословию имуществу.

В 1905 году только в европейской части России церквам принадлежало около двух миллионов десятин земли, в среднем на одну церковь приходилось по 58 десятин. Многие церкви имели наделы, значительно превышавшие установленные законом нормы. Помимо того, у священников была еще земля, принадлежавшая им лично. В ту пору насчитывалось 9 тысяч 840 священников-помещиков, которым принадлежало 337 тысяч 206 десятин земли.

«Наши попы, — писал В. И. Ленин в брошюре «К деревенской бедноте», — проповедуют крестьянам нестяжание да воздержание, а сами набрали себе правдой и неправдой громадное количество земли»[3].

Обработка церковных и монастырских наделов велась в большинстве случаев силами крестьян под видом «мирской помощи», платы за требы и т. п. Доведенные поборами духовенства

СОГЛАСИЯ

до отчаяния, крестьяне не раз выступали с протестами, обращались в высшие инстанции с жалобами на притеснения священников, использовали трибуну Государственной думы для обличения духовных пастырей в чрезмерной жадности и стяжательстве.

Анализируя выступления крестьянских депутатов во второй Государственной думе, В. И. Ленин приводит их полные сарказма высказывания в адрес попов, обирающих население. «Как не принесешь священнику хлеба и полштофа водки, — говорил крестьянин Мороз, — он и крестить ребенка не будет... Они еще говорят о святом Евангелии и читают: «просите и дастся вам, стучите и отверзется». Мы просим, просим, а нам не дают, и стучим — не дают; что же, придется двери ломать и отбирать?»[4]

В годы революции многие крестьяне выступали с требованиями о конфискации монастырских и церковных земель, о переводе священнослужителей на твердые оклады.

Положение церкви как крупного земельного собственника логически определило и ее отношение к аграрному вопросу — основному экономическому вопросу первой русской революции. Крестьяне России в массе своей страдали от малоземелья. В результате реформы 1861 года они оказались ограбленными и попали в еще большую кабалу к помещикам, чем прежде. Кроме того на крестьянские хозяйства тяжелым прессом давили выкупные платежи, арендная плата, подати, косвенные налоги на предметы народного потребления и другие виды поборов.

Задавленное беспросветной нуждой, политически бесправное крестьянство представляло собой горючий материал революции. Начиная с весны 1905 года пожар крестьянских восстаний разгорелся по всей России. В большинстве случаев эти выступления носили стихийный характер: крестьяне распахивали помещичьи земли, самочинно рубили леса, косили луга, разоряли и сжигали имения. За три года революции крестьяне сожгли до двух тысяч помещичьих усадеб.

Партия большевиков прилагала огромные усилия для организации крестьянского движения, для политического воспитания его участников. Опираясь на решения III съезда РСДРП и аграрную программу, разработанную В. И. Лениным, большевистские комитеты проводили разъяснительную работу, всемерно способствовали укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

«Аграрные беспорядки» напугали не только помещиков, но и церковников. На страницах печати и в проповедях они всячески увещевали крестьян, стращали их божьими карами за посягательство на чужое имущество. «Никогда так упорно и настойчиво не раздавался голос ропота и недовольства своим положением, как в настоящее время, — писал уже известный нам священник В. Данкевич. — ...Недовольные своим материальным положением, своей бедностью, забыв страх божий, вняв советам и внушениям врагов общественного порядка и спокойствия, устремляются с жадностью диких зверей на усадьбы и земли владельцев, расхищают добро и увозят, оставшееся же сожигают». Не

Епископ поучает священников: «Духовенство может вступить в партию октябристов «Союз русского народа», только не в какие-нибудь левые, которые за народ». Карикатура из журнала «Юмористический альманах» (1907, № 9).

христианское это дело, вещает дальше проповедник. Каждый из нас должен уважать чужую собственность и не посягать на нее, чтобы не подвергнуться гневу и каре господней.

Священник А. Веселицкий в своей «Беседе по поводу аграрных беспорядков и насилий», помещенной в сентябрьском выпуске уже упоминавшегося «Приложения» за 1906 год, сокрушается о горькой доле простого народа, «терпящего горе-нужду и от недостатка, земли и от всяких неправд», но тут же осуждает дерзкие попытки «неразумных людей» противозаконно отнять чужую собственность и дает благой совет избрать «единственно верный путь к временному и вечному счастью — путь кротости и терпения».

В свете приведенных фактов очевидна несостоятельность попыток современных буржуазных апологетов русского православия обелить историю церкви, представить ее как радетельницу крестьянских интересов. На самом деле церковь всегда шла рука об руку с самодержавием, верой и правдой служила господствующим классам, освящая основу их благополучия и власти — частную собственность.

Антинародная деятельность духовенства наносила существенный вред развитию революции, поэтому большевистские организации уделяли ее разоблачению серьезное внимание. В листовке Нижегородского комитета РСДРП, озаглавленной «Красное и белое знамя», говорилось: «Под белым знаменем идут все угнетатели народа: попы и дворяне, чиновники и полицейские, подрядчики и трактирщики... Под белым флагом идут попы, потому что темнота народная им на руку. Чем темнее народ, тем больше им дохода. Ведь попы и архиерей стоят у нас не за бедный народ, а за богачей»[5].

Сразу же после событий 9 января Восточное бюро ЦК РСДРП выпустило в Самаре листовку «Рабочий класс и поп Гапон». В ней дана большевистская оценка тому факту, что во главе демонстрации стоял священник. «Российский рабочий класс, как ребенок, еще не научившийся самостоятельно ходить, еще не совсем свободный от темноты, в которой усердно держит его царское правительство, сделал первый шаг по пути революции не под красным знаменем пролетариев всех стран, а под крестом и хоругвью — этими царско-поповскими орудиями затемнения сознания народных масс»[6]. Единственный путь к свободе, говорится далее в листовке,— это путь восстания, путь революции и уничтожения монархии.

Пламенная агитация большевиков приносила свои плоды. Массы трудящихся постепенно освобождались от монархических и религиозных иллюзий. Проникая во все слои населения, антиклерикальные настроения способствовали росту политического сознания масс, облегчали их переход на путь борьбы за демократию и социализм.

Революция 1905—1907 годов была первой народной революцией эпохи империализма. Она потерпела поражение, но уроки ее не были забыты, а опыт был использован в дальнейшей борьбе рабочего класса против царизма, за ликвидацию власти помещиков и буржуазии. «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году,— указывал Ленин,— революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»[7].

75 лет назад мускулистая рука пролетариата грозно поднялась над самодержавием, предвещая ему скорую и неизбежную гибель. Эхо этого события разнеслось по всему миру, пробуждая народы к борьбе за национальное и социальное освобождение. И в этом — непреходящее значение революции 1905 года.

г. Калуга

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 146.

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 365—366.

[5] «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 2. М., 1956, стр. 272.

[6] «Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б) 1902—1917». Куйбышев, 1959, стр. 132, 134—135.

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306.

ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ УЧЕНОГО

И. ПЯТНОВА

Есть в истории человеческого познания имена, которые не только являют собой знаменательные вехи в науке, но и наиболее наглядно показывают нам, какой трудной дорогой, преодолевая вековые косность и заблуждения, приходилось идти ученым-первопроходцам.

Рассказ о жизни и научном подвиге таких людей — по самой сути своей атеистичен, ибо ярко раскрывает, каким образом свет знаний освещает несостоятельность церковных догм, разрушает религиозное миропонимание. К сожалению, в последнее время у нас мало появляется таких публикаций, издательства не уделяют этой теме должного внимания. Вот почему отрадным явлением можно назвать выпущенную издательством «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» книгу Семена Резника «Владимир Ковалевский».

ВЛАДИМИР ОНУФРИЕВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ обладал редкостными дарованиями, но судьба его была сложной и трагической. Только описав его характер, его деятельность во всей полноте, во всех причудливых переходах, можно воссоздать правдивый портрет этого человека.

Юрист, участник революционного движения 60-х годов, соратник и друг Герцена, корреспондент петербургской газеты в добровольческих отрядах Гарибальди, видный издатель, крупнейший ученый, строитель доходных домов и бань, участник акционерного общества по производству нефтяных минеральных масел... Кем только он не был! И вокруг него все кипело. «Он всегда бурей проносился передо мной», — писал штутгартский ученый Фраас, вспоминая путешествия Ковалевского по музеям Европы.

Когда он в возрасте 22 лет для заработка занялся издательской деятельностью, через его руки проходила литература всей Европы. Идеи революционной борьбы сливались для него с пропагандой науки. Как все, чем он занимался, эта деятельность быстро приобретает грандиозный размах: русский читатель знакомится со всей современной ему наукой. Несмотря на все и всяческие затруднения (со средствами, с типографиями, с продажей изданий), книги выходят одна за другой: в 1864 г. —3 тома, в 1865 —19, до начала 1869 г. — около 60. Среди авторов — Брем, Герцен, Дарвин, Лайель, среди переводчиков — Менделеев, Мечников, Сеченов, Писарев. Требовалась огромная начитанность и особая интуиция, чтобы из моря научной литературы выуживать лучшее, чтобы приглашать достойных — далеко не все его авторы и переводчики были тогда уже классиками науки.

Постепенно в Ковалевском зрело стремление к собственному творчеству в естественных науках. В этом его поддерживал старший брат — известный биолог Александр Онуфриевич Ковалевский, а затем и жена — будущий знаменитый математик Софья Васильевна Ковалевская.

Владимиру Ковалевскому предстояло совершить свой научный подвиг в той области знания, которая испокон веков была ареной наиболее ожесточенной борьбы науки и религии, — в эволюции мира живого.

Как известно, идею о развитии, изменении растений и животных высказывали передовые мыслители еще в далекой древности. Но доказать ее тогда было нечем, и на протяжении многих веков люди верили, что все живое на Земле создано богом и с тех пор сохраняется неизменным: одни организмы умирают, другие рождаются — точно такие же, как их родители, как все предки. И даже когда в конце XVIII — начале XIX века начали появляться первые доказательства изменяемости обитателей Земли (сходство зародышей разных организмов, сходство строения частей тела), эти научные данные старались примирить с представлениями о божественном творении.

Великий французский натуралист Кювье, один из основателей палеонтологии — науки об ископаемых организмах, изучил множество останков вымерших животных и непреложно засвидетельствовал: в прежние эпохи на нашей

В. О. Ковалевский. 1881 г.

планете жили совсем иные существа. Однако и он не сделал из этого единственно правильного вывода — о том, что с течением времени животные изменялись, приспосабливаясь к изменившимся условиям жизни. Он поступил иначе — предложил теорию катастроф и великих переселений. Катастрофа могла уничтожить, говорил он, фауну целого континента и соединить его мостом суши с другим континентом. По этому мосту на опустошенное место приходили новые животные, а следующая катастрофа уничтожала мост. Получалось, что никакого развития животных не было.

Но такой компромисс между наукой и религией выглядел не очень убедительно, и ученик Кювье Д'Орбиньи внес в эту теорию осторожную поправку. Он предположил, что катастрофы потрясали нашу планету целиком, а новые виды всевышний всякий раз создавал из ничего, особым творческим актом. Обработав данные по многим тысячам видов, Д'Орбиньи насчитал 27 таких катастроф.

«Получалось, — пишет С. Резник, — что, создав Землю и населив ее различными существами, господь бог какое-то время забавлялся их жизнью. Но однообразие надоедало, и он устраивал вселенскую катастрофу, чтобы затем обезжизненную Землю населить новыми тварями. И так двадцать семь раз! Дальше идти было некуда. Оставалось ждать очередного светопреставления...»

В 1859 году вышла знаменитая книга Дарвина «Происхождение видов», над которой он работал 20 лет. Английский естествоиспытатель объяснил, как на основе изменчивости, наследственности и отбора (в природе — естественного, у одомашненных видов — искусственного) эволюционировал растительный и животный мир на Земле, как от более простых организмов совершался переход к более сложным.

Победа дарвинизма, как известно, была далеко не мгновенной. Не только церковники ополчились против него, но и многие ученые продолжали оставаться на старых позициях. Через 10 с лишним лет после выхода книги Дарвина Ковалевский писал во введении к своей магистерской диссертации: американский ученый Дана в своих трудах подробно повествует о том, как в течение одного только третичного периода «все население Земли семь или восемь раз вымирало и создавалось вновь, причем между последующими этажами не было будто бы ни одной общей формы».

Эволюционное учение в тот период опиралось еще хотя и на очень весомые, но все-таки косвенные данные. Нужны были прямые, неопровержимые доказательства. Ближайший соратник Дарвина Гексли предсказывал, что такие доказательства должна была дать палеонтология.

Ковалевский, который первоначально собирался заниматься геологией — пластами земной коры, очень быстро обратил внимание на обнаруженные в этих пластах кости доисторических животных. В этот период он был уже последовательным дарвинистом — издавал книги Дарвина, сам переводил на русский язык, был знаком с великим естествоиспытателем и глубоко его почитал. Несомненно, что это в огромной мере помогло ему всего лишь за несколько лет, по сути, преобразовать современную ему палеонтологию — не только найти

ключ к пониманию накопленного ею огромного, дотоле разрозненного материала, но и дать в нем важнейшую опору эволюционному учению.

Нельзя, конечно, не отдать должного огромному исследовательскому таланту этого человека, его фантастической работоспособности и энергии, его подвижности путешественника и остроте восприятия, позволившим ему в кратчайший срок охватить сокровища практически всех музеев Европы — глубже и полнее многих видных ученых, работавших там десятилетиями. Но все же главная сила его состояла в том, что он задавал природе правильные вопросы, в том, что, исследуя окаменелости и сравнивая их с костями современных животных, он был дарвинистом.

«С самого начала одним из главных возражений против теории трансмутации (т. е. эволюции.— Ред.) всегда было то, что в пластах земной коры мы не находим форм, которые представляли бы нам переход от одного вида или рода к другому; отсутствие этих «звеньев»... было всегда боевым конем поборников видовой неизменяемости существ», — писал Ковалевский. Поиски недостающих звеньев, построение непрерывной цепочки существ, исторически сменявших друг друга, — такую задачу он и ставил перед собой. В одном из его писем говорится: «Настоящий мир позвоночных и особенно млекопитающих представляет до такой степени разорванные звенья, что всякого поневоле подмывает найти полный цикл, т. е. те звенья, которые вымерли».

Большинство его работ посвящено развитию копытных животных. Изменения в их строении он связывал с изменениями условий среды обитания, например развитие лошади — с приспособлением к жизни на открытых пространствах, к быстрому бегу. У древнейших предков млекопитающих, как и у части ныне живущих, конечности имели по пяти пальцев. А у предков лошади их было только по одному! Значит, изменение конечностей у предков лошади шло особенно быстро, и на этом примере легче всего доказать наличие эволюционного процесса и выявить его смысл.

Детальнейшим образом изучил Ковалевский строение костей лошади и ее предков. Каждая ничтожная косточка, каждая выемка, каждая грань или скос на ней были не просто измерены и описаны им, подчеркивает С. Резник, но и исследованы с точки зрения их эволюционной роли. Составляя таблицы цифровых данных, он получил сопоставительные характеристики всех звеньев цепи — древнейшего палеотерия, затем анхитерия, гиппариона и, наконец, современной лошади. Например, поперечная ширина лучевой кости у членов этой цепи соответственно равна 30, 50, 56 и 92 миллиметрам. Таким образом, постепенное утолщение этой кости в процессе эволюции становится очевидным.

Таких сравнительных таблиц у Ковалевского много. Еще в процессе работы он писал брату, что переход видов от палеотерия до лошади «будет доказан по всем мелочам». И монография у него получилась не только основательной, но и новаторской — так с ископаемыми еще никто не работал.

Нога лошади может сгибаться только в одной плоскости — параллельно продольной оси тела. В процессе эволюции нога утратила способность ко всем остальным движениям, утратила и лишние пальцы с их мышцами, нервами, сосудами. Но в результате этих утрат она многое приобрела: к выполнению своей единственной функции — быстрого передвижения — нога лошади приспособлена наилучшим образом.

Столь же подробно изучив кости и других копытных, Ковалевский сформулировал закон «инадаптивной и адаптивной эволюции». Первая дает сравнительно быстрый, но недолговечный успех: перестраивается какая-то группа костей, например утолщаются средние пальцы, а боковые отодвигаются и вовсе вытесняются; но при этом нарушается соответствие между пальцами и остальными костями ступни и животное неизбежно вымирает. Вторая же — она происходит медленнее и поэтому наступает позже — сопровождается обширной перестройкой, например, всей ступни и даже всей конечности и приводит к созданию более совершенной формы. Так постепенно достигается удивительная целесообразность строения организмов — та самая целесообразность, которая всегда была главным аргументом у сторонников божественного творения всего живого. Этот закон, один из фундаментальнейших в живой природе и подтвержденный затем на множестве примеров других животных и растений, носит имя Владимира Ковалевского — создателя эволюционной палеонтологии.

Сегодня не только его основные идеи, но и те, что высказаны попутно, не устарели; более того, некоторые из них стали отправной точкой отдельных современных научных направлений. Например, установив непреложную связь между строением скелета животного и образом его жизни, характером питания и другими «экологическими», как мы говорим теперь, особенностями, Ковалевский заложил основы новой науки — палеоэкологии. Он отстаивал мысль о том, что животный мир надо изучать в разрезе геологического времени, учитывать не только его прошлое и настоящее, но и будущее. При этом он дал четкие ориентиры, позволяющие прогнозировать эволюционное развитие групп животных далеко вперед.

Конечно, многие представления ученого, по сегодняшней мерке, весьма упрощены. Современная палеонтология значительно детальнее представляет пути эволюции копытных, их взаимодействие с внешней средой в различные геологические периоды. Но и этому более полному знанию наука пришла тем путем, на который первым вступил Владимир Онуфриевич Ковалевский.

Труды его по заслугам получили высочайшую оценку многих выдающихся деятелей науки. Дарвин считал, что в его лице имеет не только преданного друга и почитателя, но и талантливого соратника, работающего в высшей степени успешно и плодотворно. Когда Ковалевский задумал посвятить свою монографию Дарвину, тот ответил: «Посвящение, о котором вы говорите, будет для меня очень лестно, и я смотрю на него как на высокую честь».

Можно только гадать о том, что еще совершил бы Ковалевский в науке, если бы продолжал заниматься ею. Но жизнь его сложилась иначе. Автор книги вынужден с горечью констатировать дисгармоничность в характере своего героя. Активность, деловая хватка, размах, а вместе с тем азартность, недостаток трезвости, игнорирование реальных обстоятельств на грани авантюризма. Закономерны поэтому были его банкротство, тяжелые душевные переживания, неудачи в попытках возобновить научные исследования и полный нравственный крах. В 1883 году Ковалевский покончил с собой.

Ему довелось жить в то переломное время российской истории, когда, говоря словами Льва Толстого, в стране «все переворотилось» и «укладывалось заново». В судьбе Владимира Ковалевского, пишет С. Резник, как лучи солнца в капле воды, с резкой концентрированностью соединились чуть ли не все трагические противоречия его сложной и своеобразной эпохи. Однако и тот короткий период, когда он безраздельно принадлежал науке, оставил в ней глубочайший след.

Количество вымерших видов в сотни раз превышает количество ныне живущих. Причудливый, поражающий воображение мир угасших организмов был возрожден к жизни гением Жоржа Кювье, а гений Владимира Ковалевского реально его осмыслил, привел в движение. И это стало еще одним ощутимым ударом по религиозному миропониманию.

Коротко об интересном

СТАРЕНИЕ — АДАПТАЦИЯ!

Многие изменения, которые происходят в течение жизни в организме человека, представляют собой адаптацию к условиям окружающей среды. Например, мышцы сердца и легких у спортсмена становятся сильными вследствие тренировки. Кости и соединительная ткань тоже реагируют на физические нагрузки. Поддерживая тело в вертикальном положении, кости и соединительная ткань обеспечивают сопротивление сжатию и растяжению, вызываемым силой земного притяжения и другими внешними факторами.

Если соединительная ткань подвержена растяжению в течение длительного времени, как бывает при старении, фибробласты (клетки, составляющие основу соединительной ткани) располагаются в соответствии с линиями действия растягивающих сил и начинают делиться, вырабатывая при этом больше коллагена, который уменьшает эластичность тканей. Лишние волокна коллагена занимают в соединительной ткани мышц пространство, ранее занимавшееся нервами, кровью и лимфатическими сосудами, ткань теряет эластичность и при физическом напряжении возникает боль. При этом нагрузка переходит на другие части соединительной ткани и функции ткани, потерявшей эластичность, ограничиваются. В конечном счете коллаген начинает замещать активные мышечные волокна.

Таким образом, старение организма можно рассматривать и как его адаптацию к условиям окружающей среды.

НЕСЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

М. СИНИЦЫН

Некогда ревнители доктрины «самодержавие, православие, народность» создали миф о мнимой заботе русской православной церкви о национальном искусстве. Они утверждали, будто культовые здания и находившиеся в них произведения монументальной и станковой живописи благодаря церкви веками сохранялись в первозданном виде, подобно некоему зачарованному царству. Именно под такой рубрикой — «Сказка о зачарованном царстве» — редакция в 1971 году начала серию публикаций, в которых этот миф последовательно разрушался.

...ТАМ, ГДЕ шоссе между Москвой и Калинином подходит к верхнему течению Волги, высится самое старое из дошедших до нас строений тверской земли. Древнейшая его часть сооружена в XIV веке, основной куб — в первой четверти XV века. Вроде бы некрупное, вытянутое вверх, оно господствует над местностью, а с реки просматривается за много километров. И не удивительно: одноглавая церковь стоит на самой высокой точке прибрежного плато, с двух сторон от него — овраги. Идеальное место для средневековой крепости.

В самом деле когда-то здесь была пограничная крепость тверской земли — город Вертязин. Стояли княжеский двор с церковью и посад. Со временем Вертязин утратил стратегическое значение, стал небольшим селом Городней, вероятно, в память о прежнем городе. Уцелел лишь белокаменный храм с шатровой колокольней. Триста лет назад составитель одного документа отметил: «На берегу Волги-реки осыпь, а в осыпи церковь».

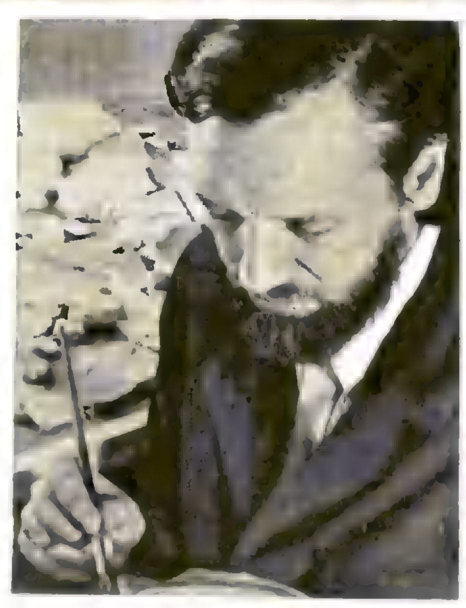
В 1962 году храм Рождества богородицы в Городне подробно описал известный ученый-историк Н. Н. Воронин[1]. Через год древний памятник посетил один из последователей Воронина архитектор-реставратор Борис Львович Альтшуллер. Увидел его — и пленился дивным творением рук человеческих.

Правда, в ту пору памятник был не так уж выразителен. С течением времени, словно мода на платье, менялись понятия о том, что в культовом зодчестве красиво, благолепно. И здание бездумно перекраивали, не считаясь с замыслом его создателя. Но за безвкусными наслоениями позднейших перестроек Борис Львович сразу же разглядел нечто незаурядное.

Реставратор не имеет права фантазировать, докомпоновывать «по наитию». Все решения должны быть обоснованы.

В 1965 году бригада архитекторов под руководством Б. Л. Альтшуллера начала обследование здания. Одновременно изучались печатные и архивные источники. Кропотлива работа в библиотеках и архивах: пока отыщется строчка о памятнике, нужно просмотреть десятки томов книг и множество рукописей. А «натурное исследование» неизмеримо. сложнее. Памятник «молчит». И тайны его постепенно открываются лишь после многочисленных зондажей — осторожной разборки кладки в определенном месте, иногда на значительную глубину. Зато уж тут реставратора нередко ждут открытия, а порой и новые загадки.

В Городне было сделано 143 зондажа! Их провели — на разном уровне стен — в полукружиях алтаря, на каждом фасаде, в углах, под кровлей, у основания барабана, на сводах. Только после столь детального изучения храма Б. Л. Альтшуллер создал эскизный проект его реставрации.

Искусствовед М. И. Воробьев за разборкой обломков штукатурки с фресковой росписью.

Фото Ю. Робинова, А. Петухова.

Храм Рождества богородицы, в фундаменте которого были найдены обломки фресок.

Еще проводя зондажи, он выявил в верхней части церкви заложенное когда-то окно. На его откосе оказалась древняя фресковая (исполненная по сырой штукатурке) орнаментальная роспись. Вскоре фрагменты такой же росписи были обнаружены возле нескольких других окон. В проекте реставрации исследователь отметил, что при укреплении кладки стен и сводов необходима особая осторожность, дабы сохранить уникальные остатки живописи.

И вот началась реставрация храма...

Когда в центральной белокаменной части церкви сняли настил пола, увидели, что пустоты под ним, как обычно, заполнены землей, песком, строительными отходами. Нужно было докопаться до кладки сводов подклета (нижнего, подвального этажа). По обычной логике землю, песок и строительный хлам следовало бы выбросить. Но реставраторы стали внимательно исследовать пространство под полом. И тут их ждал сюрприз. Правда, к этому они были морально подготовлены. Произошло в тот момент неожиданное, но не случайное.

В завалах мелкого строительного мусора на отдельных кусочках бросовой штукатурки была выявлена старинная фресковая роспись. Когда-то, при очередном ремонте, штукатурку безжалостно сбили, не посчитавшись даже с тем, что на землю летят расколотые на мелкие кусочки лики святых. Затем живопись, превращенную в «строительный мусор», использовали для засыпки пустот под полом. Там обломки с красочным слоем сохранились до наших дней.

В Городню срочно прибыли из Москвы искусствовед Михаил Иванович Воробьев и художник-реставратор Людмила Владимировна Ежова. В старинном здании они стали работать бок о бок с архитекторами и опытнейшими мастерами-белокаменщиками. Тщательно, с величайшей осторожностью разбирали они эту, в буквальном смысле слова, «пыль веков», бережно орудовали мастерками и совками, пинцетами и кисточками. Перебирая, просеивая сквозь пальцы горы материала, они отыскивали даже самый крохотный обломок штукатурки с красочным слоем.

Оказывается, иногда отнюдь не бессмысленны и не безнадежны поиски иголки в стоге сена. Ежова и Воробьев собрали около двадцати тысяч обломков — самых разных, от кусочков величиной с ноготь до фрагментов размером 30 на 25 сантиметров.

Любопытно, что в окрестностях Городни реставраторы обнаружили много разноцветных камешков и комочков глины в осыпях оврагов, в устьях ручьев, у берега Волги. На Руси их раньше растирали для получения «земляных» красок. Как видно, у художников, работавших когда-то в Городне, материал был под рукой.

Точно указав в рабочей тетради место, где найден каждый обломок, Ежова и Воробьев бережно укладывали их на деревянные планшеты — «противни». Затем планшеты, словно рамы с сотами, задвигали в специальные ящики...

К какому времени относятся и когда оказались в земле найденные обломки?

Первая каменная церковь (нынешний подклет) была сооружена здесь во второй половине XIV века. В 1412 году она сгорела вместе с княжеским двором и всем Вертязином. Летопись сообщает, что на другой год городок был заложен

---

[1] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. т. II. М., 1962. стр. 399—414.

вновь. Начинали, как обычно, с культового здания. Тогда-то на починенные остатки старой церкви мастера поставили белокаменный куб четверика, которому реставраторы ныне пытаются возвратить первозданный облик. Храм расписывали через несколько лет после его возведения. Так что найденная под полом живопись относится скорее всего к первой четверти XV века. В одном из документов в 1667 года сказано, что в здании «стенное письмо ветхо». Около 1740 года во время ремонта штукатурку с фресками со стен сбили. Затем их расписали по новой штукатурке.

В те времена хозяева церкви, то есть те, кто содержал ее, кто вносил богатые вклады либо по обету, либо на вечное поминовение своих умерших родственников, хотели сделать храм — с их точки зрения — более торжественным, благолепным. И, конечно, им было невдомек, что из-за мнимого «благолепия» исчезнет подлинная, непреходящая красота, будет уничтожен труд талантливых пращуров. Совсем иначе следуя высокому кодексу советской морали, действуют наши современники, люди неверующие. Они настойчиво отыскивают, бережно реставрируют, внимательно охраняют все произведения искусства, в том числе и те, что когда-то были созданы во славу божью. Ибо, независимо от сюжетов, такие произведения прежде всего — свидетельство высокой духовной культуры, талантливости и трудолюбия русского народа. А творческий гений предков в нашей стране благоговейно почитается потомками.

Извлечение из земли обломков с росписью — лишь начало огромной работы, которая будет проведена в лабораторных условиях. Ящики со штукатуркой доставлены в Москву. Искусствоведы и художники Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР начнут с ними долгую, упорную работу. Из отдельных кусочков они попытаются составить фрагменты, фигуры, может быть, композиции....

Сотрудники комбината уже имеют опыт подбора фресок из разрозненных фрагментов. Похожие уникальные работы были проведены в новгородской церкви Спаса на Ковалеве[2]. И все же там собрать фрески было легче, ибо не все кусочки штукатурки разметали взрывы снарядов. Некоторые композиции лишь позже сползли со стен памятника, разрушенного фашистами. Кроме того, сохранились отдельные фотографии, в печатных изданиях имеются описания фресок. Наконец, живы люди, которые видели роспись храма до его разрушения. А здесь предстоит решить более трудную задачу.

Открытие в Городне — заметное событие в изучении истории русской средневековой живописи. До сих пор на территории Калининской области не было известно ни одного памятника со столь древней монументальной живописью. До нас дошли лишь произведения, созданные в XVI веке. И если даже не удастся составить целые фигуры и композиции, уже по фрагментам можно будет судить о манере тверских живописцев XV века, о стиле и колорите их работ, а частично и о сюжетах.

[2] См. очерк В. Зыбковца «Спасенное для людей». «Наука и религия», 1978, № 5.

Чудодеи и чудодейки

Е. ПОПОК

● К воротам Псково-Печорского монастыря подкатил автомобиль японской марки «Тойота-Кроун». Из него вышел невысокого роста пожилой человек и направился в покои настоятеля.

— Иван Антонович Скворцов из Серпухова, — представился посетитель. — Желаю, так сказать, внести лепту на нужды храма божьего.

— Сколько же?

— Тридцать тысяч. Извольте только расписочку мне выдать.

Столь щедрый вклад у приезжего не приняли. Прощаясь, он высказал пожелание остаток дней своих провести под монастырским кровом. После этого Скворцов отбыл в своем лимузине.

Что и говорить, щедрым человеком был Иван Антонович: незадолго до описанного визита пожертвовал около десяти тысяч на ремонт церкви села Ченцово Тульской области.

Кто же он такой? Высокооплачиваемый работник, новоявленный Корейко? Ни то, ни другое. Скворцов — знахарь, без малого два десятка лет промышлял этим ремеслом. В городе его знали — любой шофер такси мог доставить страждущего к глухому забору на окраинной улице. За забором — добротный четырехкомнатный дом с большой террасой. Хоромы на одного человека, если не считать огромного красавца дога. Иван Антонович не гнушается новейшими достижениями культуры и техники — импортный мебельный гарнитур, дорогой фарфоровый сервиз, пианино, магнитофон, телевизор соседствуют у него с двумя внушительными иконостасами из семнадцати икон.

...Сейчас здесь тихо. А до недавних пор у ворот шумела толпа верящих в чудо, люди выстаивали часами, ожидая приема. Чаще иногородние, неведомо от кого проведавшие о серпуховском «чудодее». Местные к нему не жаловали. Даже сын с невесткой и ребенком лечились в поликлинике.

— Нынешние врачи, что они понимают, — уверял меня Скворцов. — Кроме ножа да химии ничего не признают. А кому хочется идти под нож. Вот и шли ко мне.

Старик вынул из тумбочки баночку из-под майонеза, наполненную какой-то мазью.

— Вот оно, мое лекарство — от всех болезней. Можете попробовать. Которое на вазелине и дегте — то для растирания, а на сливочном масле и сале — для приема внутрь.

— Неужто от всех болезней? — усомнился я.

— От всех, — заверил он меня. — И от рака...

За долгую свою жизнь Иван Антонович сменил немало профессий. Работал слесарем, кочегаром, истопником, грузчиком, заготовителем утиля, сторожем, собаководом. А под конец занялся лечением. И как ни странно, весьма в этом преуспел. На глазах у соседей произошло магическое превращение истопника в эскулапа.

Суеверия, наивность, а нередко и просто невежество людей, страдающих тяжелыми недугами, требовавшими подчас длительного лечения и даже хирургического вмешательства, понятное желание исцелиться быстро и легко вели в дом шарлатана многих. И Скворцов, широко раскрывая перед ними двери, всегда брался за лечение — кто бы ни пришел, на что бы ни жаловался. Летом принимал пациентов во дворе, зимой — в доме.

Чаще всего «чудеса» исцеления творились с помощью той самой мази, которую он мне показывал, или настойки «от головы, печени, желудка и прочей хвори». Лекарства эти получали все больные независимо от диагноза заболевания, пола, возраста. В числе «препаратов» Скворцова были и такие, словно идущие от времен средневековой медици-

ны, как «томленый мухомор, растертый с дождевыми червями или дегтем».

Из года в год «практика» лекаря с трехклассным образованием росла. Прием он вел ежедневно, но уже едва управлялся с потоком людей. Нередко принимал по 5—6 человек сразу. О том, как проходил прием, рассказывала следователю москвичка К., инженер по образованию.

— К Скворцову приехала по совету незнакомой женщины — очень уж хвалила она лекаря. Увидела неопрятного старика, в грязном поношенном пальто. Пыталась объяснить ему, что у меня болит, но он не стал даже слушать. Наложил в баночку какой-то мази, велел смазать ею бинт и класть на шею. Что за мазь, из чего состоит, — не сказал, уверял, что она безвредна, и в подтверждение сказанного лизнул ее языком. Прием длился минут 5—10. Мне даже не предложили сесть. Заплатив за лекарство, я ушла. Обещанного Скворцовым «чуда» не произошло, и я снова обратилась к врачам...

Из Ташкента к «чудо-лекарю» приехал гражданин Б., страдавший радикулитом. Скворцов велел ему раздеться и малярной кистью смазал спину желтым раствором. Тело больного покрылось после этого волдырями. В хирургическом отделении серпуховской больницы, куда Б. обратился за помощью, определили ожог второй степени.

Среди суеверной клиентуры Скворцова было немало людей, которых вроде и не упрекнешь в невежестве. Заведующая аптекой одной из столичных медсанчастей Ш., фармацевт с высшим образованием, примчалась к знахарю за «лекарством» для тяжелобольной сослуживицы. Привезла килограмм сливочного масла и, доплатив 90 рублей, получила от него мазь. «Лекарство», естественно, не помогло.

У техника Х. из города Мытищи сын страдал кожным заболеванием — псориазом. Лечение в больнице на первых порах эффекта не дало. От соседки Х. узнала, что в Серпухове живет дед, который все болезни лечит. Найти его не составило труда, но принять Х. лекарь отказался под предлогом, что уезжает, мол, в Сочи. Женщина поехала с сыном следом за ним. В Сочи Скворцов остриг ее сына и смазал голову мазью с запахом дегтя. На вопрос, что за лекарство, ответил: «Если раскрою секрет, то таких, как я, станет много». За лечение Х. заплатила 60 рублей. Желанное исцеление сына пришло лишь после вмешательства врачей и лечения мацестинскими ваннами.

Был в доме у шарлатана и «стационар», размещался он в одной из комнат на «грязной половине». Те, кто попадал в него, сами себя обслуживали и «лечились» выданными знахарем лекарствами. Среди пациентов попадались инфекционные больные. Побывав в «стационаре», многие воочию убеждались в том, что имеют дело с шарлатаном, и спешили его покинуть.

«Состояние дома, — говорилось в акте обследования, проведенного врачебной комиссией, — крайне антисанитарное: захламленность, грязь, зловоние, паутина. На столах — грязная посуда, остатки пищи, на одной из кроватей — ворох грязного белья. «Стационар» заполнен больными, среди которых одна женщина была с ребенком дошкольного возраста. Две женщины варили какое-то снадобье. Сам же Скворцов принялся доказывать членам комиссии, что они ничего не понимают в медицине, а он, мол, всесилен, поскольку «лечит все болезни».

Так и текли «трудовые» будни «целителя». Текли до тех пор, пока на него не завели уголовное дело.

По законам нашей страны, уголовному наказанию подлежит каждый, кто своими действиями вредит здоровью людей. Кроме того, в статье 12 «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» прямо указано, что запрещается всякое занятие медицинской и фармацевтической деятельностью лицам, не имеющим специального образования и звания. Статья 221 УК РСФСР (соответствующие статьи имеются и в Уголовных кодексах других союзных республик) гласит: «Занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования, наказывается лишением свободы на срок до 1 года или штрафом до 300 рублей либо влечет применение мер общественного воздействия».

Медицинская «практика», а по сути, спекуляция на суевериях приносила Скворцову баснословные доходы. Как выяснилось в ходе следствия, выручка его составляла от 200 до 700 рублей в день. За короткое время он приобрел в личное пользование три автомобиля: «Волгу», «Москвич-407» и японскую «Тойота-Кроун». Сколотил солидный капитал, часть которого хранил в сберкассах. На зиму уезжал в Сочи, где не только отдыхал, но и «практиковал». Хранил там в сберкассе 28 тысяч рублей.

На личных автомобилях Скворцов часто отправлялся в дальние вояжи. Сам он водительских прав не имел. Обслуживал «автопарк» сын — работник автотранспортного предприятия. Ездили чаще всего на Украину, в Закарпатье, где скупали в аптеках лекарственные травы. Когда сын был занят, знахарь нанимал шоферов, щедро оплачивал их услуги.

Учтя преклонный возраст Скворцова, Серпуховский городской суд приговорил его к условной мере наказания с конфискацией незаконно нажитых денег.

Чудес на свете не бывает, но тому, что творилось в подворье у Скворцова, трудно найти логическое объяснение.

И не у одного Скворцова. В другом конце города, в деревне Ивановское, до последнего времени открыто паразитировала на человеческих недугах малограмотная Марфа Крупкина. У этой женщины преклонных лет была своя «метода» лечения — заклинаниями и наговорами на воде, которую посетители должны были набрать из ближнего родничка.

Первая же встречная в Ивановском указала мне дом «бабки Марфы». Добротный, с гаражом. Массивные железные ворота с калиткой. Во дворе я увидел пеструю толпу — человек двадцать с лишним. Ожидают приема. Некоторые с пяти часов утра. Все больше женщины — молодые и средних лет.

Мне пояснили: знахарка ведет прием тогда, когда в доме есть кто-нибудь кроме нее — сын или сноха. Вот и томятся часами — пока кто-нибудь из них не поя-

вится. Характерная деталь: никого из ивановских и жителей близлежащих населенных пунктов в очереди нет. Это не случайно: свои, очевидно, хорошо знают, что из себя представляет «чудодейка».

Целители, подобные Скворцову и Крупкиной, нет-нет, да и заявляют о себе. Людские беды и несчастья в сочетании с суевериями для них отнюдь не сфера проявления добродетелей, а источник наживы. Прикрываясь любовью к ближнему, люди эти в открытую паразитируют на человеческих суевериях и недугах. Иные из них «промысел» свой считают даже «угодным богу». А если больные после их лечения не исцелились, — на то, мол, «воля божья».

Шарлатанов обычно окружают богомолки, усердно раздувающие молву об их «таланте». Всюду, где есть слушатели, — в очереди, на рынке, в магазине, на вокзале или в поезде восхваляют они их «магическую силу». Такой-то все лечит. И молва, что волна, потекла — не удержишь...

В последние годы повсеместно возрос интерес к лечению средствами народной медицины. Шарлатаны этим пользуются, дурачат людей сказками о всесильных целебных свойствах снадобий из трав, которые мешками скупают в аптеках (как это делал Скворцов) или собирают на полях.

Эти люди не так уж безобидны, как иногда кажется. Вреда от них немало. Обходя врачей, обращаясь к знахарям, больной теряет время, запускает болезнь да еще наказывает себя материально. К тому же знахарство — источник распространения мистики и суеверий.

Давно развенчаны чудеса, творившиеся церковниками с помощью механики, химии и т. п. Но все еще находятся люди, которые верят шарлатанам от медицины. Свой вклад в преодоление этой веры должны активно вносить пропагандисты атеизма.

У ВЫСОКОЙ АРЧИ

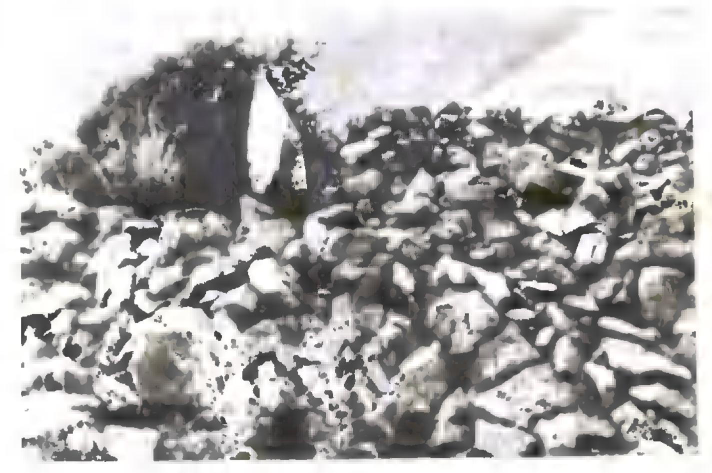
А. ПЕЧЕРСКИЙ, действительный член
Географического общества АН СССР

В нашей области вблизи высокогорных озер в долине Каракыстак * есть «святая» могила, почитаемая мусульманами. О ней рассказывали мне чабаны, не раз упоминали в беседах старожилы нашего района. Я решил съездить туда.

Первое, что я увидел, прибыв на место, была высокая арча, растущая посредине огромной насыпи из камней и увешанная множеством лоскутков. Кроме того, на ней развевалась на ветру белая рубашка, видно, только из магазина. Под кустом я увидел поднос с горкой монет. Вблизи этой могилы, скрывшейся под камнями, верующие построили хижину, в ней совершаются молитвы. Вокруг — кладбище и с очень старыми, и с недавними захоронениями. А кто похоронен в святой могиле? Мне сказали только его имя — Контажи. О жизни его никто ничего не мог точно рассказать. На чем же основывается «святость» могилы?

Сохранилась легенда о том, как некий угольщик похитил с этой могилы бронзовый котел и после этого в течение трех ночей его одолевали кошмары. На четвертую ночь, обессиленный, он услышал громоподобные шаги и, вскочив, увидел незнакомца огромного роста, потребовавшего возвратить похищенный котел. Едва дождавшись утра, угольщик отнес котел на прежнее место и тут от страха лишился речи. С того времени (а когда это было, тоже неизвестно) мусульмане объявили похороненного в ней человека по имени Контажи (как узнали его имя, тоже неясно) святым, а горе, где он похоронен, стали поклоняться и назвали ее Аулье-Тобе Контажи — святая гора Контажи.

Имя «Контажи» не встречается у коренных жителей наших мест — казахов, киргизов и узбеков. Откуда же название горы? В «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» (Алма-Ата, 1974) я нашел такое объяснение: «Контажи — гора на востоке Северных дуг Тянь-Шаня. Происходит от монгольского (или ойратского) «хунтайши» — князь и его вариаций «контайши» или «контайджи» — ставки хана, которые в XVII—XVIII веках находились на юге и юго-востоке Семиречья». В «Истории Киргизии» (Фрунзе, 1963) сообщается, что «кочевья ойратов простирались вдоль Джунгарского Ала-Тоо...». Здесь перечисляется множество местностей, упоминается и наша. Поэтому вероятнее всего, что и в наших северных отрогах Тянь-Шаня могла находиться ставка одного из ойратских князей-«контажи». Так что название «контажи» относилось сначала не к могиле святого, а к местности, где она находится.

Груда камней у могилы Контажи.

От могилы на восток проложена гряда камней длиной в 30 метров, которая упирается в небольшую насыпь из камней, образующую кольцо. Это так называемый курган «с усами». Этот вид курганов впервые открыл в 1927 году А. Ф. Семенов. Ученые Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулан и М. К. Кадырбаев установили, что такие

* О достопримечательных местах этой долины рассказывалось в статье А. Печерского «Загадки Каракыстака» в № 8 за 1979 г.

курганы состоят из трех частей: основного большого кургана, где под насыпью камней находится могильная яма, в ней погребен человек. Вместе с ним захоронен инвентарь, которым он пользовался при жизни (среди посуды мог быть и котел, найденный угольщиком). В малом кургане, в конце гряды камней, захоронены останки коня и кувшин с жертвенной пищей. И, наконец, — гряда камней, отходящая от большого кургана,— на ней совершались обряды. Насыпь из камней в форме кольца вокруг малого кургана, видимо, связана с культом Солнца, возникшим в эпоху бронзы, когда бурно развивалось земледелие.

Раскопки подобных курганов многое рассказали о жизни племен, населявших эту территорию в VII—V веках до нашей эры. После тщательных антропологических исследований останков человека, в частности его черепа, ученые высказали мнение, что он принадлежит человеку европеоидной расы. Значит, никакого отношения не имеют захоронения к монголам или ойратам, появившимся в этих краях значительно позже.

Неподалеку от могилы «Контажи» находится еще одно «святилище», почитаемое мусульманами.

Мне поведали легенду о древнем кургане с двумя грядами камней — «усами», образующими вместительный двор (с входом), служивший в далекие времена главным жертвенником. Здесь же находится небольшая хижина без крыши, сделанная из камня и называемая мечетью. Легенда рассказывает: в давние времена старик пастух, застигнутый непогодой, опасаясь за стадо, загнал его в это сооружение. А в дальнейшем приспособил его под загон для овец. Вскоре, как уверяют пастухи, у него начался падеж скота. А произошло это потому, что разгневанный святой наказал таким образом пастуха за осквернение могилы.

С этого времени удобный загон был объявлен святым местом. И многочисленные паломники оставляют множество узелков и тряпочек на ветвях деревьев и кустов, растущих прямо в хижине.

Меня заинтересовала столь стойкая убежденность в святости этих мест. С чем все-таки она связана? Возможно, паломники, пришедшие за исцелением, получали его в одном из здешних озер, обладающем лечебными свойствами. Я обошел все четыре ближайших озера, в одном из них вода была желтовато-коричневого цвета. Чабаны говорили: «Весенние воды наносят сюда много глины. Она и придает озеру такой цвет». Его называют Сарколь, что в переводе с казахского значит Желтое озеро.

Озеро находится на дне глубокой и узкой впадины (150 на 50 метров), склоны которой с трех сторон покрыты густыми зарослями арчи. Спустившись к озеру, я увидел на дне его отложения глины. Вода в нем была горькая, с резким запахом. Минерал с таким вкусом и запахом, обладающий широким диапазоном лечебных свойств, был найден недалеко от озера. Им еще в древности пользовались при вывихе и переломе, общем параличе лицевого нерва, поражениях желудка и других заболеваниях.

Вот почему озеро Сарколь привлекало и привлекает больных, в числе которых есть и верующие. Они-то и поддерживают слух о святости этих мест.

с. Мерке
Джамбулской области

Л. ФИЛИППОВ

МЕЖДУ РАЗУМОМ И ВЕРОЙ

Философские чтения

ПРОЧНО ПОСТРОЕННОЕ ЗДАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ, КАЗАЛОСЬ, МОГЛО ГОСПОДСТВОВАТЬ В ТЕЧЕНИЕ МНОГИХ СТОЛЕТИЙ. ОДНАКО ИСТОРИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ, ЧТО ДАЖЕ В УСЛОВИЯХ ТОГДАШНЕЙ АБСОЛЮТНОЙ МОНОПОЛИИ ХРИСТИАНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЕГО КОНСТРУКЦИИ ВОЗНИКЛИ ОПАСНЫЕ ТРЕЩИНЫ. ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО, ЕСЛИ ВОЗМОЖНО ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ИДЕЙ К ПОТРЕБНОСТЯМ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА, НАШЛИСЬ И ПУТИ ИХ ИСТОЛКОВАНИЯ В ИНТЕРЕСАХ ПОРАБОЩЕННЫХ НИЗОВ.

БЕДА ПРИШЛА ДЛЯ КАТОЛИЧЕСКИХ ИЕРАРХОВ СОВСЕМ НЕ С ТОЙ СТОРОНЫ, ОТКУДА ОНИ ЕЕ ЖДАЛИ, — ОНА РОДИЛАСЬ ПРИ РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ О СООТНОШЕНИИ РАЗУМА И ВЕРЫ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ИСТИННОСТИ ХРИСТИАНСТВА.

КАК ПОЛАГАЮТ некоторые исследователи первоначального христианства, одна из его заповедей поначалу звучала как «блаженны нищие», и лишь позднее, в эпоху благопристойного павлианства, эта опасная формула приобрела тот вид, который известен нам из евангелий. «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное», — говорит Христос в Евангелии от Матфея (гл. 5, ст. 3).

Такое превращение глубоко знаменательно. Оно символизирует всю глубину пропасти, разделившей первоначальное христианство и его позднейший официальный вариант, ставший господствующей идеологией феодального общества. Если первое отличалось протестом против социального неравенства и объявляло достойными бога и лучшей жизни страдающие низы, вторая стояла на страже эксплуататоров и во всеуслышание провозглашала презрение к разуму и человеческому достоинству.

Торжество новой религии отбросило общество вспять на много столетий. Развитие естественных наук затормозилось. Была нарушена преемственность в развитии культуры и философской мысли: период в истории Европы между V и X веками получил название «веков мрака».

Вопроса о соотношении веры и разума для проповедников христианства того времени поначалу попросту не существовало. Примат безоговорочно отдавался вере, а все, что находилось за ее пределами, отвергалось с порога. Единственной задачей познания объявлялось отношение души к богу, а здесь-то как раз и был бессилен разум человеческий. Вот почему Тертуллиан, например, говорил, что знание, философия для христианина не нужны. «Что общего между

Глава из рукописи книги «Идеалы и действительность» (религия как форма выражения социальных интересов масс в эпоху средневековья)». Первый отрывок из нее был опубликован в № 6 журнала «Наука и религия» за 1979 г.

Афинами и Иерусалимом, между Академией и церковью, между еретиками и христианами? — восклицал он. — Нам после Христа не нужна никакая любознательность, после Евангелия не нужно никакого исследования». Широко известен его принцип «Верую, ибо абсурдно». Однако на самом деле он звучал несколько пространнее и прямо раскрывал мотивы решительного отказа христианина от всякой логики:

Сын божий был рожден, как всякое дитя; и нет позора в этом, так как самый факт — постыден.
Сын божий умер, как и всякий человек; и этот факт вполне правдоподобен, так как он абсурден.
И он восстал из мертвых; факт этот несомненен лишь потому как раз, что невозможен.

В таком резком разделении разума и веры была своя логика: ведь, действительно, любая религия неминуемо требует деления мира на естественный, подчиняющийся обычным причинно-следственным связям, и сверхъестественный, являющийся областью чудес. «Не станем напоминать и о том, — пишет К. Маркс, — что христианство... не может согласоваться с разумом, так как «светский» разум находится в противоречии с «религиозным» разумом...»[1]

Вспомним известные слова почитаемого христианского писателя и историка Евсевия, епископа Кесарии, который говорил о естествоиспытателях своего времени: «Не из незнания вещей, которым они изумляются, но из презрения к их бесплодной работе ставим мы низко их дело и обращаем нашу душу к занятию более высокими вещами».

Однако долго такое положение дел существовать не могло. И если первые христианские проповедники не пользовались логикой для доказательства истинности основных принципов новой религии, то уже такие его деятели, как Климент Александрийский (150—215 гг.) и Ориген (185—254 гг.), выдвинули идею синтеза веры и знания. Оба они утверждали, что нет веры без знания, как и знания без веры. Между подлинной философией и религией не может быть противоречия, так как истинная ее цель — познание бога. Поэтому занятия наукой, говорил первый, не самоцель, а путь спасения души, ибо «кто ищет бога, тот заботится о своем собственном спасении».

Ему вторил Ориген. Он утверждал, что, с одной стороны, правильно употребленного разума вполне достаточно, чтобы установить основы христианской веры; с другой стороны, священное писание доказывается чем-то большим — откровениями, пророчествами, благотворным воздействием веры на верующих и т. д.

Таким образом, Климент Александрийский и Ориген заложили основы христианской апологетики, то есть такой части богословия, которая, говоря словами советского религиоведа Г. А. Габинского, имеет своим назначением «защиту и оправдание христианского вероучения»[2] средствами разума. Правда, как отмечает далее Габинский, вопрос об оправдании вероучения с помощью разума весьма затруднителен для теологии, так как, согласно религиозной идее откровения, вера не нуждается ни в каком оправдании или обосновании вне себя самой. И если все-таки такая постановка вопроса допускается, это означает только, что сознание во все времена оставалось одним из отличительных качеств социального человека и уйти от доводов разума не могли даже самые фанатичные приверженцы христианской веры.

Но раз поставлен вопрос о защите догматов христианства с помощью логики — значит, он неминуемо принимает характер обсуждения проблемы о соотношении веры и разума, истин откровения и науки. При этом невольно возникает ряд специфических трудностей, неминуемо приводящих к отклонениям от ортодоксии.

В самом деле. Ведь обосновать истины веры с помощью разума — значит, выйти за пределы «богооткровенного», обратиться за доказательствами и фактам естественного мира, к логике и рассуждению и тем самым признать авторитет бога не окончательным.

Но беда заключалась не только в этом. Размышление над вопросом о соотношении веры и знания, сверхъестественного и естественного, совершаемое с помощью логических умозаключений, неминуемо оказывается внешним по отношению к слепой вере и, независимо от того или иного решения частных трудностей, чревато разрушением ортодоксального подчинения сознания божественному началу. Именно этим обстоятельством и можно объяснить многочисленные отклонения религиозных мыслителей, обращавшихся к этой проблеме, от официальной доктрины, отклонения, следствием которых оказывались не только неожиданные философские, но и опасные социальные выводы.

Мало кому из подлинно оригинальных мыслителей средневекового христианства удавалось более или менее последовательно уравновесить знание и веру, наметить тот внутренний синтез, о котором мечтал Климент Александрийский и который позволил бы и сохранить в своей непосредственности истины откровения, и охватить христианской доктриной всю сумму накопленных к тому времени человеческих знаний.

Гносеологической основой этого печального для религиозного мировоззрения факта является объективная несовместимость веры и знания, иррациональность их соотношения. Вопреки утверждениям церковных апологетов, невозможно привести в полное логическое соответствие результаты объективно истинного изучения мира с помощью аппарата научного познания и иллюзорное, фантастическое миропредставление, основу которого составляет убеждение в существовании сверхчувственных сущностей, нарушающих всеобщую причинно-следственную закономерность.

Именно поэтому христианские теологи на стезе апологетики оказывались бессильными найти равновесие между верой и знанием и оступались — то в сторону веры, то в сторону разума. В одном случае это был уклон к мистицизму, в другом — к рационализму.

Обратимся сначала к примерам второго рода.

Развивая принцип обоснования догматов веры с помощью разума, христианские теологи довольно быстро пришли к использованию в богословских целях старого арсенала античного идеализма, прежде всего платоновского. Уже один из первых христианских теологов, фанатичный епископ Августин (354—430 гг.) ввел в апологетику логические доказательства бытия божьего, открыв тем самым процесс «рационализации» системы христианских принципов.

Но подобная точка зрения, будучи проведена последовательно, неизбежно приводила к выводу о примате разума над верой. Конечно, при этом имелся в виду разум, мыслящий идеалистически, разум, всецело согласный с религиозными посылками. Но уже в самой идее первенства мысли над таинством, логики над чувством таился опасный прецедент, результаты которого не замедлили сказаться.

Одним из блестящих представителей «рационалистического» уклона в христианской апологетике был Иоанн Скот Эриугена (810 — 877 гг.), выходец из Ирландии, ставший руководителем придворной школы у французского короля Карла Лысого. В своих сочинениях он оставался верен церкви, но его учение о природе и свободе воли оказалось неприемлемым для официального богословия. Находясь под влиянием философии неоплатоников, Иоанн учил, что истина скрыта в писании под покровом образов, смысл которых может быть найден только с помощью разума. Хотя по времени вера предшествует разуму, но по своей силе разум выше. И если в каком-то случае вера по видимости противоречит разуму, надо отдать предпочтение последнему.

Естественно, что трактат Эриугены «О божественном предопределении», в котором он изложил эти мысли, был дважды осужден церковью, и только покровительство короля спасло его автору жизнь.

В другом своем сочинении — «О разделении природы» — Эриугена приходит к выводу о том, что, поскольку процесс творения вечен, творение не отличается по своей сущности от творца. И тогда рассказ о творении, записанный в Библии, из откровения превращается в аллегорию, иносказание, а с ними отпадают церковное толкование грехопадения и роковая греховность человеческого рода. Действительно, Эриугена считает, что зло не имеет начала в боге, оно есть лишь отсутствие добра. Но поскольку человек — это малый вариант природы (микрокосм), в нем самом имеется часть божественной сущности, способствующая преодолению греха и возвращению к богу. Он писал: «Нет ино-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. стр. 100.
[2] Г. А. Габинский. Критика христианской апологетики. М., 1967, стр. 25.

го пути к чистейшему созерцанию первообраза, кроме возможно более точного познания ближайшего к нему отражения его. Ведь между первообразом и подобием, то есть между богом и человеческим естеством, нет ничего посредствующего».

Таким образом, рационалистический подход Эриугены привел его практически к попытке философской интерпретации христианского учения о боге, мире и человеке. При этом возникала опасность слияния божественной и «тварной» сущности мира, а учение церкви о грехе и искуплении теряло свой безусловный характер.

Такие пантеистические и антитеологические тенденции не оставили церковь равнодушной. Труды Эриугены объявили еретическими, трактат «О разделении природы» по приказу папы Гонория III сожгли и в 1685 году внесли в Индекс запрещенных книг.

Еще более опасной для церковного учения оказалась деятельность другого видного рационалиста средневековья Пьера Абеляра (1079—1142 гг.). Сын французского рыцаря, отрекшийся от своих феодальных прав, он был одним из выдающихся умов своей эпохи. Если Эриугена был средневековым рационалистом, придерживавшимся той точки зрения, что общие понятия предшествуют вещам (universalia ante res), то Абеляр примкнул к номиналистам, утверждавшим, что действительно существуют единичные вещи, а общие понятия есть лишь звуки, «простое дыхание» (universalia post res). И хотя философские исходные их принципы были диаметрально противоположными, Абеляр, в силу своего рационалистического метода, оказался столь же несовместим с официальной теологией, как и Эриугена. За свои крайние взгляды он был дважды осужден церковью (в 1121 и 1141 гг.) и умер в изгнании.

«С современной точки зрения,— пишет английский историк философии Бертран Рассел, — Абеляр придавал слишком большое значение логике. Считая логику по преимуществу христианской наукой, он обыгрывал происхождение ее названия от слова «логос». «В начале было Слово», — говорит Евангелие от св. Иоанна, и это, по мнению Абеляра, доказывает первенствующее положение логики».

Однако объективный анализ показывает, что мнение Абеляра, согласно которому логика является наукой христианства, глубоко ошибочно. Выводы, к которым он пришел, убедительно свидетельствуют, насколько расходилось ортодоксальное христианство и рациональный способ мышления. Одним из его главных сочинений была, между прочим, знаменитая книга «Sic et Non» («Да и Нет»), состоявшая из огромного количества цитат, выбранных Абеляром из писаний церковных авторитетов и дававших нередко противоположные ответы на одни и те же вопросы. Однако главная антицерковная направленность его идей заключалась не в этом.

Философское творчество Абеляра было направлено прежде всего против апологетики Ансельма Кентерберийского (1033—1109 гг.), стремившегося подчинить разум вере и провозглашавшего принцип непогрешимости католических догматов, их вечности и незыблемости. Все, что утверждает церковь, все, чему она учит, заявлял Ансельм, не подлежит суду разума, хотя последний вполне в силах выводить религиозные догматы и даже доказывать бытие божье.

Итак, допуская право разума на постижение бога, Ансельм ограничивал его во всем, что касалось сферы действия церкви. В этих вопросах единственным критерием истины признавал он саму церковь. Либерал по отношению к богу, Ансельм становился яростным реакционером, как только заходила речь о правах папы римского.

В противоположность Ансельму, Пьер Абеляр утверждал полный примат разума над верой. Ему принадлежит крылатое требование «расколоть веру разумом». Этот примат веры над разумом подчеркивал Ф. Энгельс, говоря об Абеляре: «Не «верить, чтобы понимать», как у Ансельма Кентерберийского, а «понимать, чтобы верить»; вечно возобновляющаяся борьба против слепой веры»[3].

Позиция Абеляра приводит его к тому, что он ставит разум выше авторитета священного писания. «В любом философском обсуждении,— пишет он в трактате «Диалог между философом, иудеем и христианином»,— авторитет ставится на последнее место или совсем не принимается во внимание, так что вообще стыдятся приводить доказательства, проистекающие от чьего-либо суждения, то есть от авторитета». И не удивительно, что симпатии автора не на стороне богослова, а на стороне философа, обращающегося к доводам разума.

Отвергая таким образом священное писание как критерий истины, Абеляр выдвигает положение о том, что инструментом ее обнаружения является диалектика спора, использующая наши знания о природе тех вещей, которые оказываются предметом познания.

Итак, рационализм Абеляра не только выходит за рамки ортодоксальной теологии, но, порывая, в сущности, с богословским методом вообще, ставит под сомнение абсолютную истинность священного писания и религиозного мировоззрения. Не удивительно, что как реакция на крайности схоластического рационализма, подрывавшего веру в незыблемость церковного авторитета, в трудах католических апологетов возникает обратный процесс, тенденция к ограничению числа истин веры, могущих быть доказанными с помощью разума.

Среди иерархов католической церкви нет-нет да и появлялись такие фигуры, как, скажем, монах Бернар Клервоский или теолог Петр Дамиани, учившие, что бог непостижим для человеческого разума. Однако в эпоху возникновения университетов, схоластики и оживления культурной жизни, характерных для Европы XI—XII столетий, возврат к временам слепой веры был невозможен. Он означал бы капитуляцию церкви перед доводами разума, уступку поля боя ее идейным и политическим противникам.

Кроме того, движение в обратном направлении в конце концов привело бы теологию в объятия мистики.

Покажем это на примере основателя мистического направления в средневековой теологии, современника и яростного противника Пьера Абеляра, настоятеля монастыря в Клерво, вдохновителя второго крестового похода, примерного сына католической церкви, причисленного ею к лику святых, аббата Бернара.

Бернар Клервоский (1090—1153 гг.) происходил из знатного рода бургундских феодалов. Одержимый фанатик, которого клюнийский аббат Петр Досточтенный обвинял в нарушении главной заповеди христианства — любви к ближнему. Он не любил людей, а любил бога и церковь, отвергал радости мирской жизни, земные наслаждения. «Откажись от плотских наслаждений, — учил свою паству Бернар Клервоский. — Любовь к богу удаляет человека от мира, а любовь к миру — от бога». Он и его последователи искали истину не в бесплодных схоластических спорах, а на путях субъективного опыта и созерцания. Будучи последовательным противником светского мира, Бернар хотя и не осуждал католическую церковь за ее мирскую деятельность, военные предприятия, но сетовал, что папство участвует в гражданской жизни, что людские помыслы поглощают «не закон господа, а закон Юстиниана».

В мистицизме Бернара было одно опасное для официальной церкви положение. Как всякий мистик, он считал единственным методом познания бога мистическое созерцание, в процессе которого осуществляется слияние человеческой души со сверхъестественным началом. Путь к этому — уход от всего временного и суетного, погружение в самого себя, сосредоточение мыслей на высшем сверхъестественном начале и как следствие — экстаз, переход очищенной от суетной субъективности души к богу. В этот момент душа становится частицей бога.

Бернар Клервоский был предан церкви. Но ведь в основе его мистической веры лежало допущение возможности непосредственного общения человека с богом, а это, как правильно отмечает Г. А. Габинский в своей работе «Критика христианской апологетики», могло привести к отрицанию объективной религии и необходимости церкви.

Подобное учение о сопричастности души и бога, наряду с критическим отношением к «мирскому», несло в себе начало, развитие которого грозило преобразовать официальную концепцию спасения, разработанную церковью и приспособленную к ее интересам и земным потребностям. Толчком же для такого развития потенциальных возможностей этой стороны христианского мистицизма послужило обострение борьбы между угнетенными народными массами и правящими классами средневекового общества, в том числе и церковью, характерное для XII столетия.

Именно в силу необходимости сопротивления мистическим антицерковным

---

[3] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. X, стр. 300.

системам, возникшим в этот период, и предпринимает еще одну попытку согласовать веру и знание, церковь и мир основатель томизма Фома Аквинский (1225—1274 гг.).

Обычно различают мистику в широком и узком смысле слова. В широком под мистикой (от греческого слова «таинственный») подразумевают всякое учение, отводящее значительное место в объяснении мира таинственным, непознаваемым силам, сверхъестественному началу, богу. В таком понимании мистика равнозначна любому фидеизму, религиозной вере как таковой.

В более узком значении мистицизм означает религиозно-философскую концепцию, признающую возможность непосредственного общения человеческого духовного начала (души) с богом как первичной духовной субстанцией. «Настольная книга атеиста» добавляет при этом, что, по учению мистиков, подобное состояние сознания проявляется в фантастических видениях, грезах, галлюцинациях, приступах экстаза и т. п. В другом месте этого издания отмечается, что мистицизм в узком понимании этого слова есть «гносеологическая основа религиозных верований».

Последнее определение, как нам представляется, грешит неточностью. Известно, что гносеологической основой религии является способность человеческого сознания к любому отрыву от действительности, к созданию обобщенных фантастических образов ее. Несомненно, однако, что особые состояния психики, характерные для возникновения — при определенных условиях — иллюзии общения со сверхъестественными силами, можно было бы назвать психологической основой религиозного мироотношения.

Уверенность мистика в возможности общения со сверхъестественными силами находит свое подтверждение при определенных условиях в содержании сновидений, галлюцинаций, а также в способности человека под воздействием религиозного чувства приходить в состояние особого экстаза, во время которого верующему кажется, что душа освобождается от плена бренного тела и возносится к богу. «Экстаз — это освобождение души из-под гнета чувственной природы и впечатлений внешнего мира», — приводит советский психолог К. К. Платонов слова одного богослова. Освобождение это часто сопровождается особыми видениями, фантастическими образами и т. п. Средневековый мистик Яков Беме описывает это состояние так: «Душа не может в сей жизни прийти к совершенному познанию до самого конца... Но когда душа бывает возжена святым духом, она ликует в теле, словно восходит великий пожар, так что сердце и почки трепещут от радости... Познание же бога сеется в этом огне святого духа».

Общение с богом, происходящее в состоянии «озарения», экстаза, верующие называют «мистическим опытом».

Долгие столетия психофизиологическая природа этих явлений, выступавших в сознании верующих в качестве реального практического доказательства сверхъестественного мира и причастности к нему человеческого духа, оставалась загадкой. Лишь в прошлом столетии психологи и психиатры приоткрыли тайну естественных механизмов, лежащих в основе мистических озарений и экстазов. И тогда выяснилось, что все они — так или иначе — результат торможения коры головного мозга, вызванного возбуждением подкорки. Психологическим результатом этого физиологического состояния является так называемая эйфория, проявляющаяся в приподнятом состоянии и в снижении критического начала.

Повторяем, однако, что состояние «озарения», «мистического опыта» многие столетия служили самым поразительным, самым «впечатляющим» доказательством общения человека с богом. Защитники религии и сегодня уверяют, что способность мистического общения с богом присуща каждому человеку. У каждого «есть в жизни момент,—пишет «Журнал Московской патриархии»,— когда он явственно слышит голос божий, и уже от него зависит, внять ли этому голосу или нет. Этот призыв как бы на миг открывает душе тайны невидимого...»[4].

Не будем подробно останавливаться на психофизиологической стороне этого вопроса. Отметим только, что по данным проблемам вышло несколько интересных, содержательных работ советских философов и психиатров, из числа которых прежде всего следует назвать книгу И. Неманова, Б. Рожнова и М. Рожновой «Когда духи показывают когти», а также очерки М. Рожновой, В. Рожнова «Врата истины», опубликованные в журнале «Наука и религия», № 3—5 за 1969 год. Они рассматривают как фактическую сторону дела, так и психофизиологический механизм «мистического опыта».

Важно отметить, что и сам «мистический опыт», и основанная на фактах этого опыта теологическая концепция сопричастности человеческого духа с богом и исторически и логически оказывались непременным элементом, частью религиозной теории и религиозной практики. Без мистического элемента (хотя он, естественно, занимает совершенно разное место в сознании верующего дикаря и сторонника современного «цивилизованного» фидеизма) религия теряет как свой логический смысл, так и свою культовую, практическую действенность.

Мистическое общение с богом составляет для верующего главный смысл, основной нерв его религиозной жизни. Оно соединяет в себе и мнимое преодоление рамок суетной действительности, и иллюзорное, мимолетное, но желанное слияние с каким-то внешним началом, представляющимся ему предметом его религиозного поклонения. «Мистический опыт» занимал (и до сих пор еще занимает) значительное место в практике некоторых религиозных направлений, закрепляя эмоционально-психологическое религиозное вероучение, которое исповедуют их последователи.

Мистический уклон в христианской апологетике средневековья был гораздо опаснее для господствующих классов, чем рационалистические ереси, так как он при соответствующих условиях мог слиться с постоянно тлевшей в народных массах искрой социального возмущения и освятить именем бога их протест против существующих порядков. Социальной предпосылкой этому, с одной стороны, были темнота и неграмотность трудящихся масс, их неспособность к восприятию абстрактных логических построений, с другой — полное господство религиозных представлений о боге, мире и месте человека в нем, допускавшее выражение социального протеста в рамках общепринятой и общепонятной религиозной концепции.

Именно в силу этого социальный протест масс, подъем которого начинается в XI—XIII столетиях, находит свое идеологическое выражение не в логических конструкциях крайних рационалистов, порывавших с религиозной картиной мира, а в теориях оппозиционных мистиков, опиравшихся на новое истолкование традиционного для средних веков учения о спасении человека и искуплении его грехов.

Вот почему материалистические философские тенденции, наметившиеся в трудах Пьера Абеляра, а затем Роджера Бэкона (1214—1292 гг.) и Уильяма Оккама (1285—1349 гг.), не сыграли — на первых порах — заметной роли в разрушении официальной религиозной идеологии средневековья. Естественно, их идеи, как и сами авторы, не оставили церковь равнодушной. Творчество Абеляра было осуждено, Роджер Бэкон 14 лет провел в монастырской тюрьме, Оккам обвинялся в ереси, сидел в тюрьме, бежал, спасаясь от преследования церкви. Идеи этих мыслителей были понятны в те времена немногим образованным людям. Массовое сознание существовало в координатах, прочно установленных христианской верой. Поэтому ее разрушение могло начаться лишь с помощью таких конструкций, которые возникали внутри этих координат. И только с развитием эмпирического, опытного знания эти философские тенденции, дав им толчок, стали предтечей мировоззрения новой буржуазной эпохи.

Что же касается теоретических предпосылок превращения мистики в идеологию бунтующих низов, то они крылись частично в идее сопричастия человека с богом, лежащей в самой основе мистического мировоззрения, частично же в разработке тех сторон официального христианства, которые вступали в явное противоречие с другими его сторонами, прежде всего с картиной мира, вытекающей из священного писания. Вот почему в эпоху, когда социальные противоречия обострились, в средневековой Европе выступает на сцену целая группа оппозиционеров-мистиков, проповедующих идеи социального обновления мира. Воодушевленные «мистическим опытом», сильные своими ссылками на тексты священного писания, фанатично преданные народу, они дали идейное знамя измученным массам, социальный инстинкт которых получил в их теориях свою опору и обоснование и повел на штурм ненавистного мира духовенства и господ.

Публикация И. ЖЕРНЕВСКОЙ

[4] «Журнал Московской патриархии», 1962, № 4, стр. 57.

ОДЕТЫЕ В ЧЕШУЮ

А. ЧЕГОДАЕВ

Заклинатель змей из Марокко с египетской коброй.

Автор с гребнистым крокодильчиком и широкомордым кайманом.

Мягкотелая черепаха — трионика, почитаемая у народов Дальнего Востока.

Хамелеон тоже считается священным животным.

Пресмыкающиеся в обширном пантеоне животных-богов всегда занимали особое место. Исследователи религий даже выделяют из зоолатрических культов офиолатрию (поклонение змеям) — культ, стоящий особняком.

Как возникло это почитание и где его корни — ответить не так-то просто. Первобытный человек, как известно, не выделял себя из природы, видя в животных либо братьев, либо предков, основателей рода. Одних животных он делал тотемом-прародителем потому, что те были основным объектом охоты, других — потому, что они вызывали страх.

Рептилий скорее можно отнести ко вторым, «промыслового культа» они не породили, для первобытных охотников были случайной добычей. Чудовищное несоответствие между скромными размерами ядовитых змей и травмой, ими наносимой (два крохотных прокола в коже и как следствие — долгие страдания и зачастую смерть), создавало к змеям особое отношение. Почитая змей, первобытный человек, по-видимому, не испытывал перед ними панического страха. Путешественники-натуралисты

рассказывают, что многие племена Африки, Южной Америки, Юго-Восточной Азии проявляют поразительное бесстрашие и хладнокровие в отношении ядовитых змей. Даже ребятишки играют с некоторыми видами крайне ядовитых рептилий, таких, как габонские или шумящие гадюки, четко зная их повадки, предвидя, когда события принимают угрожающий поворот.

Люди издавна постигали образ жизни, поведение пресмыкающихся. Поражали их воображение огромные питоны и удавы: часами лежат они в засаде и вдруг стремительно взрываются в невероятном по скорости и координированности броске, нападая на добычу. И добыча это самая разнообразная. Известен случай, когда из желудка пятиметрового питона извлекли взрослого леопарда. Поразительно было даже не то, что питон целиком заглотал леопарда. На коже у змеи не осталось ни единой царапины. Леопард, хищник с молниеносной реакцией, был атакован и задушен так быстро, что не успел пустить в ход когти и клыки.

А немигающий взгляд, породивший легенду о змеином гипнозе, способность поститься месяцами или даже годами, пролезать в малейшие отверстия, двигаться бесшумно, от окаменелости переходить к стремительной атаке, разить добычу вслепую, в полной ночной тьме — разве всего этого было мало для того, чтобы наделить змей сверхъ-

естественными качествами и возвести в ранг божества?

География офиолатрических культов обширна. Змей чтят всюду, где они есть. Змеи — тотемы многих австралийских племен. Особую роль играет у них ромбический питон: при обрядах инициации, посвящения во взрослые, юноши должны съесть его сердце. Иероглифовый питон признан тотемом у мандинго и других народов Западной Африки. В Дагомее, например, священным питонам предоставляли просторные хижины. Считалось, что они посещают каждого новорожденного в первые восемь дней после рождения.

Гремучих змей почитали североамериканские индейцы, в особенности хопи и шошоны, которых так и звали: «змеиные индейцы». От местного сокращенного названия гремучей змеи «надовессиу» произошло название целого союза племен — «сиу», оказавших упорное сопротивление белым завоевателям Дальнего Запада.

Племена, имевшие своим тотемом змей, подвергали «инородцев» тотемическому испытанию — ордалии. По свидетельству древнего историка Варрона, жрецы народа, жившего на территории Малой Азии и названного «офиогенами» («рожденные змеей»), проверяли родовую принадлежность незнакомцев по последствиям... змеиного укуса.

Способность змей к бесшумному появлению и исчезновению, их «всюдупроникаемость» породили представление о них как о надежном вместилище для душ умерших. В это верили и древние египтяне, и банту, и зулусы, и бушмены. Африканцы считали, что в змей обращаются лишь души добрых людей, а племя масаев видело в них место успокоения лишь для почетных душ вождей и колдунов. Английский зоолог Дж. Кэнсдейл рассказывает о том, как, узнав о смерти женщины от укуса змеи в одной из деревень Ганы, он выразил сожаление вождю, что не смог ее вовремя спасти. Однако вождь возразил, что спасать ее вообще не следовало, поскольку в образе змеи к ней явился обиженный ныне покойный родственник и таким образом расквитался за обиду.

Обожествление животных, так сказать зоолатрия в ее чистом виде, существовало не только в эпоху первобытнообщинных отношений, но и в классовых обществах. Змей почитали фессалийцы Древней Греции, со змеями был связан образ богини Афины, в змею мог превращаться бог Протей. Змеи жили в храме Эрехтея — бога плуга и вспашки.

Но теснее всего в представлении греков эти пресмыкающиеся были связаны с культом Асклепия, или Эскулапа, — бога врачевания. Они обвивали его жезл — кадуцей. По преданию, змея, жившая в Эпидаврском храме, посвященном Асклепию, избавила Рим от чумы, отправившись с послами Рима на корабле. Кстати, этот вид, «спасший Рим», так и получил в науке название «эскулаповые». Он обитает в Южной и Юго-Восточной Европе, встречается и у нас в стране, на юге Украины и в Закавказье. Жезл Эскулапа стал прообразом символа врачевания — змеи, обвившей чашу.

В религии ацтеков верховный бог Кетцалькоатль изображался в виде пернатой змеи. Кобра была тотемом одного из дравидских родов в Индии, и до сих пор в буддизме сохранилось ее почитание. Змеиное мясо, по представлениям древних славян и германцев, открывало тайны языка животных, делало человека ловким и хитрым. Ужи в Центральной Европе, а полозы в Южной до сих пор считаются вестниками счастья, покровительствующими человеку; нельзя их убивать, причинять им вред.

На змеиный яд люди обратили внимание уже давно. Понтийский царь Митридат VI Евпатор (II—I вв. до н. э.) усердно занимался исследованием действия различных ядов, в том числе и змеиного, на организм человека, используя для этой цели приговоренных к смерти преступников. На основе опытов Митридат и придворные врачи создали сложное универсальное противоядие «терьяк», широко применявшееся в течение нескольких веков. Знаменитая египетская царица Клеопатра (I в. до н. э.), тоже интересовавшаяся свойствами ядов, согласно преданию, кончила жизнь самоубийством. Ее укусила кобра, а, по египетским представлениям, укус ядовитой змеи сулил бессмертие.

Ученые древнего Востока — Абу Али Ибн Сина (Авиценна), Зайнуддин Абу Ибрагим Джурджани внесли свою лепту в изучение ядовитых змей. В частности, последний, намного опередив воззрения своих современников, заявил: «Змеиный яд убивает быстро не потому, что является холодным, а потому, что обусловливает в короткий срок свертывание крови в сердце».

В XVII—XVIII веках пионерами экспериментального изучения ядов змей были итальянцы Франческо Реди и Феличе Фонтана. Весьма своеобразно Реди пытался доказать, что ядовитым началом является не желчь и слюна гадюки, как тогда считалось, а ее яд. Для этого он выпил желчь и слюну змеи в присутствии тосканского герцога. Для такой демонстрации, безусловно, нужна была недюжинная смелость, потому что только сейчас мы знаем достоверно, что выпей Реди хоть литр чистейшего змеиного яда, с ним не случилось бы беды, ибо любой змеиный яд безвреден, если не попадает непосредственно в кровь.

Долгое время змеиный яд использовался как противоядие. Только в конце прошлого — начале нашего века французские ученые А. Кальметти и Ц. Физали разработали способы получения противозмеиных сывороток из крови животных. И почти сразу же возник первый серпентарий — знаменитый Бутантан в Сан-Паулу. У нас в стране змеепитомники стали создаваться в 30-е годы. Сейчас их четыре: во Фрунзе, в Ташкенте, Москве и близ Баку.

На идею использования ядов в качестве лекарственных средств медиков натолкнул случай, происшедший с одним больным-эпилептиком в США. После укуса гремучей змеи у него прекратились припадки болезни. Эксперименты с ядами других змей показали, что, к примеру, фракции яда кобры можно использовать при заболеваниях центральной нервной системы, при бронхиальной астме, спазмах сосудов сердца. Яды гадюковых змей применяются как обезболивающее и кровосвертывающее средства.

За последнее время наука открыла немало удивительных свойств яда змей. Сфера применения его растет с каждым днем. Как и в других случаях, человек преодолел суеверный страх перед этими представителями земной фауны, изучил то страшное оружие, которым наделила их природа, и обратил его к своему благу.

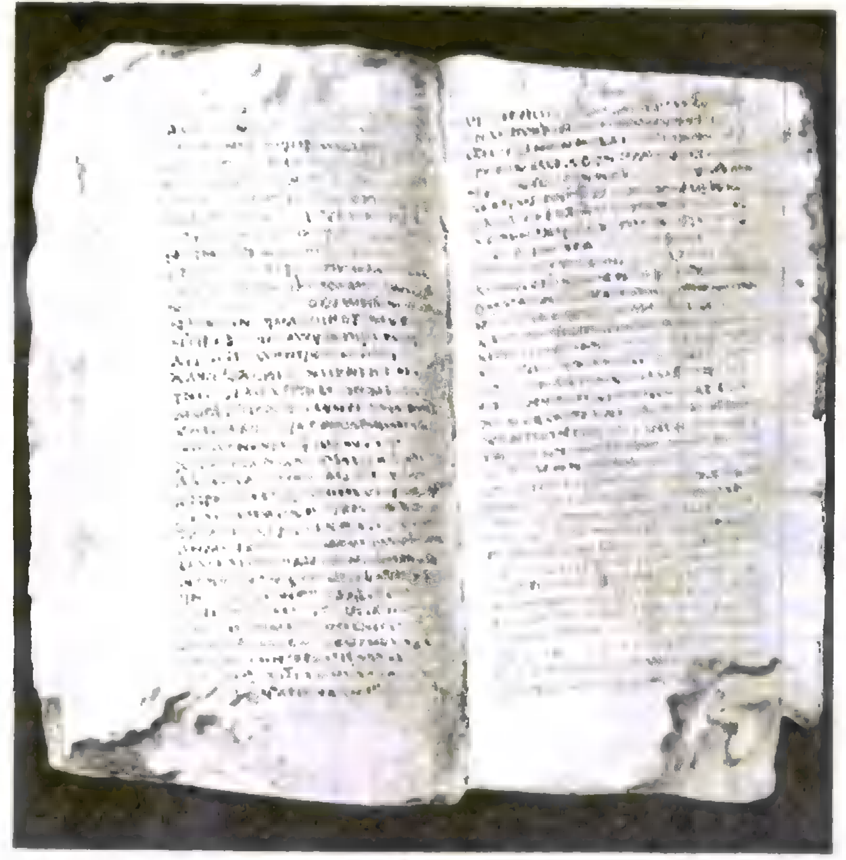
Коротко об интересном

ДЕВУШКИ И ЖЕМЧУГ

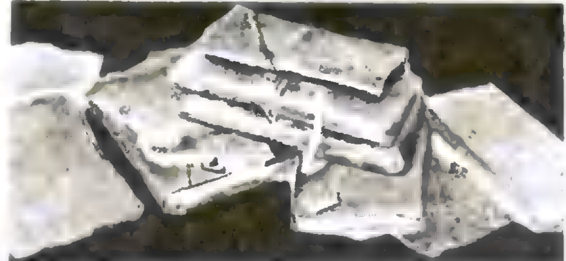
Известно, что и жемчуг «стареет». Жемчужины живут около двухсот лет, а затем «умирают» — теряют свой прежний блеск. Предания гласят, что восстановить его вид можно только с помощью молодой девушки, которая, надев ожерелье, должна в течение ста одной ночи купаться в реке. Так будто бы был восстановлен жемчуг, принадлежащий Ивану Грозному.

Но это легенды, сегодня же и тут действует наука: реставрируют жемчужины слабым раствором соляной кислоты.

Хенобоскионские кодексы.

ТАЙНЫЕ ПИСАНИЯ

ПЕРВЫХ ХРИСТИАН

И. СВЕНЦИЦКАЯ,
доктор исторических наук

■ В IV—V веках христианские епископы утвердили список «боговдохновенных» писаний, составивших Новый завет. Но на самом деле туда попала лишь небольшая часть обширной раннехристианской литературы. Не вошедшие в Новый завет произведения церковь называет тайными, апокрифическими (от греческого «апокрюфос» — тайный), и подложными. Апокрифы дают возможность более полно проследить формирование христианства.

Среди непризнанных церковью писаний можно выделить записи отдельных «речений Иисуса» (так называемые «логии»), которые были обнаружены на папирусах из Оксиринха (Египет). Речения восходят еще к устной христианской традиции; по-видимому, именно они были самым ранним жанром христианской литературы.

В I—III веках существовало и большое количество различных евангелий, например, иудео-христиан, то есть христиан, которые не порывали с иудаизмом. Были писания, автором которых считался апостол Петр; в конце прошлого века (тоже в Египте) были открыты Апокалипсис Петра и отрывок из Евангелия Петра.

Во втором веке среди христиан получили распространение сочинения, отражающие гностические учения (от греческого «гносис» — знание). Их сущность сводилась к тому, что материальный мир — зло, он лишен единства и совершенства. Такой мир не мог быть создан благим богом, а произошел по ошибке (или по злой воле) сотворивших его сил. В человеке (причем не во всех людях, а только в избранных) есть частица совершенного божества, «света». Человек, обнаружив в себе этот свет, дух, путем озарения — мистического познания (гносиса) соединяется с божеством. Ни загробного воздаяния, ни царства божьего на земле христиане этих направлений не признавали. Иисус представлялся им божественным словом (логосом), посредником между людьми и абсолютным божеством.

Изучая сочинения, созданные в различных общинах, можно убедиться, что единого учения у христиан никогда не существовало, что они непрерывно спорили друг с другом по вопросам догматики, этики, обрядности, даже эпизодам биографии Иисуса.

Особенно остро шел спор о сущности основателя нового учения. Иисус почитался одними (и притом самыми ранними) группами как человек, наделенный особой добродетелью, другими — как богочеловек, третьими — как предвечно существующий логос.

Знаменательны были и расхождения по вопросу о царстве божьем: ранние христиане верили, что второе пришествие близко, и, когда оно свершится, на земле установится царство добра и справедливости. В наиболее раннем из новозаветных евангелий — Евангелии от Марка — представление о вознаграждении на земле еще сохраняется. Но затем царство божье заменяется царством небесным (как в Евангелии от Матфея), появляются описания потусторонних рая и ада — впервые в Апокалипсисе Петра.

Гностики шли еще дальше: они вообще отвергали идею воздаяния; царство божье для них «вне и внутри» человека, а единственно возможное спасение — слияние индивида с этим духовным царством. Подобные гностические идеи получили отражение и в Новом завете: в Евангелии от Иоанна содержится знаменательная фраза: «Царство мое не от мира сего» (гл. 18, ст. 36).

Споры шли и по вопросу об обрядности. Если в евангелиях иудео-христиан и оксиринхских логиях соблюдение иудейских обрядов, в частности празднования субботы, являлось обязательным для всех, то создатели многих произведений Нового завета не только отказываются от этих требований, но и стараются отмежеваться от иудеев вообще. Эта тенденция, особенно заметная после поражения антиримского восстания в Иудее 132—135 годов, затем ярко сказывается в описаниях суда над Иисусом, в оправдании Пилата. Последнее преследовало сразу две цели: примирение с римскими властями и обвинение иудеев в смерти Христа. Во II веке сторонники гностических учений высказываются против обрядов вообще, в том числе даже против молитв.

По-разному решали христиане I—IV веков проблемы отношения с окружающим миром, вопросы этики. Здесь диапазон расхождений был особенно широк: от крайнего аскетизма до моральной распущенности. Частью христианской этики выступало и отношение к бедности и богатству. Отрицательное отношение к богатству, выраженное в некоторых ранних апокрифических сочинениях, сменилось требованием благотворительности, учением о взаимной необходимости бедных и богатых, а затем и прямым оправданием богатства.

В произведениях Нового завета от-

ношение к богатству различно, но самое существенное в них то, что бедные — богатые всего лишь одна из антитез окружавшего христиан общества наряду с благополучными — несчастными, здоровыми — калеками; социальный аспект не выделяется большинством авторов новозаветных книг: нищие и больные для них равнозначны. Для гностиков бедность и богатство выступали как часть еще более общего мирового разделения на противоположности, включавшего и разделение на мужское и женское, на левое и правое.

Разумеется, расхождения между отдельными христианскими группами не исчерпывались вышеприведенным. Для создания правильного представления о ранней истории христианства важно иметь в виду тот факт, что, хотя среди сторонников новой религии шла непрерывная борьба различных направлений, четкого разграничения между ними не было. Они взаимопроникали и влияли друг на друга; христиане имели возможность читать произведения, созданные в самых разных общинах, вплоть до выработки победившей ортодоксальной церковью списка «отрешенных» книг. Именно поэтому в произведениях Нового завета можно увидеть и следы влияния иудео-христианства и идеи гностиков. Защитники христианства II—III веков использовали всю эту литературу в своих сочинениях.

Не вошедшие в канон писания отражают христианскую традицию, которая не переставала развиваться и меняться на протяжении трех веков существования новой религии. Эта традиция отражала взгляды, интересы, чаяния разных слоев общества, среди которых распространялось христианское учение. Оно впитывало в себя самые различные, часто взаимопротиворечащие черты иудейского мессианства, восточных, особенно египетских, культов, греко-римской идеалистической философии.

Христианство создавалось людьми, которые стремились найти выход из того социально-психологического тупика, в который зашли античное общество и античная идеология. И само обилие направлений, острота споров среди приверженцев христианства свидетельствуют о том, что ни одно из этих направлений не могло удовлетворить духовных потребностей населения Римской империи.

Ортодоксальная церковь победила потому, что она сумела приспособиться к реальной жизни, принять существующий порядок (и даже оправдывать его) и получить в конце концов поддержку государственной власти. Но эта победа не была полной: на протяжении всего средневековья в разнообразных религиозных движениях, которые церковь называла еретическими, продолжали развиваться идеи, высказанные отдельными христианскими группами в I—III веках.

Подготовленная Политиздатом книга И. С. Свенцицкой «Тайные писания первых христиан» посвящена некоторым не вошедшим в Новый завет произведениям раннехристианской литературы — и давно известным науке, и открытым сравнительно недавно. Предлагаем вашему вниманию отрывки из этой книги.

ЕВАНГЕЛИЯ ИЗ ХЕНОБОСКИОНА

Для изучения апокрифической литературы большое значение имеют археологические открытия. Первое место среди них, бесспорно, занимает библиотека христиан-гностиков, открытая в 1946 году на месте древнего Хенобоскиона в Верхнем Египте. В III—IV веках христианские группы, жившие в этом районе, собрали воедино свои священные книги, отражавшие основные положения их учения и наиболее ими чтимые. Писались они на коптском языке, развившемся из древнеегипетского. Но это — не оригинальные сочинения, а переводы более ранних греческих текстов. Произведения, найденные в Хенобоскионе, относятся к разным жанрам. Здесь есть рассуждения о происхождении мира, догматические трактаты, апокалипсисы, наконец, евангелия. Мы остановимся на тех из них, которые наиболее тесно связаны с христианским учением.

ЕВАНГЕЛИЕ ИСТИНЫ

Среди хенобоскионских рукописей есть такие, которые названы евангелиями. Они отличаются от других и канонических и апокрифических евангелий тем, что не содержат рассказа о жизни и деятельности Христа, а заключают в себе рассуждения о гнозисе, поучения и речения Иисуса.

«Евангелие истины есть радость для тех, кто получил от отца Истины милость познать его через могущество Слова, пришедшего из Плеромы...» — так начинается рукопись, получившая название по первым ее словам. Уже в этой фразе — типичная терминология гностиков: отец Истины — верховное, абсолютное божество; Плерома — (греч. — полнота) нерасчлененное, совершенное бытие; Слово — посредник между людьми и божеством. Евангелие в этом контексте приобретает свой первоначальный смысл — это не священная книга, а возвещение истины, благая весть о ней. К моменту написания этой рукописи уже существовали другие евангелия. Но автор Евангелия истины как бы заново возвещает благую весть. У него полностью отсутствует распространенная христианская догматика, хотя традиционные рассказы об Иисусе, безусловно, ему знакомы. Это видно по ряду выражений, совпадающих со встречающимися в Новом завете (евангелиях, Апокалипсисе Иоанна, послании Павла к евреям). Но осмысление и контекст выражений иной.

Имя Иисуса автор употребляет всего несколько раз, больше он говорит о Слове, которое те, к кому оно обращено, называют спасителем: «ибо таково название дела, которое оно призвано выполнить для спасения тех, кто не знает отца».

О земной жизни Христа автор говорит, что тот пришел по подобии тела. Свет говорил его устами». Дело Иисуса — дать свет тем, кто пребывал в темноте: «Он дал им свет. Он дал им путь. Этот путь — истина, которой он учил». Иисусу-Слову противопоставлено «Заблуждение», столь же абстрактное понятие, как и «Слово». Заблуждение возненавидело Иисуса за то, что он дал свет людям.

В Евангелии истины нет идеи распятия как искупления за грехи людей; там сказано, что Иисус «унизил» себя до смерти, так как он знал, что смерть его означает жизнь для многих. Сам факт распятия упомянут, но интерпретирован он достаточно своеобразно: Иисус был пригвожден к дереву и стал «плодом знания об отце». Здесь употреблено слово «дерево», а не крест, чтобы создать впечатление не об орудии казни, а о «дереве жизни».

Интересно отметить, что речь идет не о повешении, как в «Деяниях апостолов», а о пригвождении к кресту: эта традиция восходит и к Евангелию от Иоанна (гл. 20, ст. 25), где упоминаются раны от гвоздей на руках Иисуса, и к апокрифическому Евангелию Петра, где также говорится о гвоздях.

По-видимому, ко времени оформления основной христианской литературы не было ясного представления о способе распятия. Но для автора Евангелия истины реальность казни не имела значения. Распятый Иисус — это символ плода на дереве жизни. Он не воскресает, но снова становится самим собой, то есть извечным словом и мыслью божьей: он сбросил «смертные одежды» и облекся бессмертием, которое никто не может отнять у него. Иисус, таким образом, в Евангелии истины не имеет человеческой природы, его земное существование — лишь видимость, подобие телесности. Насколько далек этот образ не только от сына плотника Иосифа из иудео-христианских евангелий, но и от богочеловека Нового завета!

Используя отдельные конкретные образы, встречающиеся в других христианских произведениях, автор переводит их в область абстрактного. Так, в Евангелии от Матфея (гл. 12, ст. 11—12) рассказывается, что Иисус в споре о том, можно ли исцелять в субботу, привел такой аргумент: «Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы!» Здесь приведен самый обыденный пример, чтобы показать лицемерие людей, уличивших Иисуса в нарушении религиозных правил. В Евангелии истины эпизод с овцой толкуется символически: человек не просто вытащил овцу, он «дал жизнь овце», чтобы люди знали, что «спасению» не разрешено отдыхать... И человек, и овца, и спасение приобретают здесь иной смысл, а вопрос о том, что можно и чего нельзя делать во время священного дня, вопрос, имевший реальное значение для иудео-христиан, в этом произведении полностью снят.

В Евангелии истины отсутствуют какие-либо моральные поучения и этические нормы. Христианство для автора — это возвращение к истинному знанию бога, которого люди забыли, открытие божества в самом себе. Подобно поэтам, он сравнивает земную жизнь с тревожным сном: люди — жертвы пустых образов из снов, они находятся во власти страха и тоски. Они забыли, откуда они вышли и куда они могли бы вернуться. Незнание бога-отца и есть причина их страхов, их неуверенности. Но так же, как свет разгоняет ночные видения, так и гносис — мистическое познание — освобождает их от страха. Человек, открывший в себе божественный дух, возвращается к богу: «Когда его зовут, он слышит, он отвечает, он направляется к тому, кто зовет его и возвращается к нему...» Обладая гносисом — внутренним откровением, человек выполняет волю «зовущего его». Посредством гносиса люди пробужда-

ются, вспоминают, освобождаются от ошибок. «Благо человеку, который обрел самого себя и пробудился», — вот, по-существу, единственный путь к спасению, о котором говорится в Евангелии истины. «Знание» для автора этого произведения чисто интуитивно, оно вложено в душу человека. «Маленькие дети обладают знанием отца», — утверждает автор.

Евангелие истины написано доступным и в то же время ярким, приподнятым языком. Это не обработка различных версий и сказаний, а целостное произведение, созданное одним человеком, скорее художественное, чем религиозно-догматическое, своеобразная проповедь, рассчитанная прежде всего на эмоциональное воздействие.

Текст, открытый в Хенобоскионе, представляет собой перевод с греческого оригинала, который может быть датирован не позже 175 года. Образный язык, отсутствие мифологических рассказов о происхождении мира, скрытое переосмысление знакомых из более древней христианской традиции образов и выражений давали возможность читать это произведение в разных христианских группах, главным образом в группах гностического толка. Оно не было создано той сектой, которая скрывалась от мира в районе Хенобоскиона, оно было занесено туда и затем принято в число священных книг этой секты.

В Евангелии истины нет ни слова о втором пришествии, о страшном суде или о вознаграждении праведников в потустороннем мире. Сочинение обращено к человеку — отдельному, одинокому, который только внутри самого себя может обрести спасение. В таком подходе выражена крайняя степень отчуждения человека от окружающего мира, жизнь в котором для автора наполнена страхами, тревогами, неуверенностью.

Для социальной психологии римского общества II века такие настроения были типичны: они были обусловлены распадом традиционных коллективных связей между людьми. Ни принадлежность к племени во вновь завоеванных римлянами областях, ни принадлежность к гражданству старых греческих городов не имела значения для римских чиновников, выполнявших волю императора. Этот распад связей необычайно остро ощущается в Евангелии истины: человек живет не только в отрыве от мира, но и от других людей, поэтому проблемы этики, норм поведения не существует для создателя Евангелия истины. Он пытается освободить своих последователей от страха, причем, по сути, не только от страха перед миром, но и от страха перед богом, страха, на котором основаны требования ортодоксальной христианской этики.

Автор этого евангелия стремился переосмыслить христианское учение, оторвать его от жизненной конкретности. Он обращался к абстрактному человеку, его внутренней сущности, игнорируя реальные условия его существования. Та всеобщность христианской проповеди («нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (послание Павла к колосянам, гл. 3, ст. 11), которая обеспечила широкое распространение новой религии, нашла здесь свое крайнее выражение. Но в то же время представление об индивидуальном «откровении» как единственном пути к божеству создавало новых «избранных»: те, кто не смог приобщиться к гносису, ни молитвами, ни покаянием, ни добрыми делами не спасались. Недаром смерть Иисуса, согласно Евангелию истины, означала жизнь для многих, но не для всех. Гностическое христианство было так же далеко от представлений о всеобщем равенстве, как и ортодоксальное направление, среди сторонников которого к концу II века сложилось иерархическое управление общинами верующих.

ЕВАНГЕЛИЕ ФИЛИППА

Евангелие Филиппа, также обнаруженное среди рукописей Хенобоскиона, представляет собой религиозно-философский трактат. Коптский текст относится к IV веку, но греческий подлинник был написан во II веке. Предназначенное для более узкого круга читателей, оно содержит гностическую мифологию и символику и состоит из отдельных, не всегда связанных между собой рассуждений.

Очень ясно проступает в этом евангелии характерное гностическое представление о разделении мира на противоположные начала: свет и тьму, жизнь и смерть, правое и левое, истину и заблуждение. Разделение на добро и зло — лишь одна из оппозиций, существующих в мире. Мужское и женское начало здесь — тоже результат непримиримого разделения: пока оно существует, мир продолжает быть обреченным на смерть: «Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того как она отделилась от него, появилась смерть. Если она снова войдет в него и он ее примет, смерти больше не будет»*. Этот разорванный, смертный мир, согласно учению Евангелия Филиппа, не мог быть создан абсолютным божеством. «Мир произошел из-за ошибки. Ибо тот, кто создал его, желал создать его негибнущим и бессмертным. Он погиб и не достиг своей надежды. Ибо не было нерушимости мира и нерушимости того, кто создал мир...» — пишет автор. Кто создатель мира — он не говорит, но упоминает различные «силы», «власти» (по-гречески архонты), ангелов, которые заполняют разрыв между божеством и миром. Архонты — злые силы — хотели запутать и поработить людей, так как знали, что человек одного происхождения с тем, что «воистину хорошо».

Однако автор Евангелия Филиппа — не просто человек, проповедующий гностический подход к миру; он еще и христианин и потому стремится включить в свои поучения некоторые общехристианские положения, как-то сочетать их с общегностическим мировоззрением. И, в отличие от Евангелия истины, здесь налицо попытка объяснить (при всем неприятии логического подхода!) с гностической точки зрения многие христианские догматы и учения, приспособить одни и отвергнуть другие.

Один из кардинальных вопросов, стоявших в течение нескольких веков перед разными христианскими проповедниками, — отношения между всеблагим богом и миром зла — пытался разрешить и автор Евангелия Филиппа. Если мир создан по ошибке и управляется силами зла, то как сочетать с этим христианские представления о всемогуществе бога? Филипп предлагает свое толкование. В конечном счете, заявляет он, и злые силы подчиняются святому духу: «Ибо они слепы из-за духа святого, дабы они думали, что они служат своим людям, тогда как они работают на святых». «Святой дух» управляет всеми «силами» — и теми, которые подчиняются, и теми, которые не подчиняются. Но силы зла будут подчиняться только человеку совершенному. Что же должны делать люди для освобождения от сил зла? Одно — познать истину. «Логос сказал: «Если вы познаете истину, истина сделает вас свободными», — говорится в Евангелии Филиппа, причем понятие свободы, как и неоднократно упоминаемое понятие рабства, не имеет ни малейшего социального оттенка. Эта свобода — духовная, связанная с мистическим аспектом: «Незнание — рабство. Знание (гносис) — это свобода». Познать истину не просто: истина не пришла в мир открытой, она «пришла в символах и образах». И Евангелие Филиппа переполнено символами и образами, которые должны скрыть истину от «непосвященных» и открыть ее тем, которые эти символы расшифруют.

В начале евангелия проводится одна из основных его идей: люди, обладающие внутренним знанием истины, «таковы, каковы они с самого начала»; именно эти, избранные, создают других истинных людей. В другом месте эта мысль повторяется: «Христос пришел выкупить некоторых: освободить одних, спасти других. Он выкупил тех, кто чужой, сделал их своими. И он отделил своих, тех, кого он положил залогом по воле своей».

Евангелие Филиппа выступает против внешнего соблюдения обрядов, которое уже становилось характерным для многих христианских общин того времени: «Если некто опускается в воду, выходит оттуда, ничего не получив, говорит: «Я — христианин», — он взял имя в долг. Но если он получил дух святой, он имеет в качестве дара имя. Тот, кто получил дар, у него не отбирают его, того же, кто взял (его) в качестве долга, лишают его».

Евангелие активно проповедует необходимость духовного слияния с божеством. Своеобразно толкуется догмат о воскресении из мертвых; автору евангелия чужда вера в телесное воскресение. «Те, кто говорит, кто умрут сначала и воскреснут, заблуждаются. Если не получат сначала воскресения, будучи еще живыми, (то) когда умирают — не получат ничего». А дальше со скрытой иронией говорится о наивных опасениях тех, что боится «воскреснуть обнаженными». Ни плоть, ни кровь, учит автор, «(не смогут) наследовать (царствия) божьего». Плоть Иисуса — логос, а кровь его — дух святой; «те, кто получил это, имеют еду, и питье, и одежду». И воскреснет именно эта, истинная плоть.

О совершенстве человека евангелист рассуждает, не касаясь моральных характеристик. Для него совершенный человек тот, кто облечется совершенным светом и сам станет светом. В земном мире, говорит он, можно видеть солнце, не будучи солнцем, но в мире истины, кто увидел дух, сам стал духом, кто увидел Христа — сам стал Христом.

* Здесь и дальше цитаты из Евангелия Филиппа даны в переводе М. К. Трофимовой.

Внутреннее обретение божества означало для сторонников этого учения мистическое преображение самого человека, растворение его в божестве. Совершенного человека нельзя ни схватить, ни увидеть, говорится в Евангелии Филиппа. Но это означает, что, став светом, человек тем самым перестает быть личностью. Таков крайний индивидуализм учения, отображающего внутренний мир изолированного человека и фантастическое стремление преодолеть эту изолированность соединением человеческого духа со всеобщим божественным духом. До какой же степени одинокими должны были чувствовать себя в окружающем мире люди, для которых «спасение» означало не только избавление от мира страданий, но и отказ от своего «я»!

Первые христиане учили, что почитание распятого мессии, исполнение его заветов поможет каждому уверовавшему спастись (в царстве божьем на земле — согласно одним верованиям, в царстве небесном — согласно другим). Авторы хенобоскионских евангелий заменили веру гносисом, мистическим озарением, но они не давали никаких советов, как, совершая одни поступки и не совершая других, обрести его. И в этом одно из глубоких противоречий гностического христианства.

Встал перед гностиком-христианином и вопрос о том, как сочетать избранность пневматиков (то есть «духовных»), людей, обладающих частицей божественного «духа», с идеей о том, что ученики и последователи Иисуса должны распространять его учение. Автор Евангелия Филиппа начинает с того, что человек, не обладающий духовной сущностью, не человек, а лишь животное в человеческом обличье. По его словам, Адам съел плод дерева, которое порождает животных. Затем евангелист проводит параллель между учеником бога, призванным проповедовать истину, и хозяином дома, дающим каждому соответствующую пищу: «Перед детьми он положил хлеб и оливковое масло и мясо, перед рабами — клещевинное масло и пшеницу, скоту — ячмень, солому и траву» (любопытное свидетельство о реальном питании в эпоху создания этого евангелия!). Ученик бога должен распознать под телесными формами душу каждого. «Есть много животных в мире, имеющих форму человека. Когда он познает их, свиньям он бросит желуди, скотине — ячмень, и солому, и траву, собакам — кости. Рабам он даст всходы, детям он даст совершенное».

Свиньи и псы в этом отрывке перекликаются с аналогичными образами в Нагорной проповеди из новозаветного Евангелия от Матфея: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (гл. 7, ст. 6). Нагорная проповедь, содержащая, по-видимому, более древнюю в Новом завете христианскую традицию, обращена ко всем уверовавшим в Иисуса: псы и свиньи в ее контексте — враги, преследовавшие его и отвергавшие его учение. Вся проповедь переполнена моральными призывами; именно в ней обещается награда «нищим духом» (или, по Евангелию от Луки, — просто нищим).

В Евангелии Филиппа знакомый образ претерпевает изменения: здесь не аллегорическое изображение врагов, а характеристика извечной сущности людей-животных, не способных постичь истину. Внешне образ сохраняется, но суть его меняется кардинально. Такое обращение с традиционными образами и символами было свойственно всем христианским направлениям. Каждое, толкуя их, преследовало свои цели, считая при этом именно свое учение истинно христианским.

В приведенном отрывке Евангелия Филиппа полностью отсутствует социальный аспект разделения людей (как, впрочем, и этический). Существен только аспект духовный: реальные отношения приводятся как пример, но смысл их переиначивается. Рабы здесь не рабы людей, а рабы мира, рабы своего незнания: «Незнание — это рабство». И дети здесь не дети в прямом смысле слова, но сыновья бога, которых должен открыть ученик бога и которым он передает истинное учение.

Итак, задача проповедника христианства в его гностическом понимании — найти «детей» и передать им «совершенство», то есть помочь обрести гносис, раскрыть свою истинную сущность. Отрицание ценности людей в зависимости от их социального положения, столь свойственное раннему христианству, проявляется в Евангелии Филиппа в том, что «дети бога» могут быть найдены где угодно: «Жемчужина, если она брошена в грязь, не станет более презираемой и, если ее натрут бальзамом, не станет более ценной. Но всегда ценна для ее обладателя. Подобным образом сыновья бога, где бы они ни были, они всегда ценны для отца». Избранные могут быть везде — и в грязи, и среди тех, кто «натирается бальзамом».

Позиция автора евангелия, как и позиция гностиков вообще, была социально индифферентна. У них не было даже того сочувствия к несчастным и обиженным вообще (нищим, калекам, вдовам), которое так явственно проступает в ранних христианских сочинениях. Встречающиеся в Евангелии Филиппа утверждения, что нижнее будет верхним, а верхнее нижним, означают уничтожение того разделения на противоположности, которое свойственно несовершенному миру и отсутствует в мире совершенном. Проблемы этики в этом евангелии переводятся в область мистического переживания, духовного освобождения от телесного мира. Нет хороших и дурных поступков, характерных для поведения людей в конкретной обыденности, есть люди, способные и неспособные обрести истину.

Какое же место в этом учении занимает образ основателя христианства? Иисус — это логос, слово божье. Он, как уже было сказано, пришел спасти «некоторых» (то есть тех, кто способен обрести гносис). Эта мысль о миссии Христа, дающего свет тем, кто в состоянии его видеть, ясно выражена в образном сопоставлении слепого и находящегося в темноте: «Если приходит свет, тогда зрячий увидит свет, а тот, кто слеп, — останется в темноте».

Земное существование Иисуса — лишь преображение мистического логоса. В Евангелии Филиппа сказано, что «он открылся так, как можно было видеть его... он открылся великим как великий, он открылся малым как малый, он открылся ангелам как ангел, и людям как человек».

Ко времени написания Евангелия Филиппа уже появился миф о непорочном зачатии Иисуса от духа святого. Филипп специально останавливается на критике этого утверждения: «Некоторые говорят, что Мария зачала от духа святого. Они заблуждаются... Когда бывало, чтобы женщина зачала от женщины?» Последнее возражение основано на том, что в Евангелии Филиппа «святой дух» — женское начало, как и в тех не дошедших до нас христианских текстах, которые были написаны на арамейском языке (на нем также «святой дух» женского рода). В качестве дополнительного аргумента приводятся слова Иисуса: «Отец мой, сущий на небесах» (Евангелие от Матфея, гл. 16, ст. 17). Автор пишет, что Иисус не сказал бы так, если бы у него не было другого отца, он просто сказал бы: «Отец мой». Неприятие догмата о непорочном зачатии показывает, что он появился сравнительно поздно, не был освящен древней традицией, против него выступали в среде самих же христиан. Ясно также, что миф этот мог возникнуть только среди людей, не говоривших по-арамейски, то есть вне Палестины.

В соответствии со своим представлением об Иисусе-логосе, Филипп говорит о его именах, названных в разных евангелиях: Иисус, назареянин, Христос (мессия). Это не подлинные имена, утверждает автор евангелия, так называли его апостолы; подлинное же имя логоса — тайна. Имена Иисуса, считая их символами и иносказаниями, Филипп толкует следующим образом: Иисус — искупление, назара — истина, назареянин — тот, кто от истины. В другом месте он говорит, что Иисус — имя скрытое, поэтому его нет ни в одном языке; Христос же — имя открытое, так как значение его передается на любом языке.

Стоит обратить внимание на то, что название «назареянин» Филипп не связывает с городом, откуда, по преданию, происходил Иисус. Он воспринимает его как прозвище, так же как и многие иудеи, и, вероятно, последователи древней христианской группы назареев (существовало Евангелие назареев, написанное, по всей вероятности, на арамейском языке). Такое отношение к слову «назареянин» показывает, что подробная традиция о жизни Иисуса еще не сложилась ко времени создания Евангелия Филиппа, что были зафиксированы и почитались священными только предания, касающиеся самых существенных, с точки зрения нового вероучения, событий из жизни Христа.

Евангелие Филиппа — произведение очень сложное и многозначное; оно вобрало в себя и элементы античной философии, ее диалектический подход к миру (только как бы разорвав то единство противоположностей, которое, согласно античным диалектикам, создавало стройный миропорядок), и восточные верования, и идеи различных религиозно - философских трактатов, распространенных во время его создания. Мы остановились здесь главным образом лишь на тех идеях, которые представляют наибольший интерес для общей истории христианского учения и его эволюции.

Продолжение следует

Хасан ИСМАИЛОВ,
кандидат философских наук

ОТВЕТ

В последнее время антисоветская пропаганда на Западе и в некоторых странах Востока активно взяла на вооружение так называемый мусульманский вопрос в СССР. Газеты и журналы пишут об усилении влияния ислама в восточных районах нашей страны, о «пробуждении и подъеме мусульманских масс в Средней Азии», о том, что мусульмане в СССР представляют собой «взрывную силу», «бомбу замедленного действия»...

Главным специалистом по мусульманскому вопросу в СССР для западной пропаганды на какой-то период стала Элен Каррер д'Анкосс, автор антисоветской книжки «Треснувшая империя», вышедшей во Франции в издательстве «Фламмарион» в 1978 году. В ней подробно развиваются все идеи по «мусульманской проблеме» в СССР, столь занимающие буржуазную прессу. Из этой книжки черпают аргументацию авторы множества публикаций с весьма выразительными заголовками: «Ветры ислама дуют над Советской Азией» (монреальская «Газетт»), «Элен Каррер д'Анкосс описывает подъем у мусульман в СССР» (швейцарская «Трибюн де Женев»), «Навести мосты к мусульманам» (западногерманская «Рейнишер Меркур»), «Когда пробуждается ислам» (парижская «Либерасьон»).

Книга д'Анкосс не случайно привлекла такое активное внимание западной прессы. В ней делается попытка обновить устаревшую, уже давно набившую всем оскомину аргументацию антисоветчиков, занимающихся проблемами Советского Востока. Книга д'Анкосс отмечена внешней научной респектабельностью, она часто ссылается на новейшие работы советских авторов, почти не сбивается на грубую ругань, характерную для статей и книг многих других советологов, тон ее выступлений в основном спокойный. К тому же она отказалась от характерных для примитивных антисоветских выступлений домыслов об ущемлении прав мусульман в СССР, об искусственной их изоляции от братьев по вере в других странах и т. п. Все эти домыслы уже не устраивают сегодня организаторов антисоветских кампаний. Участившиеся международные контакты увеличили информированность масс в несоциалистических странах о жизни советского народа, о религиозной ситуации, в частности о положении верующих в нашей стране, и прежняя аргументация антисоветчиков стала непригодной.

Д'Анкосс же как раз учитывает изменившуюся обстановку. В ее книге немало признаний тех преимуществ, которые социализм дал «мусульманским» народам (то есть она признает то, что замалчивать уже никак нельзя). Однако именно из этого непреложного факта она и некоторые ее коллеги делают странный вывод: мусульмане СССР должны выступить против советского строя не потому, что им плохо при социализме, а потому, что хорошо, что блага, которые получили при социализме народы Советского Востока, должны привести их к недовольству существующим порядком. На некоторых их аргументах в пользу этого вывода мы остановимся ниже. Характерно, что многие из названных публикаций и сама д'Анкосс намекают на какое-то «усиление мусульманского движения в СССР», которое якобы связано с влиянием иранских событий, а это, мол, может привести к возникновению «мусульманской федерации», в которую войдут и определенные территории СССР. Непонятно, о каком усилении и какого мусульманского движения толкуют «специалисты» по исламу, рассуждая в духе давно обнаружившего свою несостоятельность антисоветизма.

Те, кто делает подобные намеки, имеют весьма туманное представление о жизни верующих в СССР, в том числе мусульман. Они являются такими же полноправными гражданами своего Отечества, как и неверующие, пользуются всеми благами социалистического общества, являются патриотами своей Родины, идущей в первых рядах борьбы за революционное обновление мира. Вместе со всем советским народом мусульмане СССР поздравили иранский народ с победой революции и в то же время решительно осудили контрреволюционные акции врагов общественного прогресса против Ирана и Афганистана.

Вместе с мусульманскими религиозными деятелями и представителями исламской прессы из 12 стран — участниками конференции, посвященной 10-летию журнала «Мусульмане Советского Востока» (она проходила 3—4 июля 1979 г.), — они подчеркнули в своем заявлении, что приветствуют успехи народов Ирана и Афганистана в их борьбе против империализма, за создание нового общества, что желают успехов народам Ирана и Афганистана на путях социального прогресса.

Незадолго перед этим заместитель председателя духовного управления мусульман Закавказья А. Пашшаев, отвечая корреспондентам на вопрос о том, какова реакция мусульман в СССР на события в Иране, заметил: «События в Иране носят социально-политический характер. Когда народ угнетен, он поднимается на революцию. Иранский народ совершил революцию во имя свободы, и мы ему желаем успехов. Мы же находимся на более высокой ступени развития. Мы свою правду давно нашли в социалистическом обществе».

Тут вполне можно согласиться с д'Анкосс, которая пишет: «Советские мусульмане... люди умные и к тому же действительно с очень развитым политическим самосознанием».

Публикации антисоветчиков по исламской тематике пытаются создать впечатление, что интерес к ней вызван беспокойством за судьбы мусульман в СССР, желанием указать им «истинный путь».

Какой же путь хотят указать мусульманам нашей страны? Им хотелось бы разжечь религиозно-националистические настроения хотя бы у части верующих, превратить хотя бы некоторых служителей культа в нашей стране в носителей и проповедников националистических идей в мусульманской оболочке, вызвать вражду между людьми разных наций. Их истинная цель — очернить реальный социализм, вызвать у народов зарубежного Востока, выбирающих путь развития, недоверие и антипатию к идеям коммунизма. В этом своем стремлении они спекулируют на исламской проблематике

ПРОРИЦАТЕЛЯМ

и часто выдают желаемое за осуществившееся, не останавливаясь ни перед какими вымыслами.

Та же д'Анкосс, к примеру, заявляет, что Советская власть собирается «побудить мусульман отправиться заселять Сибирь» или что «женщины в Средней Азии по-прежнему выходят замуж в 13 лет», что мусульмане бегут из городов в деревни, ибо «им тягостна совместная жизнь с русскими и украинцами, населяющими города», и т. д. и т. п. Или взять хотя бы уже упоминавшуюся статью «Ветры ислама дуют над Советской Азией», опубликованную в монреальской «Газетт» 18 апреля 1979 года. Ее автору — Лане Хиллз — принадлежит прорицание: «бомба» замедленного действия, которую якобы представляют собой мусульмане в СССР, непременно взорвется. Среди других аргументов в пользу своего «пророчества» Л. Хиллз называет большое количество мусульман в СССР и быстрый рост их численности.

По ее утверждению, в СССР «около 45 миллионов мусульман» (кстати, д'Анкосс называет цифру 50 миллионов). «Согласно советской статистике, — пишет Хиллз, — менее чем через поколение их численность увеличится вдвое и достигнет почти 100 миллионов». Прежде чем показать, что цифры эти не более чем плод фантазии Хиллз и д'Анкосс, вспомним, кого следует называть мусульманами. Обратившись к любому словарю, изданному в любой стране мира, получим ответ: мусульмане — последователи ислама, те, кто исповедует мусульманскую религию. Поэтому мы никак не можем отнести к мусульманам всех представителей народов, среди которых традиционно был распространен ислам. Результаты социологических исследований, проведенных в различных районах СССР, показывают: до 70 процентов представителей этих народов сегодня не придерживаются требований религии, не являются верующими, то есть их нельзя назвать мусульманами. (Но даже если огульно причислить их к мусульманам, то и в этом случае, по итогам переписи 1970 года, получится самое большее 35 миллионов.)

Что же касается прогнозов относительно удвоения числа мусульман в следующем поколении (сколько бы их ни было сейчас), то исследователям религиозного вопроса в нашей стране, подобным Хиллз, надо бы иметь в виду, что дети мусульман в СССР сегодня не столь уж часто становятся верующими, как хотелось бы антисоветчикам, которые делают ставку на религиозную идеологию.

Теперь вернемся к сакраментальному пророчеству книги д'Анкосс о том, что улучшение положения мусульман вызовет их недовольство социализмом. Среди других аргументов в пользу этого предсказания есть, в частности, такой (его приводит в своей статье Л. Хиллз): Советская власть открыла грандиозные возможности для развития национальной культуры «мусульманских» народов, однако официальная идеология диктует неизбежность «потери национальной самобытности». Вот это противоречие и должно, по их мнению, вызвать то самое недовольство мусульман, тот самый ожидаемый антисоветчиками «взрыв».

Надо сказать, что сетования на «потерю национальной самобытности» народов Советского Востока выглядят сегодня для любого объективного исследователя просто несерьезно. Изучите жизнь любой из более чем ста наций и народностей СССР (среди них, кстати, есть последователи более 40 религий и религиозных направлений) — и вы увидите, особенно в историческом сравнении, небывалый расцвет самобытной национальной культуры, свойственной именно данному народу и обогащенной дружескими связями с другими братскими народами. Всему этому способствует целенаправленная деятельность Коммунистической партии, социалистического государства.

В СССР обеспечивается равноправие граждан во всех областях жизни, независимо от их происхождения, национальности, расы, социального положения и отношения к религии. Национальная государственность, предоставленная народам окраин бывшей царской России, способствует расцвету национальных культур. Бурному развитию национальных культур, росту и закреплению национального самосознания способствует и то, что дети в республиках Советского Востока обучаются на родном языке (это, кстати, отмечают в своих публикациях д'Анкосс и Л. Хиллз).

Разумеется, в СССР идет объективный процесс сближения наций и интернационализации общественной жизни, характерный, кстати говоря, для различных районов мира. Однако в условиях социализма он не только не ведет к потере национальной самобытности народов, но, напротив, способствует все более полному ее раскрытию и обогащению. Об этом свидетельствует расцвет национальных культур народов Советского Востока, о котором рассказывают писатели и поэты — сыновья и дочери этих народов в своих произведениях.

Жизнь народов Советского Востока убедительно опровергает расхожее утверждение антисоветчиков о том, будто вывод марксистско-ленинской теории о советском народе как новой исторической общности людей означает ликвидацию национальной самобытности народов нашей страны. Совсем напротив. Когда мы говорим о новой исторической общности людей, мы, как отмечает Л. И. Брежнев, «вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций. Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера, язык, свои лучшие традиции. Они располагают всеми возможностями добиться еще большего расцвета своей национальной культуры».

Как уже говорилось, «обновители» аргументации из среды западных пропагандистов в последнее время стараются не прибегать к грубому искажению положения мусульман в СССР, разговорам о гонениях их за веру и проч. Напротив, та же Л. Хиллз, например, пишет, что государство даже поощряет мусульман в их приверженности к вере, правда, «под официальным присмотром».

Здесь опять удивляет элементарная неграмотность тех, кто выступает в роли «специалистов»

именно по этому вопросу. Следовало бы им знать, что Советская власть в первые же месяцы своего существования объявила отношение к религии частным делом каждого: отделила церковь от государства, законодательно обеспечила право каждого исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Конституция СССР 1977 года еще раз подтвердила полную гарантию свободы совести в СССР. Советское государство передало верующим огромное количество всевозможных культовых зданий, многие из которых представляют собой ценные памятники отечественной культуры, — в них разместилось сегодня около 20 тысяч церквей, мечетей, костелов, синагог и т. д. Но как в этом видеть поощрение религии?

В чем же, по мнению Л. Хиллз, заключается «официальный присмотр» за отправлением культа? В пояснение этого она отождествляет духовные управления мусульман в СССР с государственными органами. Они, мол, и осуществляют этот официальный присмотр за верующими, контролируют передвижение мулл и выплачивают им заработную плату. Руководители духовных управлений, утверждает автор, «назначены Советами». Возможно, Л. Хиллз искренне заблуждается относительно роли и характера духовных управлений мусульман. На самом деле вот что они собой представляют.

Это — религиозные центры (их в СССР четыре), которые руководят канонической (богослужебной) деятельностью мечетей. Они избираются на съездах служителей культа и верующих из наиболее известных мусульманских деятелей. Духовные управления существуют на средства, добровольно отчисляемые мечетями, и, разумеется, не они оплачивают содержание мулл. Мечети сами нанимают служителей культа для руководства богослужениями и выполнения обрядов. Бюджет мечетей складывается из пожертвований верующих, и средства муллам выплачиваются в зависимости от этого бюджета. Государство не финансирует религиозные организации, но и не облагает их доходы налогами.

Таковы коротко доводы, наиболее характерные для пророчеств о неизбежном «взрыве». Как видим, они надуманны и безграмотны. Как бы ни хотелось этого антисоветчикам, строящим свои прогнозы на «мусульманской почве», нет на Советском Востоке ничего, что помогло бы осуществиться этим пророчествам. Реальность как раз говорит, что подавляющее большинство населения уже отошло от религии, что сфера влияния ислама становится тут все у́же и он не определяет сегодня характер жизни в районах традиционного распространения этой религии в нашей стране. Жизнь здесь развивается на светской основе, и надежды на усиление социальной значимости ислама лишены каких бы то ни было оснований.

В различных сферах жизни верующие все чаще руководствуются не предписаниями ислама, а вполне светскими мотивами. И что самое главное — для народов Советского Востока, в том числе и для мусульман, социалистический строй — это их детище, они создавали и укрепляли его вместе с другими народами СССР, и он поднял их от нищеты и бесправия к вершинам современной цивилизации, с ним связаны их надежды и устремления. Этот строй предоставил им огромные возможности для процветания — экономического и культурного (этого сегодня не могут не признавать и те, кто делает антисоветские прогнозы). Народы Советского Востока доказали свою преданность социалистической Родине героическими подвигами в борьбе за независимость и территориальную целостность Родины, самоотверженным трудом во имя коммунизма.

Всего этого не хотят видеть антисоветчики на Западе. Не хотят примириться с таким положением дел у мусульман Советского Востока и представители реакционных зарубежных мусульманских кругов. Они стоят на позициях борьбы против коммунизма, приемы и методы этой борьбы, основную аргументацию они черпают из арсенала империалистической пропаганды, во многом повторяют ее зады, заметно уступая ей в искусности, но значительно превосходя в злобе и брани.

Цель мусульманской реакции очевидна — создать у народов развивающихся стран недоверие и антипатию к реальному социализму. Используя религиозность народов этих стран, их приверженность к исламу, антисоветчики из лагеря мусульманской реакции расписывают «тяжелое положение мусульман в нашей стране», обвиняют Советское государство в том, что оно «запрещает свободу вероисповедания, вмешивается в связи людей с Кораном». Если западная пропаганда выдает свои затаенные надежды на возникновение некоего подобия «исламской политической оппозиции» советскому строю, то в реакционных исламских изданиях прямо пишут о необходимости создать такую оппозицию, «навести крепкие мосты» к мусульманам Советского Союза. При этом они уверяют, что их братья по вере в СССР «испытывают самую острую нужду в поддержке и помощи» и надо, чтобы советские мусульмане «вместе со своими братьями активизировали исламское движение, которое призвано охватить новые народы и распространить свое влияние на всю землю» (газета «Ан-Надва», Саудовская Аравия, 19 марта 1979 г.).

«Коммунистические страны поставили перед собой цель избавиться от своих исламских меньшинств», — заявляет «Журнал Всемирной исламской лиги». И снова повторяет на разные лады уже давно разоблаченное историей утверждение, будто главным условием строительства социализма является ликвидация религии. По логике, которую мусульманская реакция хочет навязать верующим, получается, что верность исламу обязывает мусульманина быть антикоммунистом. По этой же логике выходит, что мусульмане в социалистических странах автоматически находятся в политической оппозиции.

Хорошим ответом на эти рассуждения может служить следующее высказывание главы Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтия Зиаутдин-хана ибн Ишана Бабахана:

«Как и все представители моего народа, я имею право свободного выбора... Как духовный наставник я имею право общаться с верующими и говорить им все, что есть в Коране. Это относится также ко всем моим коллегам. Наши дети имеют такие же права, как и все дети нашей страны. Высшие школы перед ними открыты. В нашей стране живет много национальностей, и они живут дружно, как одна семья. Они уважают и понимают друг друга. Мы видим, что наша страна предпринимает большие усилия для защиты мира, и мы выступаем на международной арене за это справедливое дело. За все это я люблю свою страну, поэтому я и являюсь патриотом Советского Союза».

Вот такое положение дел не устраивает идеологов империализма и мусульманской реакции.

В своей антисоветской деятельности мусульманская реакция вынуждена прибегать к услугам людей, которые давно отказались от каких бы то ни было нравственных норм и принципов. Таков, к примеру, Баймирза Хаит — выходец из Узбекистана, во время Великой Отечественной войны сдавшийся в плен фашистам и ставший их прислужником. Он организовывал карательные отряды «восточно-мусульманской дивизии» и «батальоны Тимура». На его совести смерть тысяч наших соотечественников, а также чехов, итальянцев, французов, греков, сопротивлявшихся фашизму. Бюллетень же (№ 4) Института мусульманских меньшинств при университете имени короля Абдул Азиза в Джидде (Саудовская Аравия) представляет Б. Хаита как «мусульманина из Туркестана, живущего в настоящее время в Западной Германии, где он занимается исследовательской работой по условиям жизни и положению мусульман в СССР».

В докладе, прочитанном в этом Институте 20 марта 1978 года, этот «исследователь» говорил, например, что в СССР «запрещены исламские собрания», что в Средней Азии (он пишет — в Туркестане) имеется только восемь мечетей, что в «мечетях не разрешается собираться более чем двадцати мусульманам», что «запрещены всякие пожертвования на исламские цели» и т. д. и т. п.

Здесь не просто искажение фактов, а довольно грубое сплошное вранье. К примеру, лондонская газета «Экономист», которую никак не заподозришь в симпатиях к коммунизму, в номере от 22 января 1977 года сетует на то, что в советской Средней Азии действует «только 1000 мечетей» (эту цифру сообщает ее московский корреспондент). А еженедельник Всемирного исламского конгресса «Мусульманский мир» неоднократно отмечал, что в одном Ташкенте функционирует свыше десяти крупных мечетей, где по пятницам беспрепятственно молится большое число верующих. В еженедельнике Всемирной исламской лиги «Новости исламского мира» (№ 419 за 17 марта 1975 г.) сообщалось в статье помощника генерального секретаря этой организации Мухаммада Савфата Сакка Амини: «Бюджет мусульманских организаций Советского Союза полностью основывается на закяте и других пожертвованиях. Я сам наблюдал, что верующие приносят свои пожертвования с охотой». Организаторы выступлений Б. Хаита должны были бы помнить о том, что публиковали в своих изданиях. Но в том-то и дело, что антикоммунизм может держаться лишь на вымыслах.

Недалеко ушел от Хаита в своих заявлениях и «внук знаменитого имама» Саид Шамиль. В 1969 году он призывал поехать «за железный занавес и убедиться, что там мусульмане скрывают свою религиозную принадлежность, боясь репрессий и преследований», «не верить коммунистической пропаганде».

Что ж, за прошедшие 10 лет сотни мусульманских деятелей зарубежных стран побывали в СССР. Их никак нельзя заподозрить в том, что они «на службе коммунизма», однако все их свидетельства разоблачают клевету на СССР таких «советологов», как Б. Хаит, Саид Шамиль и им подобные. Вот что говорил, например, после поездки по Советскому Союзу министр вакуфов, исламских дел и святынь Иордании Абдель Азиз аль-Хаят:

«Мы убедились, что мусульмане имеют свободу совершения религиозных обрядов, поклонений, религиозной жизни, включая моления и бракосочетания... В ходе наших встреч с мусульманами мы неизменно ощущали дух ислама... Мы убедились, что власти не вмешиваются в дела религии... Мусульмане в Советском Союзе, как и остальные граждане, принимают участие во всех областях жизни, в экономике, культуре, сфере образования. Они заняты на различных участках в сфере управления и производства, в колхозах и совхозах. Как и другие граждане, они получают бесплатное образование...» («Аш-Шааб», Амман, 19 мая 1976 г.).

В СССР побывали такие авторитетные в мусульманском мире религиозные деятели, как бывший шейх университета аль-Азхар Мухаммад аль-Фаххам, верховный муфтий Сирийской Арабской Республики Ахмад Кефтаро, главный муфтий Ливана Хасан Халед, верховный муфтий Йеменской Арабской Республики Ахмад Мухаммад Забара, бывший министр религий Марокко Ахмад Баргаш и многие другие. В публичных выступлениях они обрисовали истинное положение ислама в СССР, рассказали в своих странах, что мусульмане в СССР наравне со всеми гражданами, верующими и неверующими, пользуются правами, которые предоставляет социалистическое общество.

Казалось бы, после таких авторитетных свидетельств невозможно говорить о «гонениях за веру», о «преследовании мусульман в СССР», об их «дискриминации». Однако антисоветчики и антикоммунисты как на Западе, так и на Востоке продолжают кампанию клеветы — вопреки фактам, вопреки очевидности. В иных случаях они меняют свои приемы, совершенствуют аргументацию, как, например, Э. д'Анкосс, в других — продолжают выдавать в эфир и в печать грубую, примитивную ложь.

Как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», идеологи империализма и реакции любыми путями стремятся очернить социализм, «извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход». Эта пропаганда рассчитана на то, чтобы отравить сознание советских мусульман, попытаться разжечь национализм на религиозной почве, и на то, чтобы посеять недоверие к социализму у народов развивающихся стран, особенно тех, которые решают вопрос о выборе пути. Однако пропагандисты антикоммунизма напрасно будут ждать осуществления своих предсказаний относительно судеб мусульман в СССР. Их прорицания не смогут изменить объективную реальность.

И в странах несоциалистического мира их ждет провал. Народные массы все решительнее избавляются от антикоммунистических мифов. История — лучший учитель. А она свидетельствует о том, что под руководством коммунистов построено самое справедливое и сплоченное общество, какое только знает человечество, что это общество стало оплотом всеобщего мира и социального прогресса. Расширяющиеся контакты между Советским Союзом и мусульманскими странами все ярче показывают народам, что именно в мире социализма находят претворение в жизнь идеалы трудящихся об установлении между членами общества высоконравственных отношений товарищества, взаимопомощи, братства.

Шукурбек БЕЙШЕНАЛИЕВ

ОДНАЖДЫ Азиз заметил, что ветеринар дядя Сман шушукается о чем-то с его родителями. Азиз услышал только, как доктор сказал отцу и матери:

— Сразу же как приедем на высокогорное пастбище, приготовьте маленький той. Я приглашу знакомых.

Через несколько дней, на утренней заре, когда Азиз еще крепко спал, к ним на стойбище приехала грузовая машина. Чабанскую юрту быстро разобрали и уложили в кузов вместе с домашним имуществом. Спящего Азиза положили в серединку прямо с постелью. Рядом привязали верного друга — бодливого барашка.

По укатанной неровной дороге переехали через перевал и еще до полудня добрались до самых высокогорных пастбищ — джайлоо.

Стоянку раскинули на берегу большого озера. Кругом, куда ни ступи, куда ни посмотри, — мягким зеленым шелком переливается типчак. Ставили тут раньше юрту или нет, Азиз не знает. Но он хорошо помнит, как в прошлом и позапрошлом году отец привозил его к этому озеру, осторожно снимал с лошади, опускал на землю и катал в мягкой траве. Азиз кувыркался, а отец кланялся озеру и бормотал:

— О, великое святое озеро! Я снова привез к тебе подаренного тобой малыша. Пусть он вырастет таким же, как и ты, долгожителем, пусть будет чистым, как ты!

Отец долго смотрел на озеро. А когда оно с тихим плеском выбрасывало на берег белые гребешки волн, отец подставлял сына под брызги. Потом они отправлялись назад.

Сейчас Азиз прыгал вдоль берега вместе со своим бодливым четвероногим другом, перескакивая через заросшие травой кочки, посматривая на озеро. Оно совсем не похоже на горы, камни, растения. Это какое-то другое чудо природы, прозрачное, чистое, как будто живое. И небо над головой такое же бескрайнее и голубое, как озеро...

На медленных волнах покачивались стайки уток и гусей. Подальше от берега плавно скользили по воде белые лебеди. Между небом и водой ссорились чайки. Вскрикивая, они шумно ударяли крылом о волны, потом вдруг взлетали, снова опускались и торчали из воды, как белые поплавки. Мелкие места у берега лучи солнца просвечивали до дна. Солнечные зайчики дрожали на гладкой подводной гальке. Резвились небольшие стайки рыб и мальков. Азиз подумал: «Их больше, чем овец на пастбищах. Интересно! На земле пасется скот, а в озере, оказывается, кормятся рыбы».

Уставшие после перегона овцы отдыхали на мягкой зелени луга. Родители хлопотали, готовились к приезду гостей. Полог юрты был откинут. На газовой плитке стоял казан. Шипело курдючное сало, мать жарила в нем боорсаки — мелкие комочки теста. Вспомнив о гостях, Азиз кинулся помогать ей. То блюдо поднесет, то поварешку. Мать уже вылавливала из кипящего сала румяные боорсаки.

Недалеко от юрты отец ловко перекладывал из камней старый очаг. Вскоре начали обжигать ножки, голову, грудинку заколотой по случаю тоя овцы. Пахло паленой шерстью, горящим салом и свежим мясом.

Отец сказал:

— Байбиче! У нас и вправду есть причина устроить праздник. Перезимовали хорошо, ни одна овца не погибла. Тощих и больных вывели на эти сытые луга. Смотри, как быстро они поправляются, какая у них гладкая и блестящая шерсть. Не стыдно и отпраздновать, что дожили до этого счастливого дня.

В горах рядом с семьей чабана только отара. Мать и отец почти всегда живут одни, без людей, они привыкли понимать друг друга с полуслова. И они очень уважают друг друга.

— Ты прав, Бакир. Мы вновь на главном джайлоо. Скоро увидим соседей. Как-то у них прошла зимовка?.. — Мать собиралась продолжать разговор, но заметила скачущего на иноходце доктора Смана.

Азиз, оставив поднос с готовыми боорсаками, бросился ему навстречу. Доктор спрыгнул с лошади. Через седло свешивались бурдюки с кумысом. К подкрылкам седла приторочены чем-то набитые сумки. Отец тоже поспешил к Сману.

...Солнце над джайлоо медленно перекатывается с одной поднебесной вершины на другую. Лучи рассыпаются над голубым озером и прибрежными лугами, а цветы расправляют синие, белые, розовые лепестки. Полуденное солнце вдыхает весь их аромат, без остатка. Наверное, поэтому человек лучше слышит запах цветов и трав утром и вечером.

Азиз не помнит, но ему кажется, что в такие точно прекрасные дни, шесть лет назад он родился здесь, на берегу озера. Обидно было бы родиться в другом месте...

Отец и дядя Сман сидят на мерлушковой подстилке, пьют чай из красивых пиал. Азиз подошел, без спроса вытащил из отцовского кармана большие, с его ладонь, часы. Под стеклом медленно скользит по черточкам стрелка: «Тик-тик, тик-тик...» Сколько же им еще тикать до приезда гостей? Жалко, что Азиз ничего не понимает в стрелках. Они с матерью обычно определяют время по солнцу или слушают по радиоприемнику, тогда можно не только про время узнать. Но Азиз решил, что сегодня, когда гости уедут, он обязательно узнает у отца секрет часов.

Отрывок из готовящейся к выходу книги киргизского писателя Ш. Бейшеналиева. Первый отрывок из этой книги мы опубликовали в № 7 за 1979 г.

Мальчик взял пиалу с кумысом, присел возле отца, разом осушил ее и, захватив горсть конфет, убежал.

Он прыгал на одной ножке, грыз конфеты и посматривал на дорогу. Никто не едет, никто не идет. Он кувыркнулся через голову, и вдруг широкая ладонь закрыла ему глаза, и он ткнулся затылком в чью-то грудь. Кричать? Да что он — девчонка?! Он — сын чабана!

Азиз рванулся, но не смог высвободиться из объятий. Тогда он погладил ладонь. Не отцовская, руки отца обветрены стужей, прокалены солнцем, они крупные и шершавые. А эта тонкая, мягкая.

— А-а! Узнал, узнал! Дядя доктор?!

Не снимая ладони с глаз, его подняли и быстро натянули на него какую-то одежду. Он думал, что теперь отпустят. Но другие руки приподняли его еще повыше, стащили старые штаны, а вместо них надели какие-то шуршащие, с магазинным запахом, наверное, новые.

— Ой, дядя доктор, ой, папочка, отпустите!

— Потерпи!

Отец взял Азиза за ноги, Сман — за руки и начали раскачивать, как на качелях. И тут Азиз увидел себя в новой одежде. Какой красивый, какой мягкий синий спортивный костюм! Как он приятно прилегает к телу! Азиз подумал, что теперь он стал похож и на небо и на озеро. Он качался в руках взрослых, как на волнах.

Мальчика опустили на траву. Сман пожал его маленькую руку:

— Поздравляю тебя, Азиз, с днем рождения! Будь мудрым, хорошим человеком!

Доктор говорил еще, слова были очень ласковые, теплые, и Азиз почувствовал, что у него глаза затуманились, будто хотели плакать.

Довольный, сияющий отец поправлял костюмчик на сыне.

— Это подарок доктора, малыш. Сегодня день твоего рождения. Раньше мы никогда не отмечали его, у чабанов-кочевников это не было заведено. Я каждый год только привозил тебя сюда, на место, где раздался твой первый крик, чтобы ты вдохнул запах родных трав, воздуха, воды. Теперь у тебя каждый год будет свой праздник. Ты всегда в этот день, даже когда станешь джигитом, приезжай к озеру. Посиди, подумай... Тогда ты будешь долго жить и добьешься цели.

Азизу хочется долго-долго жить, везде побывать, заботиться о родителях, одевать и кормить их... Он громко крикнул:

— Спасибо, дядя Сман, спасибо, папочка!

Тем временем на дороге показались два всадника. На пегом иноходце ехал чабан Ашым, а рядом, на гнедом стригунке, — его сын Султан, смуглолицый толстячок, чуть повыше Азиза. Между их конями вышагивал большой белый баран — любимец Султана. Гости приближались к юрте...

Перевел с киргизского Владимир **АЛЕКСАНДРОВ**

Рисунок В. Алимова.

Связь времен

О. ВАЙСБЕЙН,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР драмы имени В. Кингисеппа — один из самых интересных и наиболее популярных в Таллине. Он издавна славится сильной труппой, яркой и разнообразной режиссурой, серьезностью репертуара. Судьба театра складывалась сложно и беспокойно. Периоды расцвета чередовались с периодами творческих спадов. Но при всем этом театр сохранял и создавал свои традиции. Репертуар театра разнообразен, но строго отобран. Главное место в нем занимают пьесы масштабные, общественно значимые, с углубленным нравственным и философским содержанием.

На афише соседствуют имена Шекспира и Брехта, Чехова и Горького. Неразлучен театр с эстонским классиком А. Таммсааре. Здесь были инсценированы почти все произведения этого «эстонского Толстого», пронизанные нравственным правдоискательством и философской мудростью. Но и в спектаклях, созданных по современным пьесам, порой даже художественно несовершенным, театр стремится не изменять своей традиции — прорваться сквозь детали быта к насущным проблемам человеческого бытия, через сюжет — к жизни, через преходящее — к вечному. Разумеется, это не всегда удается...

Лучшими спектаклями театра были и остаются те, где «связь времен» не прерывается: классика наполняется живым сегодняшним смыслом, а современная пьеса тяготеет к классической глубине и общезначимости.

Мне довелось побывать на последней премьере театра имени Кингисеппа — «Гамлете» в постановке главного режиссера М. Микивера и на одной из репетиций пьесы современного венгерского драматурга К. Сакони «Телевизионные помехи», которую ставит режиссер А.-Э. Керге.

«Слова, слова, слова...»

Каждый театр, включающий в свой репертуар «Гамлета», берет на себя огромную ответственность. Самый высокий профессионализм и блеск чисто театральных решений не спасет спектакль от провала, если за этим зритель не почувствует задач более глубоких — стремления проникнуть в «бездны» и «роковые» вопросы, раздирающие шекспировского героя, сказать о них свое слово.

«Гамлет» необъятен и бездонен, и, конечно, ни один спектакль не может претендовать на исчерпывающее решение шекспировской трагедии и характера ее главного героя. Истории театра знаком Гамлет медлительный — и стремительный, борец — и философ, романтик — и скептик, уверенный в своем праве на месть — и сомневающийся в нем, стремящийся к власти — и презирающий ее... Перечень трактовок можно продолжать до бесконечности. Но ни один серьезный спектакль не может уйти от центральных вопросов пьесы: что такое человек, каковы его права и обязанности перед жизнью? Ответствен ли он за творимое в мире зло, или зло есть сила непреодолимая и тотальная, посылаемая в мир свыше как возмездие за человеческие грехи, и перед ней следует смиренно склонить голову? Можно ли вмешиваться в процессы истории и влиять на них, или же ход жизни детерминирован, следовательно, любая попытка активного действия бесплодна и даже безнравственна? Имеет ли человек моральное право на личную месть? Нужно ли платить злом за зло? Одним словом, «быть или не быть?»...

Главную роль в спектакле театра имени Кингисеппа играет Юхан Вийдинг. Его Гамлет — наибольшая удача.

Бледное нервное лицо, чья неправильность столь выразительна, что кажется красивой. Движения резки, графичны. Огромные серые глаза проницательны и холодноваты. Однако эта холодность говорит не о жестокости и равнодушии, но о скрытности и нежелании допускать посторонних в глубины своего внутреннего мира. Актер не торопится наделить своего героя тем безусловным обаянием, которое мы традиционно связываем с образом Гамлета. Гамлет Вийдинга поначалу заставляет зрителя присматриваться к себе с отстраненным любопытством. Сдержанная, чуть суховатая манера игры актера, скупая точность выразительных средств рассчитаны на постепенность, длительность всматривания в героя.

Юхан Вийдинг не только актер, но и один из наиболее значительных современных эстонских поэтов. Это сказывается в том, как он чувствует мелодию и ритм стиха. Но не только. Как поэт он слишком хорошо знает цену слову, чтобы педалировать его попусту, расцвечивать забавы ради. Зато любая, самая неожиданная интонация актера полна смысла, любой словесный акцент выверен и не случаен. Так неожиданно ударным оказывается в его исполнении слово, вообще отсутствующее в русских переводах пьесы. «Быть или не быть? Это е с т ь вопрос». «Даже в потоке, буре и, скажем, урагане страсти учитесь сдержанности, которая придает всему стройность»,— эти слова Гамлета, обращенные к актеру, очевидно, являются одной из заповедей самого Вийдинга.

Гамлет Юхана Вийдинга — прежде всего философ и мыслитель, обремененный непосильным грузом знания. По складу ума он напоминает философа более позднего времени, с его трезвой логикой и рационализмом мышления, скептически перепроверяющего априорную веру ренессансного человека в соответствие жизни ее божественным образам. Он не просто усомнился в разумности миропорядка — его уверенность в том, что ход жизни непоправимо разлажен, трагически определенна; слова о человеке — «венце всего живущего» — полны горькой иронии.

Да и сама жизнь в датском королевстве, какой ее увидел режиссер, не оставляет места для иллюзий и сомнений. С нее сорваны даже покровы благопристойности. Эта жизнь не управляется божественным промыслом, но и не пущена на самотек. Силы, вершащие людские судьбы, принимают в спектакле реальные формы. На каждого, кто мог бы ослушаться, со всех сторон предусмотрительно направлены алебарды (что материализовано в самом зрительном образе спектакля). А безликая серость Розенкранца и Гильденстерна оборачивается устрашающей агрессивностью неразмышляющих убийц, исполненных сознания своей исторической значимости. Именно они по первому намеку короля бесшумно уничтожают обоих актеров, осмелившихся разыграть перед королем «Мышеловку».

«Г а м л е т». Гамлет — Ю. Вийдинг. Гертруда — И. Эвер.

Гамлету Вийдинга не нужен Призрак, чтобы узнать о злодеянии: он знает обо всем заранее. Слова Призрака лишь обнаруживают это знание, не вызывая ни ужаса, ни даже удивления. Призрак в спектакле Микивера лишен черт потусторонности. Он предстает вполне земным человеком, таким, каким остался в памяти сына: ходит по дворцу с фонарем (где это видано, чтобы привидению был нужен свет?!), снимает шлем, вытирает пот со лба. Призрак, появляющийся на сцене в ключевые моменты действия, — не сверхъестественная сила, направляющая мысли и поступки героя, но больная совесть Гамлета, тот высший нравственный суд, которым он сам себя судит.

...Итак, «быть или не быть? Это е с т ь вопрос», — утверждает Гамлет Вийдинга, подчеркивая реальность существования этого вопроса в самой жизни, его насущность. В разговоре после спектакля актер произнес парадоксальную фразу: «Вопрос «быть или не быть?» слишком категоричен для меня в том виде, как его обычно ставят, в нем не содержится третьей возможности. Я пытаюсь, играя Гамлета, на эту третью возможность в какой-то мере указывать, намекать, ссылаться...» Гамлет Вийдинга действительно выбирает третье: к а з а т ь с я. Не в смысле лицемерия и притворства (хотя он примеряет и эти маски, так же как маски сумасшедшего и шута), а в смысле ухода в иную сферу, где он неуязвим,— в сферу м ы с л и. Не в конкретном действии, а в размышлении о смысле мироздания, способах борьбы со злом и путях к истине он обретает и энергию, и страсть, и вдохнове-

ние. Эта «кажущаяся» жизнь, жизнь разума становится для Гамлета жизнью подлинной, временным укрытием и спасением в схватке «с целым морем бед». Но только временным. Потому что реальная жизнь требует действия, а герой Вйдинга слишком умудрен и антиромантичен, чтобы уповать на способность высших сил улаживать земные дела.

Вийдинг рассказал, что в работе над ролью ему очень помог совет одного из поэтов: представить Гамлета пишущим книгу, которая есть его мемуары-исповедь. Нельзя сказать, что такое решение прочитывается в спектакле буквально. Скорее, это не трактовка, а рабочее приспособление, помогающее актеру точно организовать поведение своего героя на сцене, наполнить его единым сквозным смыслом. Ему удается самое трудное: показать непрерывность мысли, не впадая в ложную многозначительность, медлительность, скуку, оставаясь быстрым, конкретным и неожиданным в каждый момент действия.

Убийство Клавдия никому не приносит облегчения. Царствие Фортинбраса, каким он изображен в спектакле, вряд ли будет более светлым. Катарсис спектакля в другом — в эстафете мысли, которая переходит от Гамлета к Горацио, в тех самых «словах», которые Горацио поведает миру и которые, возможно, помогут другим...

Поражение Кристоса Эмберфи

Основной сюжет пьесы «Телевизионные помехи» можно передать одной фразой: семейство Бодоги собирается вечером дома и смотрит телевизор... Впрочем, в этой семье, как и всюду, свои проблемы. Надломленная дочь супругов Ванда, пережившая неудачное замужество и развод, страдает от неустроенности и одиночества. Странно ведет себя младший сын Имруш, пропадающий вне дома, взбудораженный какими-то идеями. Однако все это видим мы, зрители, — Бодоги не видят ничего, кроме происходящего на телевизионном экране. Они не замечают даже того, что волею судеб, точнее — иронической авторской мысли, их квартирантом оказывается некто, носящий странное имя Кристос Эмберфи, (что в переводе с венгерского означает «сын человеческий») и имеющий двенадцать учеников. Да, да, в семье Бодоги поселяется сам Иисус Христос. Но Бодоги не узнают пришельца, несмотря на совершенные на их глазах чудеса — превращение воды в вино и исцеление парализованного. Вино выпивается, а парализованный сосед, обретя способность двигаться, тут же кидается к телевизору, готовый буквально впрыгнуть в телеэкран. Все попытки гостя призвать этих равнодушных, глухих друг к другу людей к чуткости, любви и добру терпят крах. Его проповедей попросту никто не слышит — ведь по телевизору в это время показывают очередной детектив с убийством... Единственный, кто задыхается в душной атмосфере мещанского рая, — это Имруш. Поражение Христа не только рушит в нем последнюю надежду на возрождение своей семьи к духовной и осмысленной жизни, но и лишает веры в самого «спасителя». (В контексте пьесы это слово может звучать лишь в кавычках.) В отчаянии он уходит из дома.

А.-Э. Керге на репетиции пьесы «Телевизионные помехи».

Впрочем, Бодоги не замечают и этого...

В пьесе много остроумного, смешного, и, наверное, можно прочесть ее просто как безобидную комедию о непомерном увлечении телевизором. Только тогда она вряд ли появилась бы на сцене театра имени Кингисеппа. Постановщик спектакля Аго-Эндрик Керге избрал иной путь. В беседе после репетиции он рассказал:

— В пьесе Саконн в легкую комедийную форму заключены чрезвычайно серьезные проблемы. Пьеса смешная и в то же время очень грустная. Хотелось бы сделать фарсовый, гротесковый спектакль. На самом деле проблема, конечно, не в телевизоре. Смысл пьесы гораздо шире. Речь идет о современной, новейшей разновидности мещанства. У этих людей есть все, они могли бы жить полноценной, интересной жизнью. Но их губит страшная болезнь — страсть к потреблению. Телевизор для них — не средство извлечения духовной и интеллектуальной информации о мире, а такой же объект потребления, как суп или новый костюм. Пища, поданная в готовом виде, даже пережеванная, — они только глотают. Эти люди не видят за рамками телеэкрана широкого и просторного мира, у них нет с ним точек соприкосновения. Их души закрыты для общения и взаимопонимания. Тема человека, сводящего свою жизнь к потреблению, и волнует меня в пьесе.

— Зачем, по-вашему, понадобился Христос? Вроде бы, драматург совсем не склонен к мистике...

— Конечно, нет! Появление Христа — просто условный прием, помогающий автору подчеркнуть свою мысль. Христос пытается принести новые идеи, указать на более высокие цели бытия. Но беда в том, что этим людям не нужны никакие идеи, им не нужно даже чуда. Они просто не замечают ни того, ни другого. Здесь трагедия не Христа, а гибели новых идей, тонущих в мещанском болоте.

— То есть Христос для вас не конкретный реалистический персонаж, а символ? Символ чего? Определенной системы духовных ценностей?

— Да, но для меня существенно то, что эти люди не в состоянии почувствовать эти идеи, воспринять и дать отпор им или поддержать. Поэтому Христос — символ заглохнувших идей.

— Мне кажется, что Христос в пьесе и сам уже мало верит в возможность изменить мир с помощью проповедей. Под конец он и чудеса-то делает с трудом. Этакий усталый, отчаявшийся проповедник, произносящий свои проповеди больше по инерции, формально как-то...

— В том-то и дело, что в нем самом и в его проповедях уже нет силы и остроты, способной изменить жизнь этих людей. Тут нужны другие пути. Но это уже за пределами пьесы.

— А какие профессиональные задачи вы ставите перед актером, репетирующим эту роль? Это должен быть реалистический характер или чисто условный, «знаковый» персонаж? С кем он должен ассоциироваться у зрителей? Например, я читала, что в одном спектакле герой напоминал современного хиппи.

— Нет, я думаю, что это должен быть самый настоящий, «реалистический» Христос. И чтобы публика воспринимала его именно так. Его реалистичность еще больше подчеркнет его несостоятельность. Тогда вся ситуация пьесы будет, с одной стороны, более абсурдной, с другой — более драматичной.

— Итак, Кристос Эмберфи терпит полный провал. Ну а Имруш? Ведь он единственный в пьесе, кто во что-то верит, к чему-то стремится.

— Пока! Пока верит. Имруш еще очень молодой человек. Он, наверное, только кончил школу и поступил в университет. И еще неизвестно, к чему он придет в будущем, — не возвратится ли он завтра к этому столу, в эту комнату, где его кормят и одевают. Это бунт момента. Нередко вчерашние «левые» становятся мирными обывателями и к политическим событиям приобщаются с помощью того же телевизора... Многое, конечно, будет зависеть от исполнителя данной роли. Но я сомневаюсь, что в Имруше можно видеть выход. Не хочется давать зрителю слишком легкого решения проблемы, подсказывать выход. Мне гораздо важнее остро поставить вопрос. Заставить смеяться, негодовать, ну и думать, конечно.

Две встречи с театром Кингисеппа... Классическая трагедия и современная комедия. Две работы, одна из которых еще только начата, — как бы два полюса сегодняшней жизни театра. Они принадлежат разным режиссерам, ставят перед собой разные общественные и художественные задачи. Казалось, было бы странным искать точку пересечения между постановками великой трагедии Шекспира и комедии Сакони. И все же мне представляется, что в какой-то самой дальней перспективе она есть, это точка схода. Не в содержании спектаклей, разумеется, но в самом принципе подхода театра к материалу, в его идейно-эстетической позиции. На разном драматургическом материале, различными художественными способами театр говорит о важности высоких жизненных целей; об обязательствах человека перед миром и его ответственности за происходящее вокруг; об эффективности живой мысли, основанной на индивидуальном и историческом опыте, и о бесплодности отвлеченных идей. Говорит о необходимости самостоятельно творить жизнь вокруг себя и в себе самом при помощи личного усилия воли, ума и души, не полагаясь на помощь чудодейственных высших сил и обстоятельств.

Ю. ЛЕБЕДЕВ

ГОЛОС В ВЕЛИКОМ ХОРЕ

В. М. Кустодиев. Автопортрет. 1911 г.

СТЕСНЕННОСТЬ в средствах не позволила Борису Михайловичу Кустодиеву получить классическое образование. В 1887 году он начинает учиться в Астраханском духовном училище, после окончания которого поступает в духовную семинарию. Учится без энтузиазма, но хорошо, и уже реально вырисовывается духовная карьера. Но... Как позднее говорил сам Борис Михайлович, он не допускает даже мысли о том, чтобы человек, окончивший семинарию, мог бы продолжать верить в бога и без улыбки читал бы Евангелие. И, следуя выношенному в душе желанию — оно возникло после восторженного потрясения прибывшей в Астрахань выставкой передвижников, — Кустодиев оставляет семинарию и поступает в Высшее художественное училище при Академии художеств.

Годы учебы в Петербурге под руководством И. Е. Репина — это не только первые успехи в живописи (столь значительные, что учитель приглашает Кустодиева для совместной работы над огромной картиной «Заседание Государственного совета»), это еще и годы молодости, студенческого оптимизма. Первый гонорар, полученный в качестве премии на выставке, кажется чуть ли не состоянием. «Теперь богат, — пишет он матери. — Дело в том, что я как экспонент (!!!) Репинской выставки получил целых... 16 рублей (бумажками)... и я решил на них показать (кому?) где раки зимуют, то есть загулять. О, не подумайте, что «загуляю» — нет, на них в «киятер» пойду, штаны куплю и холста. Здорово?»

Но вот позади учеба в Академии (оконченной с золотой медалью). Жизнь наполнена до краев. Счастливый брак, рождение сына и дочери, «пенсионерство» за границей — Париж, Мадрид, Севилья, Кордова, и в России — Кинешма, Кострома, волжская Русь, участие в выставках. И поиски, поиски себя, своего места, своего голоса в великом хоре русского искусства. «Писать картину можно только тогда, когда есть желание, а главное, когда она сама просится, а не выискиваешь ее и не выдумываешь. Так сильно действует только свободное искусство!»

В это время в общественной жизни страны происходят великие и трагические события. 1905 год. Первая русская революция. В такие переломные эпохи честный, любящий свой народ человек не может остаться равнодушным, «воспарить над схваткой».

О позиции художника однозначно свидетельствует его творчество. Всю жизнь Кустодиев разрабатывал одну большую тему: «Русь. Русские типы». Но в разные отрезки времени она представала в его картинах по-разному, и в 1905—1906 годах в портретной галерее художника появляется серия убийственных шаржей «Олимп», опубликованная в сатирическом журнале «Адская почта» (№ 2—3 за 1906 г.): К. П. Победоносцев, В. Н. Коковцев, Ф. В. Дубасов, И. Л. Горемыкин, граф Н. П. Игнатьев — настоящий паноптикум царских чиновников!

Вот бывший обер-прокурор синода Победоносцев, изображенный в парадном мундире, с молитвенно сложенными руками, со скорбно-фальшивым выражением на сухом, бескровном лице. Победоносцев заявлял, что конституция «есть орудие всякой неправды, источник всяких интриг». Кстати, он же, глава духовного ведомства, так характеризовал состояние «веры народной», на которой, как считалось, держится самодержавие: «Какое таинство — религиозная жизнь народа... Спрашиваешь себя: откуда вытекает она? — И когда пытаешься дойти до источника — ничего не находишь».

А Коковцев, член Государственного совета и будущий премьер-министр, презрительно глядящий с кустодиевского шаржа, был известен фразой: «Слава богу, у нас нет парламента!»

Чрезвычайно выразителен портрет Дубасова, генерал-адмирала, руководителя «декабрьского усмирения» — кровавой бойни в Москве: маленькая головка на необъятных плечах с огромными эполетами, многочисленными наградами на груди. А фон портрета — кровавый, всецело занимающий зрительное поле. Далее — хитрец Горемыкин с маслеными глазками, свиноподобный граф Игнатьев...

В каждом из шаржей серии «Олимп» (Олимп душителей русской революции) с предельной точностью выражена сущность изображенного чиновника и отношение к нему художника.

Последующие годы принесли Кустодиеву суровые испытания, но и высшие достижения в искусстве. В 1907 году умирает младший сын, а вскоре начинается и многолетняя болезнь самого художника. В 1916 году он окончательно потерял возможность самостоятельно передвигаться. Многочисленные курсы лечения, порой мучительные, не дают результатов. И меньшие несчастья могут сломить человека. Но Кустодиев не только не сдается, не прекращает работу, все более совершенствуя свое мастерство, но и не теряет жизнелюбия: «Просто вот рад тому, что живу, вижу голубое небо и горы...»

В 1917 году, когда к мукам болезни прибавляются все неудобства расстроенного быта, художник подтверждает сделанный им выбор — при всех политических штормах оставаться верным своему народу, служить ему своим искусством. Он создает панно, украшающие площади революционного Петрограда. В 1920 году пишет своего знаменитого «Большевика» — символическую фигуру рабочего с развевающимся красным знаменем.

Работа стала для него смыслом жизни и лучшим лекарством. Как вспоминает В. Воинов, его первый биограф, почти ежедневно бывавший в доме Кустодиевых, «его никуда не тянет, хочется работать целыми днями, без отдыха...». Дом Кустодиевых постоянно полон — друзья, посетители, студенты. Люди приходят не из сочувствия к обездоленному художнику, а по делам, да и просто для того, чтобы окунуться в творческую атмосферу кустодиевского дома.

С помощью родных и близких Борис Михайлович даже совершает путешествия. Так, в 1926 году, увлеченный рассказами Е. Замятина, едет в Лебедянь, провинциальный городок на Тамбовщине. И какие свежие, гармоничные работы привозит оттуда!

Тема работ Кустодиева и в это время остается неизменной — русский тип, русский характер, но решается она по-

новому. Теперь художник решает одну из труднейших задач — воссоздать для истории Русь уходящую.

Вершиной этой работы стала серия из 23 акварелей «Русь», выпущенная в 1923 году издательством «Аквилон» со вступительным словом Е. Замятина, которое очень нравилось Борису Михайловичу. Замятин рассказывает в нем о жизни «города Кустодиева»:

«Не Петровским аршином отмеренные проспекты — нет: то Петербург, Россия. А тут Русь, узкие улички, — вверх да вниз, чтобы было где зимой ребятам с гиком кататься на ледяшках, — переулки, тупики, палисадники, заборы, заборы. Замоскворечье с стариннымм, из дуба резными названиями: с Зацепой, Ордынкою, Балчугом, Шаболовкой, Бабьегородом...»

Вот несколько жителей этого города. Прежде всего отметим купца — «этого, — как сказал К. Федин, — примечательнейшего существа, в такой мгновенный исторический срок образовавшего жестокую и хлипкую формацию русского капитализма. Обладатель множества не изученных психологом черт, противоречащих одна другой, вызывающих ужас и ненависть, страх и отвращение, любовь и смех, — кулак-миллионер, зиждитель храмов, циник, беспутник, хитрец, умница, выжиматель пота из ближнего и дальнего, ханжа, изобретатель, организатор, ловкач, кутила, меценат, смиренник, хам, блюститель престола, покровитель наук, хоругвеносец черной сотни, укрыватель революционеров, церковный ктитор, эстет, постоянный гость «Ямы» и — боже мой! — в каких еще видах и званиях не выступает властелин века...» Попробуйте гармонизировать столь пестрый набор качеств! Но у Кустодиева именно такой купец, и ни одна из черт его характера не забыта, ни одна не выпадает из гармоничного облика.

Рядом с ним — купчиха. Это особый образ. Особый даже в таком ярком, богатом на характеры «городе», как «Кустодиев». Над всеми извозчиками и трактирщиками, офенями, половыми, нищими — «красавица, настоящая красавица русская, не какая-нибудь там питерская вертунья — оса, а — как Волга: вальяжная, медленная, широкая, полногрудая и как на Волге: свернешь от стрежня к берегу, в тень — и, глядь, омут...» И снова поражаешься мастерству художника, сумевшего столь глубоко и полно в одном образе слить и идеал народной красоты, и «омуты», о глубине которых мы знаем от Островского, Лескова, Горького.

А вот фигура священника, которому во французском переводе (название акварелям даны на двух языках) присвоено гораздо более подходящее наименование — un pope (поп). Именно русский поп — фигура столь типичная и колоритная, что мимо нее не прошел в своем творчестве ни один крупный писатель — от Пушкина до Льва Толстого. Кустодиевский попо — представитель «рядового состава» той армии, генералом которой был Победоносцев.

А вместе с ними — купцами, купчихами, попами — «город Кустодиев» населяет множество других выходцев из самых различных слоев населения России.

И вся эта пестрая толпа написана ярко, красочно, с совершенно неповторимой кустодиевской интонацией. Кустодиев понимал толк в простонародном вкусе, его понятиях о прекрасном. Художник любовался щедростью красок, добротностью одежд, изобилием предметов, пышностью красавиц и чуть посмеивался над немудреными атрибутами этой «хорошей жизни». В этом соединении восхищения и иронии — пленительное своеобразие кустодиевских полотен.

Кустодиев — художник очень разностороннего дарования. Он с увлечением работал в театре, иллюстрировал книги, делал литографии и линогравюры. Неустанное внимание к окружающей действительности, участие в ней всегда было ему присуще. Кустодиев создал эскиз знаменитой буденовки, рисовал политические плакаты, работал над декоративными панно. Он писал своих современников, в наследии художника портреты Петра Капицы, Николая Семенова — будущих известных ученых, прекрасный портрет Ф. И. Шаляпина.

В конце жизни Борис Михайлович писал: «Не знаю, удалось ли мне сделать и выразить в моих вещах то, что я хотел, — любовь к жизни, радость и бодрость, любовь к своему «русскому»...» Собственно говоря, здесь художник как нельзя более точно обозначил и смысл своего творчества, и те стимулы существования, благодаря которым он не только выжил в тяжелой болезни, но и сумел прожить творческую и достойную жизнь.

Последняя картина Кустодиева — «Русская Венера». Его лебединая песнь посвящена все той же полной, простой, сильной русской женщине, которая всегда для него была олицетворением неиссякаемой жизненности и пленительной красоты, гимн которым — все творчество художника.

Победоносцев. Из журнала «Адская почта», 1906.

Коковцев. «Адская почта», 1906.

Граф Игнатьев. «Адская почта», 1906.

Рисунки Б. Кустодиева.

Пастор ущелья Джекмана

Артур КОНАН-ДОЙЛЬ

Рисунок Г. Алимова

В УЩЕЛЬЕ его называли преподобным. Всем, однако, было известно, что это не является результатом каких-либо законных притязаний Хопкинса на титул, а своего рода почетное звание, которое он заслужил у обитателей Ущелья благодаря своим изрядным достоинствам. За ним закрепилось и другое прозвище — «пастор» — весьма отличительное для человека, живущего на континенте, где паства разбросана по разным углам, а пастырей считанные единицы.

Надо отдать преподобному Элайесу Б. Хопкинсу справедливость — он никогда не утверждал, будто имеет духовное образование или какую-либо иную подготовку, позволяющую ему исполнять функции священника.

— Каждый из нас старается на участке, отведенном ему господом нашим, — однажды заметил он, — а работаем ли мы по найму или же пляшем под свою собственную дудку — это не имеет ровно никакого значения.

Грубая образность этого высказывания была очень созвучна инстинктам обитателей Ущелья Джекмана.

Не подлежит никакому сомнению тот факт, что в первые же месяцы его пребывания в Ущелье среди нас резко снизилось характерное для этого маленького поселка употребление крепких напитков и еще более крепких эпитетов. Под его руководством старатели начали понимать, что возможности их родного языка менее ограничены, чем они предполагали, и точность выражения мыслей нисколько не пострадает, если не прибегать к помощи витиеватых богохульств.

В начале 1853 года мы, обитатели Ущелья, сами того не подозревая, весьма остро нуждались в воспитателе, способном наставить нас на путь истинный. Вся колония тогда переживала период расцвета, и материальное процветание дурно отразилось на общественной морали.

Поселок наш был невелик, он располагался в ста двадцати с лишним милях к северу от Балларата в извилистом ущелье, по которому протекает горный поток, впадающий в реку Эрроусмит. Предание не донесло до нас никаких сведений о Джекмане, чьим именем был назван этот поселок. В период, о котором я рассказываю, население Ущелья состояло примерно из сотни взрослых мужчин. Многие из них нашли здесь убежище после того, как климат более цивилизованных населенных пунктов оказался слишком неблагоприятным для их пребывания там. Это был грубый, жестокий сброд, лишь слегка разбавленный немногочисленными достойными гражданами.

Общение Ущелья Джекмана с внешним миром нельзя было назвать простым и надежным. В лесу, простирающемся между нашим поселком и Балларатом, хозяйничал с небольшой шайкой головорезов, таких же отпетых, как он сам, грозный разбойник по кличке Носатый Джим, так что путешествие в Балларат было отнюдь не безопасным предприятием. Добытые обитателями Ущелья самородки и золотой песок принято было хранить на особом складе. Доля каждого старателя находилась в отдельной сумке, на которой значилось имя владельца. Обязанности хранителя этого примитивного банка были поручены доверенному человеку по фамилии Уобэрн. Когда на складе скапливалось значительное количество золота, все богатство грузилось в специально нанятый фургон и препровождалось в Балларат под охраной полиции и определенного числа старателей, которые по очереди выполняли указанную повинность. Из Балларата золото регулярно отправлялось в Мельбурн. Хотя до отправки очередного фургона золото задерживалось в Ущелье порой месяцами, долго вынашиваемые планы Носатого Джима были мало осуществимы, поскольку группа, сопровождавшая фургон, была слишком многочисленна и не по зубам его банде. В период, к которому относится настоящее повествование, Носатому Джиму, по всей вероятности, ничего не оставалось, как, плюнув на все, покинуть район своего разбойничьего промысла.

Днем в поселке царил относительный порядок, поскольку большинство обитателей ломами и кайлами крушили кварцевые пласты или на берегу ручья промывали в лотках глину с песком. Но с приближением заката старательски участки понемногу пустели, а их нечесанные, забрызганные глинистой жижей владельцы нетороплив брели в лагерь, готовые бог весть на какие проделки. Первый свой визит они наносили на склад Уобэрна, где сдавали дневную добычу, точная величина которой записывалась, как полагается, в амбарную книгу, причем каждый старатель оставлял себе некоторое количество золота на покрытие вечерних расходов. Сделав дело, старатели, позабыв об удерже, принимались тратить оставшееся на руках золото.

Притягательным центром вечерней жизни поселка являлась грубая стойка из досок, положенных на две большие бочки. Это сооружение громко величалось питейным баром «Британия». Дородный бармен Нэт Адамс отпускал здесь дрянное виски по два шиллинга за кружечку или одной гинее за бутылку, а его брат Бен выступал в роли крупье в убогой пивнушке, примыкавшей к бару и преобразованной в игорный дом, который каждый вечер бывал переполнен.

Прежде у Адамсов был еще один, третий брат, но досадное недоразумение с одним из посетителей безвременно оборвало его жизнь.

— Он был чересчур вежлив, чтобы еще пожить, — прочувствованно заметил его брат Натаниэл на похоронах. — Сколько раз я говорил ему: «Уж коли ты собрался спорить с незнакомым посетителем об оплате за пинту пива, сперва вытаскивай оружие, а после начинай спорить и, если увидишь, что он готов пустить в ход свой револьвер, обязательно стреляй первым».

Благородная деликатность покойного оказалась убыточной для фирмы братьев Адамсов, которая, испытывая после смерти Билла острую нехватку рабочих рук, вынуждена была взять к себе в компаньоны постороннего.

Нэт Адамс был владельцем придорожной пивнушки в Ущелье еще до того, как там нашли золото, и мог на этом основании претендовать на звание старейшего обитателя поселка. Содержатели придорожных пивнушек — весьма своеобразная порода людей. Поэтому будет интересно, пусть даже ценой отступления от непосредственной темы рассказа, проследить, каким образом они умудрялись сколотить значительный капитал в сельской местности, где посетители пивных крайне малочисленны.

Обитатели буша, иными словами, погонщики волов, пастухи и другие белые работники на овечьих пастбищах в Австралии обычно подписывают контракт, по которому соглашаются работать на хозяина в течение года, а то и двух или трех лет за столько-то фунтов стерлингов в год и определенный харч. Спиртные напитки никогда не оговариваются в таких соглашениях, и работники в течение всего срока найма волей-неволей соблюдают обет трезвости. Деньги им выплачиваются по окончании найма.

Наступает день выплаты заработка. Джимми, рабочий на скотоводческой ферме, входит, ссутулившись, в хозяйственную контору, держа в руке шляпу из листьев веерной пальмы.

— Доброе утро, хозяин, — говорит Джимми. — Вот мое времечко, вроде бы, и вышло. Я, пожалуй, получу с вас чек да съезжу в город.

— Потом вернешься, Джимми?

— Конечно, вернусь. Может, через три недели, может, через месяц. Надо прикупить кое-какую одежонку, да и проклятые сапоги вовсе развалились.

— Сколько, Джимми? — спрашивает хозяин, взяв перо.

— Шестьдесят фунтов — зарплата, — раздумчиво отвечает Джимми, — и помните, хозяин, когда пятнистый бык вырвался из загона, вы пообещали мне два фунта; еще один фунт — за купание овец. И еще один фунт я заработал,

когда овцы Миллара смешались с нашими. — Джимми продолжает говорить еще некоторое время; обитатели буша редко умеют писать, но память у них отменная.

Хозяин выписывает и вручает чек.

— Не налегай на выпивку, Джимми, — напутственно советует он.

— Не беспокойтесь, хозяин, — Джимми прячет чек в кожаный кисет и не проходит часа, как он уже не спеша едет на длинноногой своей лошади по дороге в город, до которого сто с лишним миль.

В течение дня ему предстоит миновать шесть или восемь упомянутых выше придорожных пивных, а по опыту он знает, что нарушать длительное воздержание от спиртного нельзя ни в коем случае, поскольку выпивка, от которой он основательно отвык, незамедлительно окажет сокрушающее воздействие на его мозг. Джимми рассудительно качает головой, решая, что ни за какие коврижки не возьмет в рот ни капли спиртного, покуда не покончит со всеми делами в городе. Единственный для него способ на деле осуществить свое решение — это избегать соблазна. Зная, что в полумиле стоит первая из упомянутых пивнушек, Джимми пускает лошадь по лесной тропке, обходящей опасное место.

Преисполненный решимости соблюсти данный себе обет, едет он по узкой тропке, и уже мысленно поздравляет себя с избавлением от опасности, как вдруг замечает загорелого чернобородого мужчину, лениво прислонившегося к дереву возле тропки. Это не кто иной, как содержатель пивнушки, издали заметивший его обходной маневр и успевший напрямик через заросли выйти к тропе, чтобы перехватить его.

— Здорово, Джимми! — кричит он поравнявшемуся с ним путнику.

— Здорово, приятель, здорово!

— Далеко ли путь держишь?

— В город, — отвечает Джимми.

— Неужто? Ну что ж, пожелаю тебе повеселиться там как следует. Не зайдешь ли ко мне пропустить стаканчик за удачу?

— Нет, — говорит Джимми. — Я не хочу.

— Всего один стаканчик.

— Говорят тебе, не хочу, — сердито огрызается пастух.

— Ну, ну, чего сердишься! Мне в общем-то все равно, хочешь ты выпить или не хочешь. Будь здоров.

— Будь здоров, — прощается Джимми, но не успевает проехать и двадцати шагов, как слышит оклик кабатчика, который просит его остановиться.

— Слушай, Джимми, — говорит кабатчик, снова настигая его. — Буду тебе премного обязан, если ты выполнишь в городе одну мою просьбу.

— Что тебе нужно?

— Я хочу, Джимми, отправить письмо. Это очень важное письмо, поэтому я не могу доверить его первому встречному. Тебя я знаю, и если ты возьмешься доставить его, у меня с души просто камень свалится.

— Давай письмо, — лаконично говорит Джимми.

— Оно у меня не при себе, осталось в хижине. Пойдем со мной. Это совсем близко, и четверти мили не будет.

Джимми неохотно соглашается. Когда они доходят до хижины-развалюхи, кабатчик приглашает пастуха спешиться и зайти в дом.

— Давай сюда письмо, — торопит Джимми.

— Понимаешь, оно еще не совсем дописано, но я его мигом закончу, а ты присядь на минуточку. — И вот пастух уже заманен в пивную.

Наконец письмо готово и вручено.

— А теперь, Джимми, — говорит кабатчик, — прими на посошок один стаканчик за мой счет.

— Ни единой капли,— говорит Джимми.

— Ах вот как! — тон у кабатчика оскорбленный. — Ты чертовски гордый и не желаешь пить с парнем, наподобие меня. В таком случае давай мое письмо назад. Будь я трижды проклят, если приму одолжение от человека, который брезгует выпить со мной!

— Ладно уж, не серчай, — говорит Джимми. — Так уж и быть, налей по стаканчику, и я поехал.

Кабатчик вручает пастуху жестяную кружку, до половины налитую неразбавленным ромом. Как только Джимми ощущает знакомый запах, к нему возвращается желание выпить, и он единым глотком осушает кружку. В глазах его появляется блеск, на щеках — румянец. Кабатчик пристально смотрит на него.

— Теперь можешь ехать, Джим, — говорит он.

— Спокойно, приятель, спокойно, — отвечает пастух. — Я ничуть не хуже тебя. Раз уж ты угощаешь, могу и я угостить. — Кружка снова наполняется, и глаза у Джимми начинают блестеть еще ярче.

— Ну а теперь, Джимми, по последней за благополучие сего дома, — говорит кабатчик, — и тебе пора ехать. — Пастух в третий раз прикладывается к кружке, и с этим третьим глотком улетучивается вся его настороженность и все благие намерения.

— Слушай, — говорит он несколько осипшим голосом, доставая чек из кисета, — бери вот это, приятель. Будешь приглашать всех, кто появится на дороге выпить за мое здоровье кто чего сколько пожелает. Когда все будет истрачено, скажешь мне.

И Джимми, покончив с самой мыслью добраться когда-либо до города, в течение трех-четырех недель валяется в пивнушке, пребывая в состоянии глубокого опьянения и доводя до аналогичной кондиции всякого путника, которому случается оказаться в этих местах. В одно прекрасное утро кабатчик говорит ему:

— Монета кончилась, Джимми. пора бы тебе снова отправляться на заработки, — после чего Джимми для протрезвления обливается водой, вешает за спину одеяло с котелком, садится на лошадь и отправляется на пастбище, где его ждет очередной год трезвости, оканчивающийся месяцем беспробудного пьянства.

Все это, хотя и типично для беззаботного образа жизни обитателей Австралии, не имеет прямого отношения к Ущелью Джекмана. Поэтому мы должны возвратиться к нашей идиллии. Население Ущелья очень редко пополнялось за счет притока со стороны. Искатели счастья, прибывшие в период, о котором повествует мой рассказ, оказывались, пожалуй, еще более свирепыми и грубыми, чем старожилы. Особым буйством отличались Филлипс и Мол — двое головорезов, в один прекрасный день приехавшие сюда и застолбившие участок на другом берегу ручья. Злобностью и виртуозностью богохульств, грубостью речи и поведения, своим дерзким пренебрежением буквально ко всем нормам общественного поведения они перещеголяли прежних обитателей Ущелья. Филлипс и Мол утверждали, будто жили до этого в Бендиго, и некоторым из нас приходила в голову мысль о том, что было бы, пожалуй, не худо, если бы Носатый Джим снова появился в этих краях и закрыл бы в Ущелье дорогу таким новоселам.

После их прибытия атмосфера еженощных сборищ в баре «Британия» и в примыкающем к нему с тыла игорном притоне стала еще более разгульной, чем прежде. Буйные ссоры, нередко заканчивающиеся кровавыми потасовками, превратились в обычное явление. Наиболее миролюбиво настроенные завсегдатаи бара начали всерьез поговаривать о том, что неплохо было бы линчевать этих двух пришельцев, зачинщиков нарушений порядка.

Такова была плачевная обстановка в лагере, когда в нем, прихрамывая, появился наш евангелист Элайес Б. Хопкинс, запыленный, со стертыми от долгого пути ногами, с лопатой, привешенной за спиной, и Библией в кармане молескинового пиджака.

Это был столь непримечательный человек, что поначалу на его присутствие едва ли кто из нас обратил внимание. Поведения он был тихого, скромного, его лицо отличалось бледностью, а комплекция — худосочностью. Его чисто выбритый подбородок, однако, говорил о твердости, а широко раскрытые голубые глаза свидетельствовали об уме их обладателя, так что более близкое знакомство выявляло в нем человека с сильным характером. Он соорудил себе крохотную хижину и застолбил участок, расположенный поблизости от разработки, на которой обосновались прибывшие сюда раньше Филлипс и Мол. Его выбор нарушал все практические правила горного дела, он был вопиюще нелеп и сразу создал вновь прибывшему репутацию зеленого новичка. Всякое утро, расходясь по своим участкам, мы с состраданием наблюдали, как он, проявляя громадное усердие, копал и долбил землю без малейшего, как нам было хорошо известно, шанса на успех. Бывало, заметив проходящих, он останавливался на минутку, чтобы отереть ситцевым в горошек платком свое бледное лицо, громко и душевно пожелать доброго утра, после чего возобновлял работу с удвоенной энергией. Мало-помалу вошло в обычай осведомляться — отчасти сострадательно, а отчасти со снисхождением — о том, каковы его успехи в поисках золота.

— Пока не нашел его, ребята, — приветливо отвечал он, опираясь на заступ, — но коренная порода залегает уже где-то недалеко, и, надо полагать, сегодня мы наткнемся на россыпь.

День за днем он давал нам один и тот же ответ с неизменной уверенностью.

Вскорости Хопкинс начал понемногу показывать, из какого текста он слеплен. Однажды вечером в питейном баре царила необычайно разгульная атмосфера. Днем на прииске была найдена богатая жила, и удачливый старатель щедро угощал выпивкой всех без разбора, отчего три четверти населения Ущелья

пришло в состояние буйного опьянения. Пьяные бесцельно толпились или валялись возле стойки, богохульствовали, бранились, орали, плясали или от нечего делать разряжали свои револьверы в воздух. Из игорного притона слышались аналогичные звуки. Тон задавали Мол, Филлипс и их приспешники.

Внезапно среди всех этих буйств, ругательств и пьяных выкриков люди стали различать негромкий монотонный голос, который, казалось, служил фоном для всех других звуков и становился явным при каждом затишье в пьяном гвалте. Мало-помалу люди стали смолкать и прислушиваться, пока наконец гам не утих совсем и все взоры устремились в том направлении, откуда исходил поток негромких слов. Там, верхом на бочке, сидел последний новосел Ущелья Джекмана Элайес Б. Хопкинс с добродушной улыбкой на решительном лице. В руке он держал раскрытую Библию и читал вслух выбранный им наугад отрывок — из Апокалипсиса, если память мне не изменяет. Текст был абсолютно случайным и не имел ни малейшего отношения к происходящему в питейном доме, но Хопкинс с набожным видом усердно читал его, слегка покачивая левой рукой в такт.

Эта выходка была встречена общим хохотом и аплодисментами обитателей Ущелья, которые с одобрительным ропотом сгрудились вокруг бочки, полагая, что являются свидетелями какого-то замысловатого розыгрыша и вот-вот их угостят чем-нибудь наподобие пародийной проповеди или шуточного поучения.

Чтец, однако, завершив главу, безмятежно приступил к чтению другой, а покончив с ней, стал читать следующую, и бражники пришли к мнению, что шутка его несколько затянулась. Когда же Хопкинс начал новую главу, они еще больше утвердились в своем мнении. Со всех сторон хором зазвучали грозные выкрики, призывающие заткнуть чтецу глотку или сбросить его с бочки. Невзирая на эти поношения и улюлюканье, Элайес Б. Хопкинс упорно продолжал читать Апокалипсис, попрежнему сохраняя невозмутимый и довольный вид, словно поднявшийся вокруг галдеж был для него приятнее всяких аплодисментов. Вскоре о бочку громко ударился брошенный кем-то сапог, затем другой, еще один пронесся возле головы новоявленного пастора. Но тут в события вмешались наиболее благонравные старатели и встали на защиту мира и порядка. К ним, как это ни странно, присоединились упоминавшиеся выше Мол и Филлипс, которые приняли сторону щуплого чтеца священного писания.

— Хопкинс — малый что надо, — пояснил этот шаг Филлипс, своей громоздкой фигурой в красной рубахе заслонивший от толпы объект всеобщего гнева. — Он человек другого, чем мы, склада, однако не мешает нам оставаться при своих мнениях и высказывать их, сидя на бочке или где-нибудь еще, коли уж так хочется, и не гоже швыряться сапогами там, где можно обойтись словами. Если этого чудака кто-нибудь хоть пальцем тронет, будет иметь дело со мной и с Биллом.

Ораторское искусство Филлипса подавило наиболее активные признаки неудовольствия толпы, и сторонники беспорядка попытались было возобновить прерванную попойку, игнорируя изливаемый на них поток священного писания, однако их попытка оказалась безнадежной. Те из бражников, что были пьянее всех, уснули под монотонное бормотание, другие, бросая мрачные взгляды на чтеца, продолжавшего как ни в чем не бывало сидеть на бочке, решили разойтись по своим хижинам. Очутившись наедине с наиболее спокойными представителями публики, Хопкинс встал, закрыл книгу, педантично отметив карандашом то место, где он остановился, и слез с бочки.

— Завтра вечером, ребята, — тихим голосом объявил он, — я возобновлю чтение главы пятнадцатой Апокалипсиса, —и, не обращая внимания на наши поздравления, удалился с видом человека, исполнившего свой священный долг.

Обнаружилось, что слова его не были пустой угрозой. На следующий вечер, едва только в питейном баре начала собираться толпа, он снова оказался на бочке и с прежней решительностью принялся монотонно читать Библию, запинаясь, проглатывая целые предложения, но, хотя и не без усилий, все же пробираясь от одной главы к следующей. Смех, угрозы, насмешки — все средства, за исключением прямого насилия, были использованы с целью остановить его, но все они оказались одинаково безуспешными. Вскорости мы заметили в его действиях определенную методу. Покуда царила тишина или разговор сохранял невинный характер, Хопкинс молчал. Стоило, однако, прозвучать одному-единственному богохульству, как чтение Библии возобновлялось примерно на четверть часа. Затем он замолкал, но при малейшей провокации в виде брани или упоминания всуе имени господа нашего он снова принимался читать. На другой вечер он читал почти без перерывов, поскольку язык, которым пользовалась его оппозиция, был все еще весьма вольным, хотя уже и не в такой степени, как накануне.

Свою кампанию Б. Хопкинс вел больше месяца. Так и сидел он каждый вечер, держа раскрытую книжку на колене, и при малейшем поводе начинал, словно музыкальная шкатулка от прикосновения к пружинке, свою работу. Его монотонное бормотание стало невыносимым, избежать его можно было, лишь согласившись соблюдать кодекс поведения, предложенный новоявленным пастором. На хронических сквернословов общество стало смотреть с осуждением, ибо наказание за их прегрешения падало на всех. В конце второй недели чтец большей частью молчал, а к концу месяца его пост превратился в синекуру.

Никогда прежде революция нравов не происходила так быстро и в такой полноте. Свои принципы наш пастор проводил и в будничную жизнь. Можно было видеть, как, услышав неосторожное слово, произнесенное в сердцах каким-нибудь старателем, пастор с Библией в руках бросался к нарушителю и, взгромоздившись на кучу красной глины, возвышающуюся над участком грешника, монотонно бубнил от первой и до последней буквы все генеалогическое древо из начала Ветхого завета, причем делалось это с таким серьезным и внушительным видом, словно указанный отрывок имел прямое отношение к данной ситуации.

Со временем ругательство стало у нас редкостью, пьянство тоже пошло на убыль. Случайные путники, попадая транзитом в Ущелье, диву давались: откуда то благочестие, в котором мы пребывали? Слухи об этом доходили до самого Балларата, порождая там различные кривотолки.

Некоторые черты, присущие Хопкинсу, как нельзя более способствовали успеху работы, которую он возложил на себя. Человек абсолютно безгрешный не смог бы обрести необходимой для такой работы общей почвы с окружающими и завоевать симпатии своей паствы. Узнав Элайеса Б. Хопкинса поближе, мы обнаружили, что, несмотря на его благочестие, в нем нет-нет, да и проглянет закваска старого грешника, из чего следовало, что в прошлом пути нашего пастора не всегда расходились со стезей порока. Он не был трезвенником. Напротив, напитки себе он выбирал с большим знанием дела, а стаканчик опрокидывал в глотку привычным жестом. В покер он сражался мастерски, и мало кому удавалось осилить его в «покер до последних штанов». В компании с бывшими смутьянами Филлипсом и Молом он мог, бывало, играть по нескольку часов в полной гармонии, если только неудачный расклад карт не исторгал ругательства у какого-нибудь несдержанного его партнера. На первый случай на лице пастора возникала обиженная улыбка, и он обращал на виновного укоризненный взгляд. При повторном нарушении пастор брался за Библию, и на этот вечер игре приходил конец.

Мы убедились и в том, что он отлично владеет оружием. Однажды, когда мы, выйдя из бара Адамсов, практиковались в стрельбе по пустой бутылке из-под бренди, пастор взял у одного из нас револьвер и влепил пулю в самую середку бутылки с расстояния двадцати четырех шагов.

И вообще, за что бы он ни брался, почти все выходило у него так, что любо-дорого смотреть. Но только не добыча золота. Он был самый что ни на есть никудышный старатель во всей Австралии. Полотняная сумка с его фамилией, выведенной печатными буквами, являла жалкое зрелище на полке в складе Уобэрна. К ней никто не прикасался, и она была пуста, тогда как сумки других старателей ежедневно пополнялись, а многие из них обрели солидную округлость форм, и близилось время отправки золотого фургона в Балларат. По нашим подсчетам, на складе скопилось такое количество золота, сколько никогда прежде не конвоировалось за один раз из Ущелья Джекмана.

Хотя Элайес Б. Хопкинс, очевидно, посвоему тихо радовался чудесной перемене, которую он произвел в нашем лагере, его удовлетворение не было достаточно глубоким и полным. Для полноты счастья ему кое-чего не хватало, и в один прекрасный вечер он раскрыл нам свою душу.

— На наш лагерь снизошло бы, ребята, благословение господне, — сказал он, — будь у нас по воскресеньям организована хоть какая-нибудь церковная служба. Мы никак не отмечаем воскресного дня, разве что больше, чем в буд-

ни, пьем виски и играем в карты; продолжать в этаком духе — значит, искушать провидение.

— Но у нас нет священника, — возразил кто-то из толпы.

— Молчи, дурак, — заворчал на того сосед. — Разве нет у нас человека, который стоит трех священников? Да из него священные тексты выплескиваются, что глина из твоего лотка. Чего тебе еще надо?

— У нас нет церкви, — не унимался первый.

— Службу можно проводить под открытым небом, — предложил еще кто-то.

— Или на складе Уобэрна, — подхватили в толпе.

— Или в салуне Адамса.

Последнее предложение было встречено гулом одобрения, из чего следовало, что большинство склонно считать салун наиболее подходящим местом. И когда из салуна были вынесены стол и прочая мебель, он оказался достаточно просторным, чтобы вместить все население Ущелья. Бочки со спиртным хозяева составили в одном конце помещения таким образом, что получилось некое подобие кафедры проповедника.

Поначалу все эти приготовления не вызывали особого энтузиазма обитателей Ущелья. Но когда стало известно, что Элайес Б. Хопкинс после службы намеревается обратиться к публике с речью, интерес населения к предстоящему событию заметно возрос. Настоящая проповедь была для всех старателей делом необычным, а проповедь, прочитанная своим собственным пастором, казалась необычной вдвойне. Ходили слухи, что проповедь будет сдобрена примерами из местной жизни, а ее мораль — оживлена острыми выпадами в адрес определенных личностей. Люди начали опасаться, что не смогут попасть на службу, и к братьям Адамсам стали поступать многочисленные заявки с просьбой забронировать места. Лишь после убедительных разъяснений, что мест с избытком хватит на всех, лагерь угомонился и старатели принялись спокойно дожидаться предстоящей церемонии.

То, что салун был таким вместительным, оказалось очень кстати, поскольку собрание в то воскресное утро было самым большим за всю историю Ущелья Джекмана. Сначала думали, что собралось все без исключения население Ущелья, но потом выяснилось, что это не совсем так. Мол и Филлипс, оказывается, накануне отправились в горы на разведку золотоносных участков и еще не вернулись, а Уобэрн, хранитель золота, не мог оставить своего склада. Его попечению было вверено небывало большое количество драгоценного металла, и он остался на своем посту, считая, что ответственность его слишком велика, чтобы отвлекаться на пустяки.

За исключением этих трех человек все обитатели Ущелья в чистых красных рубахах и с другими приличествующими случаю дополнениями к своим туалетам степенно двигались беспорядочными группами по глинистой дорожке, ведущей к салуну.

Внутри этого помещения были наспех сколочены скамьи, а у двери стоял пастор, встречая всех добродушной улыбкой.

— Доброе утро, ребята, — приветствовал он каждую приближающуюся группу. — Заходите, заходите. Не пожалеете, что сегодня пришли сюда. Пистолеты складывайте вон в ту бочку, что у входа; заберете их потом, когда все закончится; негоже входить с оружием в мирный храм.

Его просьбе послушно подчинялись, и еще до того, как последний прихожанин зашел в салун, в бочке-хранилище образовалась небывалая коллекция холодного и огнестрельного оружия. Когда собрались все, двери салуна были закрыты и началась служба — первая и последняя в Ущелье Джекмана.

Погода была знойная, а воздух в салуне — спертый, но старатели слушали с примерным вниманием. В этой ситуации был элемент необычности, который всегда притягателен. Одни присутствовали на церковной службе впервые в жизни, другим она напоминала иную страну, иные времена. Если не считать склонности непосвященных аплодировать в конце определенных молитв в знак симпатии выраженным мыслям, ни одна из церковных конгрегаций не могла вести себя пристойнее, чем наша. Когда, однако, Элайес Б. Хопкинс, взирая на нас с высоты бочковой трибуны, начал свое обращение, в салуне послышался гул голосов заинтригованной публики.

В честь торжественного случая Хопкинс был одет с особой тщательностью. На нем были молескиновые брюки и вельветовая блуза, перехваченная кушаком из китайского шелка, в левой руке он держал шляпу из листьев веерной пальмы. Свою речь он начал тихим голосом, часто, как было замечено, поглядывая в небольшое отверстие, заменяющее окно в салуне и расположенное над головами сидящей внизу публики.

— Я наставил вас на путь истинный, — заявил он в своем обращении. — С моей помощью вы поставлены теперь в нужную колею и не выбиваетесь из нее. — После этих слов он в течение нескольких секунд очень пристально глядел в окно. — Вы познали трезвость и трудолюбие, с помощью которых всегда сможете возместить любые потери, которые только выпадут на вашу долю. Я думаю, что ни один из вас не забудет моего пребывания в этом лагере.

Он сделал паузу, и в тихом летнем воздухе прозвучали три револьверных выстрела.

— Сидите на месте, дьявол вас дери! — загремел голос нашего проповедника в то время, как возбужденная выстрелами публика поднялась было на ноги. — Кто двинется с места, тот сдохнет! Двери заперты снаружи, и вам не выбраться отсюда. Сядьте на место, тупые святоши! На место, собаки, или я стреляю!

В изумлении и страхе сели мы снова на свои места, тупо тараща глаза на нашего пастора и друг на друга. Элайес Б. Хопкинс, лицо и даже фигура которого, казалось, претерпели поразительную метаморфозу, свирепо смотрел на нас с высоты своей доминирующей позиции. На его лице играла презрительная усмешка.

— Ваша жизнь в моих руках, — заметил он.

И только тут мы увидали, что в руке он держит большой револьвер, а рукоятка второго торчит из-под кушака.

— Я вооружен, а вы нет. Тот, кто пошевелится или заговорит, тотчас умрет. Сидите смирно, и я не трону вас. Вы должны просидеть здесь час. Эх, вы,

дураки (презрительное шипение, с которым он произнес эти слова, звучало потом в наших ушах не один день), вы, верно, и не подозреваете, кто вас так облапошил? Кто несколько месяцев изображал перед вами пастора и святошу? Носатый Джим, макаки вы этакие! А Филлипс и Мол — это двое моих верных помощников. Теперь они с вашим золотом ушли далеко в горы. Эй! Прекрати! — последние слова были обращены к одному беспокойному старателю, который мгновенно присмирел под яростным взглядом разбойника и дулом его револьвера.

— Через час они будут в безопасности от любой погони, и мой вам совет — не усугублять своего положения и не преследовать нас, а не то вы можете потерять нечто большее, чем свои деньги. Моя лошадь привязана за той дверью, что позади меня. Когда придет время, я выйду через эту дверь, запру вас снаружи и уберусь восвояси. После этого можете выползать отсюда, как сможете. Больше мне нечего вам сказать, разве только, что вы — самое большое стадо ослов в сапогах.

Последующих шестидесяти долгих минут нам вполне хватило, чтобы мысленно согласиться с этим мнением о нас. Перед решительным и отчаянным разбойником мы были бессильны. Конечно, если бы мы все одновременно бросились на него, то могли бы его смять ценой жизни восьми или десяти из нас. Но как можно организовать подобный штурм, не имея возможности переговариваться? Да и кто бы решился предпринять подобное действие, не будучи уверен, что его поддержат остальные? Нам ничего не оставалось, как подчиниться.

Казалось, что прошло трижды по часу, когда наконец разбойник закрыл крышку своих часов, спустился с бочки, подошел к двери, не сводя с нас своего оружия, и быстро выскользнул из салуна. Мы услышали скрежет ржавого замка и топот копыт лошади, уносящей разбойника из Ущелья.

Я уже говорил, что в течение нескольких последних недель брань звучала в нашем лагере очень редко. За полчаса мы наверстали упущенное. Такой изысканной и прочувствованной ругани я в жизни не слыхивал. Когда наконец нам удалось снять дверь с петель, разбойников с их добычей и след простыл; нам больше не суждено было увидеть ни самих злодеев, ни нашего золота. Бедняга Уобэрн, оказавшийся верным своему долгу, лежал с простреленной головой возле опустошенного склада.

Ущелье Джекмана оправилось от этого удара. Сейчас это процветающий поселок городского типа. Однако проповедники и прочие духовные реформаторы совсем не пользуются здесь спросом, столь же непопулярны и высокие моральные качества. Говорят, недавно было проведено судебное дознание относительно одного безобидного незнакомца, который имел неосторожность заявить, что в таком большом населенном пункте неплохо бы иметь какую-нибудь церковную службу.

Следы, оставленные в памяти обитателей Ущелья Джекмана одним-единственным их пастором, слишком еще свежи, и пройдет немало долгих лет, прежде чем они изгладятся.

Перевел с английского Г. ДМИТРИЕВ

ПРЕОДОЛЕВАЯ НАСЛЕДИЕ

✦ Нередко можно услышать мнение, будто до победы революции 1 января 1959 года кубинцы были народом католическим. Однако такое утверждение не соответствует исторической действительности, как подчеркнул Фидель Кастро на встрече с представителями церквей Ямайки 20 октября 1977 года.

«В целом Куба считалась католической страной. Я не согласен с подобными взглядами, — заявил он. — Здесь одно понятие подменяется другим. Многие люди лишь были крещены католической церковью... Для сельской местности было характерно, что там люди верили в самые различные вещи. У нас на Кубе определенное распространение получила религия анимистов, многие люди верили в духов. Такого рода атмосфера была действительно широко распространенной, но не было какой-либо систематической, официальной практики какой-то определенной веры». Кстати, посещаемость церквей перед революцией была невысокая, а в годы народной власти еще более снизилась.

На Кубе имели распространение в основном три религиозных течения: католицизм, протестантизм и синкретические культы африканского происхождения. Такая конфессиональная обстановка была обусловлена тремя историческими факторами: испанской колонизацией, которую сопровождало насильственное обращение в римско-католическую веру; массовым ввозом африканских рабов и, наконец, экспансией империализма США и связанным с этим наплывом протестантских миссионеров.

Встречаются на Кубе и различные формы спиритизма (например, так называемый научный кордон, каридад, крусао) и некоторые другие относительно мелкие мистико-религиозные течения.

КАТОЛИКИ

Самой крупной религиозной организацией на острове пока остается католическая церковь — в прошлом идеологическая опора колониализма.

Римская церковь всегда противилась борьбе за независимость, начатой в 1868 году. Жесткая оппозиция духовенства всему, что угрожало интересам испанской короны на Кубе, — весьма важная причина того, что секуляризация стала одним из лозунгов борцов за независимость.

Поражение Испании положило начало полуколониальному этапу, который длился почти шесть десятилетий. Лучшие земли, сахарные плантации, все, что имело какую-то ценность, оставалось в руках империалистов США и их продажных поверенных — сменявших друг друга марионеточных режимов. Еще свежи в памяти воспоминания о том, как тогда унижали, грабили и оскорбляли наш народ, а коррупция достигала невообразимых размеров.

И что же перед лицом такого положения делала католическая церковь? Она продолжала игнорировать стремление кубинского народа к свободе и отождествляла себя с буржуазией и империализмом, как раньше — с испанской метрополией.

Поэтому нет ничего странного в том, что католицизм не имел прочных корней в народных массах. «На Кубе духовенство было преимущественно иностранного происхождения, испанским в своем большинстве, это была церковь богатых людей, — говорил Фидель Кастро на той же встрече с представителями церквей Ямайки. — Достаточно сказать, что на Кубе не было католических церквей в сельской местности... Церкви были расположены главным образом в крупных городах... В городской зоне религиозное образование осуществлялось с помощью колледжей, которые были частными, как правило дорогими, и поступить в них могли лишь представители обеспеченных классов».

Позицию католической церкви после января 1959 года можно разделить на три этапа. Первый продолжался примерно до 1964 года и характеризовался ожесточенной и систематической борьбой духовенства против революции. Это было время, когда появлялось множество антикоммунистических посланий — их зачитывали во всех церквах. В католических школах организовывались заговоры; некоторые храмы использовались как склады оружия для контрреволюционеров; католические издания дышали ненавистью к происходящему в стране; немало руководителей светских клерикальных организаций (Католические рыцари, Католическая рабочая молодежь и др.) принимали участие в заговорах, получали помощь от ЦРУ.

Ясно, что истинная причина антинародной деятельности высшего католического духовенства была связана отнюдь не с религиозными чувствами, а с теми мерами, которые осуществляла революция в интересах трудового народа, — аграрной и городской реформами, национализацией банков, тяжелой промышленности, системы образования и т. д. Ведь все эти социальные преобразования подрывали основу экономического могущества не только буржуазии, но и самой церкви как крупнейшего собственника и эксплуататора. Такая позиция католической иерархии привела к дальнейшему падению ее престижа в глазах народа.

Верующие рабочие, крестьяне и интеллигенты решительно выступили против антинародных происков высшего духовенства. В результате оно потерпело полное политическое поражение. Революция не могла позволить тогда и не позволяет сегодня, чтобы кто бы то ни было, прикрываясь религиозным флагом, нападал на ее завоевания. Однако даже в самые критические моменты этой конфронтации революция проявляла должное уважение к чувствам верующих.

Следствием политического поражения католической церкви в ее открытой борьбе с новым строем (1959—1964 гг.) явилось заметное ослабление ее влияния на Кубе, которое, кстати, как уже говорилось, и до революции было не

КОЛОНИАЛИЗМА

Херардо КОРБО

таким всеохватывающим, как в большинстве стран Латинской Америки.

В 1959 году, например, на острове насчитывалось около тысячи священников и мирских братьев, теперь же их число сократилось примерно до 230—250 человек. При этом более половины из них — иностранцы: испанцы, канадцы, несколько итальянцев. В 1959 году было 20 католических мужских монастырей и 51 женский. Осталось соответственно 14 и 13; вместо 2408 монахов сейчас насчитывается всего около 200; из 799 действовавших храмов и часовен сегодня функционирует только примерно 500. В прошлом церковь имела две семинарии, ныне существует лишь одна. Еще в первые годы после свержения Батисты орден францисканцев издавал журнал «Ла Кинсена», а иезуиты — «Латиноамерика». Ныне они перестали выходить, хотя против них не предпринималось никаких административных мер. Та же судьба постигла и католическое агентство печати — Бюро информации и пропаганды.

В руках церкви прежде находилось 329 начальных и средних школ, в которых обучались около 61 тысячи учеников, кроме того, ей принадлежал университет Вильянуэва. Но уже в первые годы народной власти в результате реформы образования все они перешли в собственность государства.

После национализации учебных заведений, городской реформы и других законов, принятых революционной властью, доходы церкви значительно сократились. Изменился за эти годы и прежде иностранный, преимущественно испанский, состав католической иерархии, в которой все посты архиепископов (2) и епископов (7) теперь занимают кубинцы. Государство продолжает поддерживать дипломатические отношения с Ватиканом на уровне послов.

Потерпев, таким образом, поражение в открытой борьбе против революционных преобразований, верхушка кубинской католической церкви примерно с 1964 года переходит на позиции нейтралитета, невмешательства в действия народной власти. Этот второй этап, продолжавшийся до 1969 года, в целом характеризуется пониманием со стороны иерархии необратимого характера кубинской революции.

И наконец, с апреля 1969 года — когда кубинский епископат обратился к пастве с посланием, в котором, хотя и в мягкой форме, выражался протест против экономической блокады острова империализмом янки, — начинается третий этап во взаимоотношениях между католической церковью и народным государством на Кубе. Отличительные черты этого этапа — уважение к революции, призыв к духовенству и верующим действовать в соответствии с новой обстановкой в стране. В этот период семинаристы начинают на добровольных началах участвовать в сельскохозяйственных работах, а члены организации католической молодежи — в защите отечества.

Партия и народ приветствовали переход католической церкви к лояльному сотрудничеству с революционными силами.

ПРОТЕСТАНТЫ

В нашей стране имеется 52 различных протестантских течения (большинство насчитывает не более нескольких десятков последователей). Их позиции в отношении нашей революции весьма различны: начиная от уважения и понимания и кончая враждебностью.

Начавшееся в конце прошлого века проникновение империализма янки в нашу страну сопровождалось приездом на Кубу приверженцев протестантских сект. Этот процесс продолжался и в период неоколониального господства. Центры большинства этих течений находятся в США.

С первых дней революции многие из них начали систематическую борьбу против народной власти. Свидетели Иеговы, баптисты, пятидесятники и другие секты стали подлинным оплотом антикоммунизма на Кубе, давали прибежище откровенным контрреволюционерам.

Точно так же, как это было с реакционным католическим духовенством, революция разоблачила подлинное обличье таких сект, прикрываемое лицемерными проповедями. Их подрывная деятельность была парализована с помощью наиболее честных и сочувствующих революции приверженцев самих этих течений. Кстати, внутренняя борьба в некоторых из них все еще продолжается.

За два десятилетия со времени победы революции во многих протестантских сектах произошли позитивные политические перемены. Они находят выражение и в уважении ее достижений и целей и даже в ее поддержке, а также в разрыве с центрами, расположенными в США. Ныне последователи большинства этих сект активно участвуют в строительстве новой жизни, в различных формах добровольного труда, в мероприятиях народной власти.

Многие из протестантских течений входят в экуменический совет Кубы, который защищает и поддерживает революционные преобразования, осуждая империализм. Аналогичную позицию этот совет занимает и на международной арене — в рамках Всемирного совета церквей (ВСЦ) и на региональных межцерковных форумах Латинской Америки.

В своих резолюциях и выступлениях экуменический совет резко осуждает апартеид, поддерживает справедливое дело народа Палестины, отвергает колониальный статус Пуэрто-Рико, выступает против антинародных режимов, клеймит преступную блокаду Острова свободы империализмом янки, приветствует и поддерживает освободительные движения в Африке, Азии и Латинской Америке, выступает против гонки вооружений.

Тем не менее кое-где в республике еще продолжают действовать осколки некоторых антиобщественных сект, не входящих в экуменический совет и продолжающих занимать антинародную, контрреволюционную позицию. В первую очередь к ним относятся свидетели Иеговы, о которых в тезисах I съезда Компартии Кубы «О политике по отношению к религии, церкви, верующим» сказано: «Среди сект, занимающих наиболее фанатичные и иррациональные позиции, выделяется секта свидетелей Иеговы».

После победы революции эта секта приобрела у нас ярко выраженный антипатриотический характер. Ее ряды стали пополняться недовольными новым строем: бывшими военнослужащими тиранического режима, антиобщественными элементами и т. п. Проповедники свидетелей Иеговы, следуя инструкциям своего бруклинского центра, стали усиленно проникать в сельскую местность, прежде всего в наиболее удаленные районы острова, где орудовали банды контрреволюционеров, помогали бандитским элементам, предоставляли им убежище. А в провинции Матансас, например, общины свидетелей Иеговы вообще возглавляли 22 бывших военнослужащих батистовской армии.

Своими реакционными проповедями антиобщественные секты пытаются подорвать патриотическое и классовое сознание масс, прежде всего отсталых слоев населения. Свидетели Иеговы внушают своим детям, будто уважение к патриотическим символам, к национальному гимну, знамени и т. п. — идолопоклонство.

Впрочем, между позицией руководства этой секты и значительной части ее приверженцев существуют различия. Первое использует в своих интересах невежество и фанатизм вторых. Среди рядовых свидетелей Иеговы немало людей простых, выходцев из отсталых слоев населения, наиболее восприимчивых к обскурантистской пропаганде, направляемой из Бруклина.

С особой отчетливостью антинациональный характер этой секты как орудия империализма янки проявился начиная с 1973 года, когда ее кубинские главари по указке извне попытались подорвать одну из важнейших экспортных отраслей нашей экономики — табаководство. Они велели своим приверженцам, занятым на табачных плантациях, бросить работу под тем предлогом, будто она вредит здоровью. Тот факт, что это была мера, задуманная с целью нанести ущерб нашей стране, подтверждается уже тем, что хотя свидетели Иеговы живут во многих табакопроизводящих странах, однако только на Кубе они стали выступать против возделывания этой культуры.

В своих молитвенных домах, которые они именуют «салонами царства божьего», члены этой секты также разыгрывали представления, очень далекие от библейских текстов и явно носившие характер идеологической диверсии.

Нельзя было допустить, чтобы руководители секты использовали веру и наивность своих фанатичных последователей как орудие борьбы против власти рабочего класса. Поэтому в 1974 году революционное правительство оказалось вынуждено принять меры, ограничившие незаконную политическую деятельность свидетелей Иеговы. В ответ на это их главари закрыли молитвенные дома, хотя такого требования не

содержалось в решении правительства. Они рассчитывали создать впечатление, будто им мешают отправлять религиозные обряды, преследуют за веру. Но твердая позиция государства, гарантирующая свободу совести и в то же время не дающая возможности под покровом религии тормозить революционный процесс, способствовала тому, что многие честные члены этой церкви, понимая, что ее руководители используют их в качестве орудия в своих контрреволюционных целях, начали покидать ряды организации.

«Тот, кто преступает закон, — говорилось по этому поводу в тезисах, одобренных I съездом Компартии Кубы, — является ли он членом секты свидетелей Иеговы, или не является, наказывается народными трибуналами, в соответствии с установленными процедурами».

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ

Испанская колонизация принесла с собой не только католицизм, но и рабство, а вместе с ним — и культы, завезенные из Африки. Хотя эти верования носят весьма элементарный, анимистический характер, они сумели выжить в силу исторических условий.

Уже в XVIII столетии в нашей стране было примерно 45 тысяч черных рабов, а в прошлом веке их численность еще более возросла. Привезенных на Кубу невольников крестили и заставляли принимать католичество. Африканцам запрещали совершать свои ритуалы и обряды (испанцы в этом случае обвиняли их в колдовстве и передавали в руки инквизиции), требовали от них соблюдения христианского культа. Такая ситуация привела к тому, что невольники стали совмещать (синкретизировать) своих африканских богов с чем-то похожими на них христианскими святыми. Все это сопровождалось и смешением элементов различных африканских верований.

Таким образом, последователи синкретических культов происходят прежде всего из тех слоев населения, которые в прошлом наиболее эксплуатировались и подвергались дискриминации. Победа революции положила конец их унижениям и притеснениям, впервые в истории обеспечила им гражданские права, гарантировала работу, социальное равенство и т. п. Глубокие социальные сдвиги, происшедшие в жизни кубинских негров и мулатов за годы революционной власти, обусловили отход многих из них от религии, в частности и от синкретических культов. Тем не менее некоторая часть потомков бывших рабов все еще продолжает придерживаться их.

Ныне на Кубе встречаются в основном три культа африканского происхождения: культ оча, который был занесен невольниками из племен, проживавших в юго-западной части Нигерии; культ конго, или пало монте, принесенный жителями бассейна реки Конго, и, наконец, тайное общество абакуа, также ведущее свое происхождение от нигерийских культов.

Из африканских народов, пострадавших от работорговли, наиболее высокого уровня развития достигли йоруба, жившие на территории современной Нигерии. У них же была и наиболее богатая мифология. Невольники синкретизировали ее с католицизмом — так на Кубе появился культ оча, или, как чаще его называют, сантерия. Кстати, это течение более распространено в нашей стране по сравнению с другими синкретическими культами и встречается во всех провинциях, хотя по отношению ко всему населению его последователи составляют незначительное меньшинство.

Согласно мифологии этого течения, верховным богом считается Олофи (или Олорун), который прямо с людьми не общается, а делает это через богинь-посредниц (ориша) Обаталу, Очун и Йемайю. Первая из них — самая главная, единственная, кто поддерживает связь с Олофи и распоряжается всем сущим. В свою очередь Обатала — мать кузнеца и воителя Шанго — синкретизируется с христианской святой Барбарой — хозяйкой света и грома. Очун — богиня любви, хозяйка пресной воды; Йемайя — богиня моря. Существуют и другие божества более низкого ранга. Все эти персонажи африканских легенд синкретизируются с католическими святыми. Общее число божеств достигает 400, но многие из них фигурируют в различных ипостасях, поэтому их значительно больше (кстати, сходное явление наблюдается и в индуизме).

Все ритуалы сантерии связаны с попытками найти защиту от различных угрожающих человеку бед, задабривая многочисленные божества. Наиболее важная из этих церемоний — кариоча, когда святой «вселяется» в верующего. Именно в такой момент бабалао (колдуны) или бабалочи (колдуньи) чаще всего и эксплуатируют своих последователей. А те, чтобы собрать довольно значительную сумму денег для подобной процедуры, готовы пойти даже на преступление.

Каждая ориша имеет свой символ в виде ожерелья, которое верующий носит постоянно как амулет. Если он его почему-либо теряет, то в страхе бежит в дом сантеро (нечто вроде медиума-предсказателя), чтобы тот погадал ему на кокосовых орехах или морских раковинах, а если требуется, и «проконсультировался» с бабалао. У этого культа нет какого-либо общенационального центра. Его сторонники («крестники», «усыновленные» и «удочеренные») группируются вокруг сантеро или бабалао. Между последними, равно как и между их сторонниками, существует ожесточенное соперничество, поскольку каждый «усыновленный» подчиняется только своему покровителю, который зачастую определяет и политическую позицию верующего. Как правило, эти люди не выступают против революционного процесса.

Другое верование африканского происхождения — это культ конго, или пало монте, приверженцев которого зовут палерос (от «палос» — деревьев, растущих на горе, то есть монте, которую они считают священной). Это верование принесли рабы из народов банту, вывезенные из бассейна реки Конго. Они стояли на более низком уровне развития, чем западноафриканские йоруба, и не удивительно, что на Кубе невольники банту синкретизировали свои верования не только с культом католических святых, но и с верованиями йоруба. Таким образом, божества конго хотя и носят другие имена, но нередко заимствованы из пантеона сантерии.

В своих анимистских представлениях последователи культа конго считают весь животный, растительный мир и явления природы обиталищами духов или сверхъестественных сил. Среди тех из них, которые олицетворяют добро, и самое высшее божество палерос — Самбия. Представитель сил зла — Луканкаси — разновидность Сатаны; палерос призывают его в своих молитвах, когда хотят навредить своим недругам.

Среди последователей культа конго встречаются три разновидности. Первых называют злыми колдунами (майомберос), поскольку они пытаются делать только зло. Вторые (бриюмберос) готовят свои снадобья как для того, чтобы навлечь на кого-то зло, так и для добрых дел. Третьи (кимбисерос) посвящают себя только добрым делам. Главные фигуры в трех названных группах — колдуны — тата нганга, тата нкиси и ганГулеро.

Весь ритуал своего культа палерос совершают вокруг сосуда — нганга (это просто кастрюля или чугунный котел), куда кладут мозг мертвеца, голову черной собаки, землю с кладбища, с территории тюрьмы или больницы. Иногда сюда добавляют какую-нибудь мелкую живность, скорпионов, мохнатых пауков и т. д. Согласно культу конго, умерший, чей мозг находится в нганга, сделает все, о чем его попросит тата, а собака, которая также в котле, не даст ему сбиться с пути.

Церемония посвящения в эти секты заключается в том, что принимаемому делают надрезы на различных участках тела. Для проведения этого обряда нужен человеческий череп. Чтобы раздобыть его, палерос раскапывают могилы, то есть совершают уголовно наказуемое деяние. Последователи культа конго целиком зависят от тата и гангулеро, которые в некоторых случаях даже используют их в преступных целях. Верования конго распространены главным образом в провинциях Гавана и Матансас. Политические взгляды палерос, как и последователей сантерии, определяются позицией, которую занимают тата.

В основе верований членов тайного общества абакуа лежит легенда о том, будто в водах реки Оддан (приток Нигера или, возможно, он сам) жил речной бог Абаси, который поддерживал связь с людьми с помощью священной рыбы Тансе, издававшей странные звуки. Члены абакуа воспроизводят их с помощью самого главного атрибута своего культа — экуе, представляющего собой барабан из кожи козленка. Его не вправе видеть ни один из членов секты, даже ее высший руководитель ямба: в помещении, где хранится экуе, он входит с завязанными глазами.

Для культа абакуа характерно пренебрежительное отношение к женщине, на которую смотрят как на низшее существо. Правда, это сочетается у членов тайного общества с уважением к матери. На вступление в абакуа, например, требуется ее разрешение. Это противоречие, вероятно, обусловлено тем, что культ абакуа возник в момент распада матриархата и перехода к патриархату, когда еще сохранялось почитание матери, но мужчина начинал занимать господствующее положение в обществе.

Абакуа считают, что люди должны са-

ми решать свои проблемы: обращение за помощью к правосудию недостойно мужчин. Конечно, это влечет за собой нарушения общественного порядка. Члены секты не должны давать властям никаких показаний на своих собратьев, какие бы тяжкие преступления те ни совершали. Наоборот, он обязан их выгораживать. Не удивительно поэтому, что в рядах этого тайного общества немало преступников или людей с сомнительным прошлым.

В колониальную эпоху многие абакуа использовались в качестве управляющих и надсмотрщиков. После отмены рабства последователи этого тайного общества, страшась возмездия, покинули плантации и перебрались в города провинций Гавана и Матансас, где им удалось в неоколониальную эпоху укрепить свои позиции. Как только какой-нибудь ямба получал работу в порту, он сразу же старался перетянуть туда своих «братьев» и начинал чинить препятствия «чужим». Такое положение, конечно, способствовало росту численности абакуа, так как в те времена более 10 процентов населения страны составляли безработные. Таким же путем это тайное общество монополизировало продажу табачных изделий в городах Пилар, Лос Ситос, Хесус Мария и Эль Оркон.

Среди абакуа были разные течения, начиная от тех, кто гнул спину перед хозяевами, занимался штрейкбрехерством, и кончая теми, кто решительно боролся против эксплуататоров и тирании Батисты.

После победы революции ряды тайного общества изрядно поредели. Сейчас его члены в большинстве случаев ведут себя лояльно по отношению к народной власти. И это естественно, поскольку социальные слои, к которым они принадлежали, до революции подвергались наибольшей дискриминации и угнетению.

В целом же победа социализма выбила почву из-под ног у подобных культов, ликвидировав условия, прежде способствовавшие их распространению в негритянской среде, — так что теперь такие секты постепенно сходят со сцены.

«Наша политика по отношению к этим культам... — говорится в тезисах «Политика по отношению к религии, церкви и верующим», одобренных I съездом Компартии Кубы, — направлена на то, чтобы предотвратить антиобщественные действия и поведение, которые могут нанести ущерб здоровью и единству граждан и которые противоречат общественным интересам; подобные действия порождались в прошлом и указанные культы им содействовали, они и сегодня еще проявляются как результат социальных условий, которые революция уже устранила и уничтожила навсегда. Культурные ценности фольклора — музыка, танцы, музыкальные инструменты и т. п., — которые сохраняют этнические группы, представленные в этих объединениях, должны быть сохранены и ассимилированы... освобождены от мистических элементов».

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Политика Коммунистической партии Кубы по отношению к религии, конфессиональным организациям и верующим, сформулированная в программной платформе Компартии Кубы, принятой ее I съездом (декабрь 1975 г.), «различает два аспекта: с одной стороны, взаимоотношения с различными религиями и верующими, с другой стороны, отношение к религии как к идеологии, как к форме общественного сознания.

В первом случае партия придерживается принципа свободы совести, заключающегося в праве граждан исповедовать или не исповедовать религию, принимать участие в отправлении религиозных культов при условии соблюдения существующих законов; в недопустимости использования какой бы то ни было религии в целях борьбы против революции и социализма; в обязательном соблюдении законов и признании одинаковых общественных прав и обязанностей как верующих, так и неверующих; в организации образования на научной основе и в придании школе светского характера; в решении материальных вопросов религиозных учреждений, когда последние обращаются за содействием к государственным органам.

Во втором случае политика партии подчинена интересам борьбы за строительство нового общества и укрепление социалистических производственных отношений. Ее основные моменты: терпеливое и систематическое распространение среди масс идей научного социализма; отказ от организации антирелигиозных кампаний и от применения против религии административных и принудительных мер; отказ от любых попыток изоляции верующих, привлечение их к выполнению конкретных задач революции; требование того, чтобы идеологическая подготовка членов партии и Союза Молодых Коммунистов строилась на марксистской теоретической основе...» *.

История показывает, что движущей силой общественных преобразований является классовая борьба, а не религиозные идеи. Человек ведет себя соответственно положению, которое он занимает в обществе: по-разному действуют верующий предприниматель или латифундист и верующий рабочий или крестьянин. Обе стороны живут в различных условиях, и противоположность их интересов становилась очевидной, например, во время забастовок или аграрных волнений.

Этот антагонизм проявился и после свержения тирании, когда высшее католическое духовенство в нашей стране пыталось противостоять мерам революционного правительства. Такая реакция церковной иерархии объяснялась тем, что революция затронула ее экономические интересы, так как церковь владела большим имуществом, школами, поликлиниками, жилыми домами и т. д.

В наших действиях, направленных на освобождение человека от духовных оков, необходимо делать упор на то, чтобы верующие включались в выполнение задач, поставленных революцией; надо не отталкивать верующего, а убедить его принимать участие в решении поставленных задач.

Некоторые сектантские вожаки требуют от своих приверженцев, чтобы те держались обособленно от окружающих и все свободное время посвящали чтению религиозной литературы, молитвам и другим делам общины. Такие проповедники знают, что человек является продуктом социальной среды, и пытаются отвлечь его от революционных дел, которыми занят наш народ.

С помощью терпеливой и систематической работы мы пытаемся привлечь приверженцев таких групп к сознательному участию в строительстве нового общества, в деятельности общественных и массовых организаций.

Но тот факт, что мы стремимся с полным пониманием подойти к верующему, еще не означает, что его уже можно принимать в партию. Те, кто вступает в ее ряды, должны разделять марксистско-ленинское учение. Именно поэтому, указывается в резолюции I съезда КП Кубы об отношении к религии, церкви и верующим, «партия и Союз Молодых Коммунистов по-прежнему требуют от вступающих в их ряды такой политической и идеологической подготовки, которая полностью соответствовала бы теоретическим основам ее Программы и доктрины, базирующимся на диалектическом материализме».

Таким образом, в своей политике по отношению к конфессиональным организациям и группам наша партия учитывает глубочайшие социальные сдвиги, происшедшие и происходящие не только в нашей стране, но и во всем мире, которые не могут не оказывать влияния на церковь и ее приверженцев. «Изменение в соотношении сил в мире в пользу сил социализма и национального освобождения, а также глубокий политический, экономический, социальный и моральный кризис капиталистической системы, — отмечается в той же резолюции, — обусловили изменения в политической позиции многих верующих и даже некоторых служителей церкви... причем некоторые церковные учреждения и организации занимают сегодня такие политические и социальные позиции, которые 20 лет назад едва ли можно было себе представить. Под влиянием сложившегося положения и ввиду укрепления и очевидной необратимости нашего революционного процесса многие христианские церкви отказались от своей традиционной... вражды к революции и социализму; сейчас они формально и публично приемлют революцию, заявляют о своем уважении к государству и социалистической законности, призывают прихожан... принимать участие в социально полезном труде.

Партия и правительство не препятствуют такому стремлению принять участие в создании материально-технической базы нового общества, рассматривая его как положительное явление.

...Партийные кадры и члены партии, а также молодежь должны вести соответствующую работу и иметь необходимую подготовку, они должны быть хорошо вооружены и политически и идеологически, чтобы уметь правильно освещать принципиальные вопросы. При этом нельзя допускать, чтобы различие во взглядах шло во вред единству и приводило к ненужным трениям; упор следует делать на совместных практических действиях по строительству социализма».

г. Гавана

Перевел с испанского Ю. СОКОЛОВ

* Здесь и ниже см.: «I съезд Коммунистической партии Кубы». М., 1976, стр. 352—353, 544—548.

За рубежом

ПЕРВАЯ ЭНЦИКЛИКА ПАПЫ ВОЙТЫЛЫ

Имре ВАМОШ

Как официальные церковные круги, так и светские наблюдатели единодушно считают время после II Ватиканского собора лишь переходным периодом, протекающим, естественно, под знаком противоречий, дискуссий и внутреннего брожения. Определить, когда начался этот период, так же трудно, как ответить на вопрос, сколько еще он будет продолжаться.

Созвав собор, папа Иоанн XXIII хотел проложить для церкви новый путь. Он заявил тогда, что она должна раскрыть перед миром окна и воспользоваться притоком свежего воздуха для своего обновления, сотрудничая с людьми иного мировоззрения «в добрых и ведущих к благу делах», оставаясь при этом верной принципам веры.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в 1975 году представитель Ватикана подписал в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также занял конструктивную позицию на встрече в Белграде по проверке выполнения решений этого Совещания (1977 г.).

С другой стороны, общеизвестно, что преемник Иоанна XXIII Павел VI не пошел ни на какие уступки церковным модернистам в таких наболевших для католицизма вопросах, как регулирование рождаемости, безбрачие духовенства (целибат) и смешанные браки. Он высказывался против войны во Вьетнаме, но отмежевывался от «христианских революционеров».

Мы позволили себе начать с этого небольшого экскурса в недавнее прошлое потому, что избранный в октябре 1978 года на папский престол краковский архиепископ Кароль Войтыла, принявший имя Иоанна-Павла II, уже в своей первой энциклике подчеркнул преемственность ватиканской политики.

Этот папский циркуляр, начинающийся словами «Редемптор гоминис» («Искупитель человека») и подписанный 4 марта 1979 года, многие расценили как программную декларацию. В первой ее главе — «Наследие» — разъясняется, почему новый папа избрал для себя имена двух последних пап. Во второй — «Тайна искупления» — анализируется роль «центра Вселенной в истории» — Иисуса Христа. В третьей главе — «Искупленный человек и его положение в современном мире» — высказано мнение по важнейшим социальным проблемам. Четвертая глава — «Призвание церкви, судьба человека» — формулирует основные задачи духовенства.

Сокращенный перевод статьи, опубликованной в венгерском журнале «Вилагошщаг», 1979, № 5.

Вступление энциклики напоминает, что двухтысячный год будет «годом великого юбилея», в преддверии которого церковь переживает «эпоху ожидания». И действительно, при чтении этого послания бросается в глаза, что папа уделяет сравнительно мало внимания прошлому и, как отмечают комментаторы, больше занят будущим, от которого он ждет «нового подъема церковной жизни» и разрешения животрепещущих проблем человечества. Но, в отличие от энциклик его предшественников, первая энциклика Иоанна-Павла II уповает на решение этих проблем не социально-политическими, а религиозно-нравственными средствами.

У читающего энциклику вообще складывается впечатление, что ее автор в высшей степени осторожен в своих высказываниях относительно социальных и церковных реформ. Вместе с тем ее формулировки — во многих местах явно умышленно — носят весьма отвлеченный характер и поэтому могут толковаться по-разному.

Такой же стиль свойствен и высказываниям об отношении католицизма к другим церквам. Энциклика выступает в поддержку экуменической деятельности, однако подчеркивает, что при этом не должны нарушаться католические традиции. Совместные поиски истины, дескать, «ни в коем случае не означают, что мы отказываемся от божественных сокровищ, которые наша церковь всегда исповедовала и проповедовала, или допустим их ущемление в какой бы то ни было форме». Иными словами, Рим, как и прежде, продолжает утверждать, что только его трактовка христианского вероучения является истинной и что, стало быть, объединение христиан (экуменизм) возможно только на основе католичества. Бросается в глаза, однако, что наряду с этим энциклика неоднократно воздает должное «твердой воле» последователей нехристианских религий, которые своей набожностью зачастую «прямо посрамляют христиан». При этом энциклика ориентирует церковь на установление сотрудничества и с нехристианскими религиями, прежде всего с исламом и иудаизмом.

При чтении «Редемптор гоминис» обращает на себя внимание также и резко критическое отношение нового папы к последствиям технического прогресса.

Среди других факторов, якобы угрожающих человечеству, Иоанн-Павел II далее — кстати, впервые в истории папских энциклик — выделяет мотив отчуждения. «Человеку нашей эпохи, — пишет он, — все сильнее угрожает то, что он сам создает, плоды его рук, а еще более — духа... его воли; плоды многоразличной деятельности человека в короткие сроки и зачастую непредвиденным образом становятся не только отчуждающими факторами в том смысле, что их просто отнимают у того, кто их создал, но и в том смысле, что позднее и опосредованным путем эти плоды его труда обращаются против самого человека... Человек не может отречься от самого себя... не может превратиться в раба вещей, раба экономических систем, производства, продуктов собственного труда».

И хотя эта критика отчуждения слишком абстрактна и нельзя согласиться с таким противопоставлением производства нравственности, однако в этой связи следует отметить, что марксизм тоже придает исключительно большое значение нравственным факторам. И хотя мы, марксисты, не допускаем недооценки значения вещественного мира, именно наше мировоззрение обязывает нас бороться за свободное от отчуждения общество. И если папа приписывает эти тяжелые симптомы «чисто материалистической цивилизации», марксист ответит ему: именно против овеществления человеческих отношений, против социальной базы чрезмерного увлечения материальной стороной жизни, что в энциклике названо «материалистической цивилизацией», как раз и начали свою борьбу основоположники научного коммунизма в теории, а революционное рабочее движение — на практике.

Вслед за II Ватиканским собором и своими предшественниками папа снова говорит о разнице между богатыми и бедными странами, что, по его словам, обусловлено «историческими причинами и вместе с тем этическими аспектами». Рыночная экономика, констатирует энциклика, «не способна не только ликвидировать унаследованную от прошлого социальную несправедливость, но и ответить на неотложные этические проблемы современности, удовлетворить требования нашего времени. Эта структура... ускоренно растранжиривает сырье и энергию, губит окружающую среду и все больше расширяет зоны нищеты, страха и отчаяния... Все это еще усугубляется язвами инфляции и безработицы», которые, как считает папа, «возникают из-за отсутствия нравственного порядка».

Иоанн-Павел II, как видим, опять уходит от того, чтобы провести разграничение между социализмом и капитализмом, он даже полагает, что нашел у них некие общие черты в отношении «бедных» стран. Более того, его заявление о том, что ликвидировать «унаследованные от прошлого социальные несправедливости» неспособна никакая современная экономическая структура, объективно отрицает значение тех великих социальных изменений, которые были осуществлены именно в социалистических странах.

Затем папа отмечает: единодушно принятая ООН Декларация прав человека призвана обеспечить интересы личности, живущей в коллективе, уважение к правам человека, которые в качестве «фактора общественного блага должны считаться основным критерием всех программ, политических и социальных систем. В противном случае человеческая жизнь и в мирное время будет подвержена всевозможным страданиям, будут складываться различные формы угнетения, тоталитаризма, неоколониализма и империализма».

И вряд ли можно считать случайным, что консервативные церковные и светские силы (влияние которых не следует недооценивать) выделяют именно эти положения энциклики, утверждая, будто новый папа уже в первом своем циркуляре выступил в защиту достоинства и прав человека... от коммунистов («Ди Вельт», «Нойе Цюрхер цайтунг» и другие органы). Стараясь создать видимость объективности, они признают, что в нашем мире едва ли найдется такая идеология, такая конституция, в

том числе и Устав ООН, которые не упоминали бы на первом месте о правах человека. Но лишь в очень немногих странах, добавляют они (не называя, разумеется, эти страны конкретно), основные права человека выполняются на практике.

Созданная 24 октября 1945 года Организация Объединенных Наций тоже в общих чертах сформулировала в своем Уставе содержание прав человека. К этим правам, естественно, относятся свобода слова и свобода совести, равно как и право на труд и поддержание жизни, независимо от пола, возраста, национальности и вероисповедания.

Однако одного лишь декларирования этих прав недостаточно, если структура общества делает невозможным их осуществление. В промышленно развитых государствах, в том числе в США, в настоящее время 18 миллионов безработных. Расовая дискриминация тоже нарушает эти права — и как много еще в мире стран с такими нарушениями! При этом не составляет исключения также и свобода совести. Этот перечень можно было бы продолжить, однако нет нужды на обвинения отвечать обвинениями: главный вопрос не в том, какая система может выдвинуть больше обвинений в адрес другой относительно прав человека, а в том, какая система способна организованно обеспечить выполнение наиболее широкого круга этих прав.

Необходимо, однако, более подробно остановиться на праве, которое энциклика ставит на первое место: свободе совести. Тем более, что ее автор ополчается на «положение, когда правами гражданства в общественной жизни пользуются только атеисты, а верующих терпят лишь в принципе или считают их гражданами второго сорта».

Между тем марксисты весьма далеки от такого разделения общества, где «только атеизм» имеет права гражданства. Здесь энциклика приписывает неверующим собственную логику, чтобы затем легче было обвинить их в мнимом попрании свободы совести. Марксисты же отвечают на это прежде всего тем, что элементарное право исповедовать религию гарантируется конституциями социалистических государств, обеспечивая таким образом активное сотрудничество верующих и неверующих в интересах осуществления максимально широкого круга свобод, развития общества и личности. И да будет позволено по этому поводу привести слова католического писателя Генриха Бёлля о положении, существующем в ФРГ: «Проповедники могут свободно ругать и поносить... не исповедующих никакой веры, но эти последние не имеют права ни защищаться, ни критиковать».

И с этим нельзя не согласиться: права человека в равной степени требуют обеспечения как свободы религии, так и свободы атеизма, в противном случае вообще бессмысленно говорить об этих правах.

Касаясь далее наболевшего вопроса о безбрачии духовенства, папа предупреждает: «Принимая на себя этот сан, мы, священнослужители католической церкви, сознательно и по доброй воле избираем целибат, поэтому все мы с божьей помощью должны сделать все, чтобы... остаться верными своему вечному обету».

В заключение энциклика подчеркивает значение теологии: богословы-де должны объединять веру с наукой и мудростью. Это относится как к естественным, так и к гуманитарным наукам, в том числе к философии, на тесную связь которой с теологией указывал еще II Ватиканский собор.

И наконец, несколько слов об откликах на энциклику папы. Часть западной прессы, возможно даже умышленно, подчеркивала в ней те места, в которых она усматривала возможность конфронтации с социализмом и атеизмом. На самом же деле, как мы в этом убедились, энциклика более многозначна, а формулировки ее носят отвлеченный характер и могут толковаться по-разному.

Что касается общественности социалистических стран, то она терпеливо наблюдает, в каком направлении новый папа реализует провозглашенные им принципы, не видя при этом, разумеется, никаких причин для изменения уже проверенной жизнью политики наших государств в отношении религии и церкви.

г. Будапешт

ПО СТОПАМ КУ-КЛУКС-КЛАНА

В. НИКИТИН, кандидат исторических наук

Антикоммунистическая политика правящих кругов США, проводимая с особой интенсивностью после второй мировой войны, создала в стране благоприятный климат для развития разного рода реакционных политических течений. Заметную роль среди них играют весьма воинственные и крикливые ультраправые фундаменталисты. Это течение в США возникло в конце XIX — начале XX века как реакция части протестантского духовенства на коренные перемены в социально-экономической жизни общества, вызванные вступлением мира в эпоху империализма. Это было время возникновения и развития массового рабочего движения, создания постоянных профсоюзов, требовавших проведения демократических реформ.

Пытаясь предотвратить дальнейшую радикализацию трудящихся масс и сохранить на них свое влияние, часть американского протестантского духовенства поддержала справедливые требования неимущих слоев. Основанный в 1908 году Федеральный совет христианских церквей (ФСХЦ), например, в своем программном документе «Социальное кредо» предлагал запретить использование детского труда, ввести социальное страхование, принять законы о минимуме заработной платы, сокращении рабочего времени, признать право рабочих на профсоюзы. Своей практической деятельностью ФСХЦ старался сбить накал классовой борьбы, побудить «представителей бизнеса и труда разработать отношения доброй воли и сотрудничества в сфере производства» и «распространить христианский дух и христианскую этику на отношения между предпринимателями и рабочими». Такое реформистское движение либерального протестантского духовенства в США получило название «социального евангелизма». Оно не имело ничего общего с революционным преобразованием американского общества и являлось апологией политики буржуазного государства в эпоху империализма.

Но консервативные представители церкви, составлявшие в те годы подавляющее большинство протестантского духовенства, не признали «социального евангелизма» и других новых веяний и начали ожесточенную борьбу с модернизмом. Эти круги выступили в защиту фундаментальных (отсюда — «фундаменталисты») основ христианства, выпустив начиная с 1909 года 12 небольших книжек под общим названием «Основные принципы: утверждение истины». Консервативные лидеры протестантизма проводили по всей стране собрания и конференции, где пытались отстоять свою доктрину и основали несколько десятков теологических учебных заведений, наиболее известными из которых стали Библейские институты в Чикаго и Лос-Анджелесе.

Религиозный фанатизм, свойственный наиболее реакционным протестантским лидерам, их решительная оппозиция социальным реформам сделали многих из них союзниками самых реакционных групп и движений в США. То обстоятельство, что консолидация сил фундаментализма происходила в годы «великого красного страха», вызванного победой Октябрьской революции в России и обострением классовой борьбы в Америке, наложило свой отпечаток на его политическую физиономию и сделало доктрины «христианского американизма» и антикоммунизма стержневой основой фундаменталистской идеологии.

Тесные узы связывали многих фундаменталистов с расистским Ку-клукс-кланом (ККК), который к 1925 году насчитывал в своих рядах уже 4—5 миллионов человек. Все они принадлежали к различным протестантским церквам. В мрачных толпах расистских линчевателей было немало ревностных церковнослужителей. Куклуксклановцы поддерживали тесные отношения с фундаменталистами. В 1922—1928 годах, например, 16 из 102 лидеров клана являлись официальными представителями протестантских церквей, а 26 из 39 национальных лекторов ККК были протестантскими проповедниками. Акты линчевания негров нередко оставляли равнодушными большинство священнослужителей. В 1935 году, например, согласно опросам,

проведенным американскими социологами, только 3,3 процента белых протестантских священнослужителей осуждали самосуд и требовали его законодательного запрещения.

Идеальным решением стоявших перед капиталистическим обществом проблем для многих фундаменталистских лидеров был пример нацистского «третьего райха» и фашистской Италии.

Много фундаменталистов входило в такие реакционные и фашистские организации, как «Черный легион», «Серебряные рубашки», и им подобные, в основном состоявшие из консервативных протестантов разного толка. Эти банды насильников, поджигателей и убийц терроризировали негров, евреев, профсоюзных активистов и прогрессивных деятелей.

Кризис 1929—1933 годов и последовавшая за ним депрессия сопровождались усилением разброда и распрей во всех, в том числе и в протестантских, церквах, в особенности между фундменталистами с их проповедью «индивидуального спасения» и сторонниками «социального евангелизма» с их демагогическими рецептами облегчения экономического положения широких трудящихся масс. Поскольку эти протестантские либералы в основном группировались вокруг ФСХЦ, то экстремистски настроенные протестантские лидеры во главе с К. Макинтайром в 1941 году основали в противовес ему Американский совет христианских церквей (АСХЦ), разделявший основные догматы фундаменталистской идеологии. Однако Макинтайр настолько обострил разногласия с ФСХЦ, что оттолкнул от себя большую часть своих единомышленников, которые в 1942 году учредили Национальную ассоциацию евангелистов. Ныне она включает в себя около 40 сект общей численностью более 2 миллионов человек и представляет собой самое крупное объединение фундаменталистов в США.

Таким образом, в годы второй мировой войны, которая, как известно, носила антифашистский характер и сопровождалась общим подъемом демократического движения в США, крайне правые деятели протестантских церквей типа Макинтайра оказались изолированными не только от массы верующих, но даже от большинства фундаменталистов. Однако антикоммунистический и антисоветский курс, взятый правящими кругами США после войны, вдохнул силы в пришедшее было в упадок правоэкстремистское движение. «Холодная война» позволила американской реакции упрочить свои позиции и организовать крестовый поход против либеральных, демократических и прогрессивных групп, распространить антикоммунистическую истерию на всю страну и на все слои общества.

Создавшаяся обстановка оказалась весьма благоприятной для ультраправого крыла фундаменталистов, которое вновь обрушилось с яростными нападками на социально - экономические реформы, рабочее и негритянское движение. В печатных и устных выступлениях этих протестантских ультра религия все чаще уступала место политике. Годы «холодной войны» сопровождались быстрым ростом численности сторонников Макинтайра. В 1948 году он провел в Амстердаме — в противовес учредительному съезду экуменического движения, основавшего там тогда же Всемирный совет христианских церквей (ВСЦ), — съезд своей новой организации, Международного совета христианских церквей (МСХЦ), и стал ее президентом.

Крупные денежные взносы богатых покровителей позволили Макинтайру открыть семинарию в Уилмингтоне (штат Делавэр) и два колледжа — в Кейп-Мее (штат Нью-Джерси) и Пасадине (штат Калифорния). На базе еженедельника «Крисчен Бикэн», основанного еще в 1936 году, Макинтайр создал собственное издательство. К середине 50-х годов он сколотил еще одну новую организацию—«Реформация XX века», которая стала вести ежедневные 30-минутные радиопередачи. К концу 60-х годов они уже транслировались 600 станциями страны, а еженедельник «Крисчен Бикэн» к началу 70-х годов выходил 123-тысячным тиражом. В целом пропагандистский аппарат Макинтайра в конце 60-х годов воздействовал примерно на 20 миллионов американцев.

Позиция, занимаемая Макинтайром и его сторонниками, сблизила их с печально известным сенатором Д. Маккарти и другими громогласными «охотниками на ведьм» в конгрессе. На основании обвинений фундаменталистов-ультра Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (КРАД) начала травлю либерального духовенства. В 1949 году она опубликовала брошюру: «Сто вопросов, которые вы должны знать о коммунизме в религии». Проповедь социальных реформ в церквах, утверждалось в ней, представляет собой «замаскированное распространение коммунистических идей». В годы маккартизма нападкам подверглось множество демократических организаций, в том числе и ряд либерально-христианских деятелей.

Агрессия американского империализма в Индокитае, развязанная в 60-х годах, сопровождалась активизацией правых сил в США, в том числе и фундаменталистов. В эти годы быстро росли денежные поступления в кассу главной пропагандистской организации Макинтайра — «Реформация XX века»: в 1958 году, например, они составляли 67 тысячи, а в 1969 году — уже три миллиона долларов. Значительно укрепились за эти годы и другие организации Макинтайра. В частности, АСХЦ, ранее представлявший собой конгломерат мелких ультраконсервативных протестантских течений, в 60-е годы охватывал 200—250 тысяч человек, а руководимый им МСХЦ — около миллиона сторонников.

Влиятельной фигурой в ультраправых кругах США вообще и в фундаменталистских в частности в 60-е годы стал сравнительно молодой и быстро преуспевший пастор из Талсы (штат Оклахома) Б. Д. Харджис. Впервые Америка узнала о нем в начале 50-х годов в связи с провокационной операцией по переброске Библии на воздушных шарах из Западной Европы в социалистические страны, которую осуществил МСХЦ, руководимый Макинтайром. Тогда имя Харджиса, непосредственно занимавшегося этим делом, попало на первые страницы американской печати. Возглавляемый им «Христианский крестовый поход» — сейчас наиболее значительная организация не только среди фундаменталистских групп США, но и среди американских ультраправых в целом. Доходы ее возросли с 48 тысяч в 1955 году до трех миллионов долларов в 1970-м.

Все это позволило Харджису расширить штат своих платных сотрудников, которых в 70-х годах насчитывается уже более сотни. Его «крестовый поход» стал издавать еженедельник «Уикли крузейдер» (тираж около 200 тысяч). Для распространения антикоммунистической и фундаменталистской идеологии среди молодежи Харджис открыл в 60-х годах летние школы в Талсе и Манитоу-Спрингс (штат Колорадо). В 1973 году он основал собственный колледж. В 70-х годах организация Харджиса располагала 100 радиостанциями и 40 телецентрами, через которые она получила доступ к многомиллионной аудитории. Проповедник из Талсы не без бахвальства утверждает, что его «крестовый поход» — самая оснащенная антикоммунистическая организация в Америке, якобы способная вернуть учащуюся молодежь на путь «твердого и здравого американизма».

Широко известно в ультраправых кругах США имя еще одного деятеля фундаменталистского толка — Ф. Ч. Шварца, возглавляющего «Христианский антикоммунистический крестовый поход». Главная форма его пропагандистской деятельности — так называемые антикоммунистические школы. Почти все они находятся на юго-западе страны и пользуются активной поддержкой местных властей. С кафедр этих школ выступают отъявленные бёрчисты и расисты, пытающиеся обосновать один и тот же тезис — о будто бы грозящем США «коммунистическом заговоре». Шварц выдает себя за «эксперта» по марксизму, без советов которого не обойтись ни бизнесменам, ни политикам. Он настойчиво призывает местные власти и деловые круги создавать новые группы по изучению коммунизма, а точнее антикоммунизма.

Специфическую роль разведывательной организации в лагере ультра выполняет «Церковная лига Америки», возглавляемая с 1956 года Эдгаром Банди. Как и Харджис, он выученик Макинтайра. Уже начиная с 30-х годов эта лига занималась сбором материалов о «подрывной деятельности» представителей духовенства в США. В досье заносилось все: и участие в борьбе с фашизмом, и принадлежность к либеральным и демократическим организациям, выступавшим за социальные реформы, и издание неугодных большому бизнесу печатных материалов. В картотеку лиги, как утверждает Банди, в настоящее время занесено 7 миллионов коммунистов, их сторонников и тех, кто вольно или невольно помогает им. К последним Банди причисля-

ет представителей либеральных кругов, политику которых ультра отождествляют с коммунизмом. За соответствующую плату лига поставляет нужную информацию заинтересованным лицам.

Все эти и многие другие не названные здесь фундаменталистские группы и «академические центры» тесно связаны с ультраправыми организациями. Члены «Общества Джона Бёрча», например, занимают руководящие посты в «крестовом походе» Харджиса, в то время как фундаменталисты составляют основной костяк бёрчистов. Несмотря на свою кажущуюся пестроту клерикально-экстремистские течения выступают единым фронтом против либеральных, демократических и прогрессивных сил как внутри страны, так и на международной арене. Что же касается социальной доктрины этих церковных ультра, то она сводится к апологии беспрепятственного распоряжения частной собственностью, свободы от профсоюзов, от коллективных договоров, от социального законодательства, от охраны труда и всего того, что в какой-то мере ограничивает прибыли частного капитала.

Индивидуализм, который неустанно пропагандируют Макинтайр и К⁰, однако, не распространяется ими на все стороны жизни и ограничивается только сферой частных экономических интересов. Что же касается идеологии, в том числе и религиозной, политических прав и свобод, то фундаменталисты — самые крикливые противники беспрепятственного «духовного развития личности». На всех, кто с ними не согласен, они навешивают ярлыки: «антиамериканец», «подрывной элемент», «розовый», «красный», «коммунист». Причем, как правило, в эту категорию попадают лица, ничего общего с коммунизмом не имеющие.

Идеологии фундаменталистов-ультра свойствен также шовинизм и воинствующий национализм. Решение Верховного суда США о совместном обучении детей негров и белых в общественных школах (1954 г.) и законы о гражданских правах 60-х годов были встречены ими крайне враждебно. Разумеется, эти меры в какой-то степени ограничивали расовый произвол, создавали более благоприятные условия для участия негров в политической жизни, однако они вовсе не означали и не гарантировали установления фактического равноправия негров. И тем не менее эти законы, равно как и борьбу черных американцев за подлинную десегрегацию, фундаменталистские лидеры охарактеризовали как «инспирированные коммунистами».

«Расовое братство,— внушал своим слушателям и читателям Макинтайр, — это ложная концепция христианства, привнесенная коммунистами для разжигания классовой и расовой войны». Пытаясь подавить негритянское движение, организации Макинтайра, Харджиса и Шварца блокировались с бёрчистскими комитетами «Поддерживайте свою местную полицию» и «Правда о гражданских беспорядках», с нескрывающей своего расизма группой «Лобби свободы» и «Советами белых граждан», состоящими из бывших куклуксклановцев.

В 70-х годах сторонники сегрегации в системе образования создали свыше 50 групп с целью бойкота смешанного обучения детей белых и негров. Во всех этих акциях фундаменталисты приняли самое активное участие. В феврале 1972 года, например, в г. Огаста (штат Джорджия) такой бойкот возглавила группа «Спасем наши школы», направляемая фундаменталистом С. Эндрюсом. А когда расисты в Бостоне и других крупных городах перешли к актам запугивания негров и террору, то толпы белых протестантов избивали школьников-негров, забрасывали камнями и гнилью автобусы, подвозившие их к школам.

Крайне опасную экстремистскую позицию занимают фундаменталисты-ультра по вопросам внешней политики. Мирному сосуществованию, торговому и экономическому сотрудничеству с социалистическими странами они противопоставляют политику жесткого давления и диктата, непрерывного наращивания вооружений и военного уничтожения мировой социалистической системы.

Уже в 1948 году, когда Соединенные Штаты были еще единственным государством, располагавшим ядерным оружием, АСХЦ опубликовал следующее письмо, адресованное конгрессу: «Для нас верх безумия иметь атомную бомбу и во имя ложной морали... ждать того часа, когда Россия получит в свое распоряжение атомное оружие. Как только такой роковой момент наступит, нас постигнет справедливое возмездие... Священная обязанность свободного (то есть капиталистического. — **В. Н.**) мира — сохранить и защитить себя, а если необходимо, то использовать оружие первым. Это лучше и справедливей, чем предавать народ антибожественной системе...»

Требование превентивной войны против социалистического содружества неизменно выдвигалось ультрафундаменталистскими группами на протяжении всех послевоенных лет. Все другие внешнеполитические концепции буржуазных политиков кажутся им недостаточными и направлены, по их мнению, на «умиротворение» коммунизма.

Не меньшую ненависть церковников-ультра вызывает освободительная борьба зависимых и порабощенных народов. Симпатии фундаменталистов — на стороне диктаторских режимов, империалистических марионеток, реакционных военных путчистов Южной Америки, расистских правителей Южной Африки. С некоторыми из них Макинтайр, Харджис и другие ультра поддерживают личные контакты. В этом отношении весьма характерны связи Макинтайра с одним из лидеров протестантских экстремистов Ольстера пастором Пэйсли. Террор, развязанный ими против католических трудящихся Северной Ирландии, не смущает Макинтайра. По его мнению, Пэйсли — «избранник божий», посланный Ольстеру в «час решений».

Вызовом американскому и мировому общественному мнению стала позиция ультраправых по вопросу о войне во Вьетнаме. В то время как в США развернулось антивоенное движение, фундаменталистские группы выступали за дальнейшее расширение агрессии США в Юго-Восточной Азии и требовали от вашингтонской администрации применения крайних мер для достижения победы. Впрочем, эти непопулярные политические акции ослабили престиж Макинтайра даже среди фундаменталистов, и в 1969 году АСХЦ исключил его из своих рядов. Вскоре Макинтайру пришлось выйти и из МСХЦ. А в 1971 году созданную им в Филадельфии семинарию оставили директор и более половины слушателей, сделавшие это в знак протеста против маршей, организованных Макинтайром в поддержку вьетнамской политики правительства.

Кстати, позиция Макинтайра по отношению к национально - освободительным движениям характерна и для других крайнеправых фундаменталистских групп и для всех ультра в целом. В 70-е годы главным объектом их атак стали разрядка международной напряженности, переход части правящих кругов США от конфронтации к переговорам и деловому сотрудничеству с социалистическими государствами. Климат разрядки оказывает губительное воздействие на экстремистов, лишает их аргументов о «коммунистической угрозе», которыми они пользовались ранее для мобилизации своих сторонников, сужает их массовую базу.

Реакционные силы в США и их союзники из фундаменталистских кругов предпринимают поэтому неустанные попытки помешать оздоровлению международной обстановки и повернуть развитие событий вспять, к временам «холодной войны». Политику мирного сосуществования при этом они изображают как «тактический маневр, используемый коммунистами для установления своего контроля над миром».

Таким образом, ультрафундаменталистские группы были и остаются злейшими врагами мирного сосуществования и разрядки международной напряженности, бескомпромиссными противниками социальных реформ и научного познания, заядлыми поборниками полицейских репрессий против демократического движения внутри страны. И хотя фундаменталисты представляют собой лишь часть американских ультра, их фанатизм и нетерпимость буквально пронизывают всю деятельность ультраправых групп и составляют главный стержень их идеологии. В 70-е годы, несмотря на некоторый общий спад активности правых, число тех, кто разделяет фундаменталистскую идеологию, бёрчизм, в сравнении с 60-ми годами еще более возросло и исчисляется десятками миллионов. Во всех штатах и почти во всех крупных городах США ныне есть отделения «Общества Джона Бёрча» или филиалы какого-нибудь «крестового похода». Особенно их много в южных штатах и Калифорнии. Уже одним своим существованием и деятельностью эти клерикально-экстремистские организации представляют зловещую угрозу демократическим завоеваниям американского народа.

Сергей КУЛИК

Легенды и быль Мадагаскара

Все снимки, иллюстрирующие этот очерк, сделаны автором.

НЕ ПОМНЮ, где прочитал я шутливую фразу о том, что именно на Мадагаскаре творец Вселенной тренировался в своем искусстве, прежде чем приступить к созданию ныне существующих материков: тут видны все его достижения и просчеты.

В одном из этих просчетов, винить в котором следует геологические процессы прошлого, — объяснение тому, почему этот гигантский остров в Индийском океане всего лишь в 200 километрах от побережья Африки тысячи лет был недосягаем для африканцев, но легко доступен жителям далеких островных миров Тихого океана.

Бурные течения и противотечения изобилующего коварными рифами, подводными отмелями и скалами Мозамбикского пролива как бы отгородили остров от континента, а то время как попутные восточные пассаты «объединили» его с Индонезией и Полинезией. Вот почему этот четвертый по величине остров нашей планеты заселили люди не с черной, а с желтой кожей.

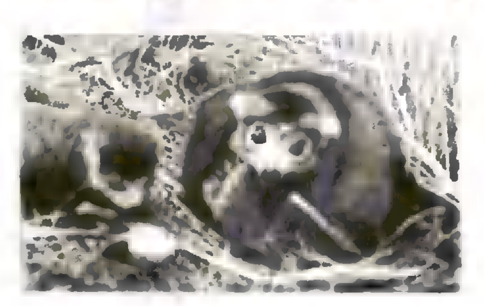
Когда это произошло?

Незадолго до моей поездки на «Великий остров» я обратился с этим вопросом к французскому ученому-марксисту, мировому авторитету по мальгашской истории Пьеру Буато, более 20 лет проработавшему на Мадагаскаре.

— Однозначно на этот вопрос не ответить, — сказал он. — Никаких следов доисторического существования мальгашей не обнаружено. Это лишний раз говорит о том, что люди на Мадагаскар пришли из-за моря. Произошло это скорее всего в X—VI веках до нашей эры. Это, конечно, были люди неомеланезийского антропологического типа и примитивной цивилизации, которые, оторвавшись от своей родины и будучи крайне малочисленными, не смогли освоить Мадагаскар. Они ушли в леса, занялись первобытной охотой и собирательством, превратившись в тех «вазимба», которые фигурируют в мальгашских легендах. Однако начиная с третьего столетия до нашей эры, когда в Индонезии расцветают блистательные цивилизации, на Мадагаскар устремляется новая волна переселенцев. Миграции с Явы, Суматры, из Малайи становятся организованными, приток людей на остров все увеличивается. На этот раз среди них доминируют представители индонезийского антропологического типа.

Постепенно плотность населения прибрежных районов становится слишком высокой для людей, которые живут за счет простого собирательства и охоты. Так цивилизация вазимба уступает место цивилизации земледельцев-рисоводов, которые в поисках новых земель покидают побережье и начинают осваивать горные районы. Представляется весьма правдоподобным, что к началу нашей эры основные элементы, из которых сложилось население Мадагаскара, уже находились на острове, продолжал Буато.

О том, что это были неафриканские элементы, свидетельствует их язык, который лег в основу современного мальгашского языка. Он относится к малайско-полинезийской группе и по своему грамматическому строю и словарному составу ближе всего к тагальскому языку на Филиппинах. Очень близок к тихоокеанским традиционным верованиям и мальгашский культ предков, отметил в заключение французский ученый.

Лемуры — забавные маленькие зверюшки. Водятся они только на Мадагаскаре и на соседних Коморских островах. По верованиям мальгашей, в этих кротких существах обитают духи их предков.

Среди мальгашской интеллигенции я потом не раз слышал слова: «Нет, Мадагаскар — это не крупнейший остров, а самый маленький континент нашей планеты». Действительно, уж больно все необычно, ярко и самобытно на Мадагаскаре, который, по образному выражению мальгашского поэта Жака Рабеманандзары, расположен «как дерзкий вызов на перекрестке морей, на схождении материков!»

Мадагаскар — это единственное место, где Африка встречается с Океанией, где утонченный налет французской культуры накладывается на вековые пласты традиций, завезенных сюда из Индонезии, с берегов Восточной Африки и арабского Востока.

Право именоваться «континентом» Мадагаскару дает и солидный возраст его «самостоятельного существования». Он отделился от предполагаемого праматерика Гондваны, объединявшего Африку, Бразилию, Индию и Австралию, еще в те фантастически далекие времена, когда на земле не было обезьян, львов, слонов и ядовитых змей. В результате на «Великом острове» самым крупным животным считается завезенная сюда человеком горбатая корова — зебу, а самыми страшными хищниками — одичавшие собаки и кошки, фигурирующие в роли зловредных персонажей в мальгашских сказках.

Зато в водах, омывающих остров, уже выловлено более 40 целакантов — рыб, которые забыли умереть. Эти живые ископаемые, появившиеся в девонском океане около 400 миллионов лет назад, ближе всех других современных животных к предкам наземных амфибий и рептилий, птиц и млекопитающих, происшедших от выселившихся на сушу и научившихся дышать вне воды кистеперых двоякодышащих рыб.

Право именоваться естественным палеонтологическим музеем дают Мадагаскару и лемуры, встречающиеся только здесь и на соседних Коморских островах. Эти кроткие и препотешные существа занимают одну из верхних ступеней эволюции животного мира на пути появления обезьяны. 19 видов лемуров, уже открытых на острове, встречаются только здесь и нигде более. Всего же из 36 видов тамошних наземных млекопитающих 32 — единственные в своем роде. Из 147 видов птиц 57 — сугубо мадагаскарские, в том числе ворона с белой шеей, красные воробьи, черные попугаи, зеленые голуби, голубые кукушки и хохлатые соловьи. Множество хамелеонов, 6000 видов жуков и самые большие в мире бабочки дополняют своеобразие фауны этого острова.

Растительный мир Мадагаскара еще более неповторим. Из «тривиальных» цветов здесь встречаются разве что орхидеи, которых на острове более 740 сортов. Любители диковинной флоры, отправляющиеся туда, должны захватить с собой лакомства для растений-хищников, подстерегающих добычу в реликтовых лесах. Полмиллиарда лет — таков минимальный срок появления растущих там пород древовидных папоротников, огромных хвощей и плаунов, пышных цикад — первых и наиболее примитивных на земле пальм.

Вряд ли стоит объяснять после этого, почему зоологи и ботаники выделяют Мадагаскар и окружающие его острова в самостоятельные области, которые в их представлении ассоциируются с древним континентом, ушедшим под воду Индийского океана. С континентом Лемурия.

«Никакой Мадагаскар не континент и даже не остров, а архипелаг», — утверждают другие. Рельеф Мадагаскара на редкость мозаичен, это одна из немногих африканских стран, обладающих природными зонами почти всех широт — от экваториальных до умеренных. Оби-

Хотя католический собор на Мадагаскаре можно встретить почти в каждом городе, население острова до сих пор продолжает придерживаться культа предков (разана) и бережно хранит национальные традиции.

лие микроклиматов, «клочковатость» пригодных для обработки земель мешают формированию устойчивых и однородных типов хозяйств, столь характерных для континентальной Африки, где на тысячах, десятках тысяч квадратных километров выращиваются одни и те же культуры. В результате экономика Мадагаскара складывается из многочисленных хозяйственных островков, на первый взгляд живущих в полной изоляции. В пределах этого «сухопутного архипелага» крайне тяжело и дорого осуществить любой современный проект: объединить людей для совместного труда, электрифицировать деревни, охватить детей школьным образованием, наладить медицинское обслуживание.

Но тем не менее внутренняя раздробленность с лихвой компенсируется тем географическим единством, которое обеспечивает Мадагаскару его островное положение. «Именно эта островная изолированность от мира явилась в духовном плане причиной этнического единства мальгашей,— писал один из видных деятелей освободительного движения Мадагаскара Ж. Расета. — Сегодня мальгаши стоят гораздо ближе к формированию единой нации, чем кто бы то ни было из африканских народов. Это единство закреплено единством нашего языка и, главное, наших обычаев и традиций».

Вообще же об обычаях и традициях, привезенных мальгашами преимущественно из Индонезии, следует поговорить особо. Они настолько влиятельны и живучи, что еще лет 10 назад каждый авиапассажир, направлявшийся на Мадагаскар, находил на своем сиденье не только буклеты с информацией о прививках, курсе франка, адресах отелей и прочих необходимых вещах, но также и листок, в котором власти считали нужным предупредить:

«Никто не может приблизиться к пониманию жизни на Мадагаскаре без приобретения определенных знаний о верованиях его народа. На первый взгляд, повседневная жизнь на «Великом острове» кажется обманчиво простой. Однако под покровом обыденности существует масса верований, унаследованных от предков, традиционных обычаев и табу (фади), которые предопределяют любой аспект жизни мальгаша и корректируют любой его поступок. Даже среди образованных мальгашей трудно найти семью, свободную от суеверий, пусть даже и подсознательных. Каждый мальгаш чувствует глубокую приверженность к дому предков и желает после смерти лечь в семейную могилу. Что же касается глубинных районов острова, то там вера в дух предков, лежащая в основе религиозных представлений мальгашей, настолько сильна, что является основой основ повседневной жизни и хозяйственной деятельности крестьян. Их поведение базируется на принципе: «Лучший способ не вызвать недовольства предков — это продолжать действовать так же, как они». И хотя подобный принцип, зачастую активно препятствующий развитию экономики, может показаться просвещенному современнику скорее вредным, чем полезным, иностранцы должны всячески избегать ситуаций, при которых они могут проявить свое неуважение к местным обычаям. В ряде районов острова пренебрежение к разана (культ предков) может повлечь серьезные неприятности для иностранца и даже поставить под угрозу его кошелек, а то и жизнь».

Честно говоря, листок этот — хотя под ним и стояла солидная подпись: «Бюро информации и туризма при правительстве Малагасийской Республики» — тогда вызвал у меня лишь улыбку. Я подумал, что все написанное в нем — не более чем гиперболизированная реклама, попытка привлечь на остров побольше иностранных любителей экзотики с долларами в кармане.

Первое мое знакомство с разана лишь подтвердило это мнение, а суеверия мальгашей показались милыми предрассудками, мало чем отличающимися от тех, с которыми сталкиваешься в любой стране. Гостеприимные жители столицы Мадагаскара, например, приглашая к себе в дом, обязательно усаживали меня на определенное место, якобы принадлежащее предкам и поэтому считающееся особо почетным. Когда я в свою очередь приглашал их в ресторан, то мальгаши, в зависимости от дня недели, воздерживались есть то красную, то зеленую пищу. Некоторые остерегались называть свое имя, предпочитая, чтобы за них это сделали друзья...

Однако, отъехав подальше от столицы, я вскоре понял, что разана — вещь не такая уж безобидная. На севере острова я однажды столкнулся с тем, что крестьяне наотрез отказались сеять доходный на их землях хлопок и принялись выращивать какие-то малопродуктивные корнеплоды лишь на том основании, что «их сажал еще их великий дедушка Ракото». Как объяснил мне председатель местной общины, «начать сеять хлопок — значило бы оскорбить заветы Ракото».

Путешествуя по бездорожью мадагаскарского юга, я как-то заночевал в бедной, почти нищей хижине из тростника. Хозяин был худ, дети явно страдали от недоедания и, по их собственному признанию, забыли вкус мяса. Но в загоне за хижиной ревели около тридцати коров, которых, как объяснил мне хозяин, вскоре забьют. Затем их рога используют для строительства изгороди вокруг могилы его отца, а горы мяса будут съедены гостями, которые съедутся на поминки со всей округи. Прошло уже семь лет, как умер его отец, и все это время сын, отказывая себе и детям буквально во всем, копил деньги на эти поминки. Похоронил жену, надорвавшуюся на заработках, влез в долги на целые годы вперед. Через несколько дней будет уничтожено его стадо продуктивных коров. И все это ради того, чтобы могила разана (предка), как это предписывается традицией, была огорожена частоколом из рогов зебу.

То ли мне везло с проводниками, предостерегавшими от необдуманных поступков, то ли я сам был достаточно корректен, но, за исключением нескольких курьезов, я не навлекал на себя гнев разана и не подвергал опасности ни свой кошелек, ни свою жизнь. Однако, если судить по сообщениям прессы, кое-кому пренебрежение к духам даже в наше время обходится дорого.

«Городской судья из Форт-Дофина, принимавший участие в празднике народа антануси, — сообщило, например, радио Антананариву 28 августа 1977 года, — оскорбил духов предков местных жителей и тем самым очень обидел всех присутствующих. В результате ему пришлось держать ответ перед общим собранием жителей этого города, которые потребовали, чтобы судья принес в жертву десять зебу и таким образом загладил свою вину перед разана. Судья взмолился, что это ему не по средствам, и тогда антануси сократили штраф до пяти быков. Животных должны были забить на ритуальной церемонии, призванной умиротворить оскорбленных духов».

По мере того как я постигал мадагаскарскую действительность, становилось ясно: реклама «духа предков», консервация и пестование архаичных обычаев и традиций — все это было частью политики неоколониалистского правительства Ф. Цирананы, правившего на острове со дня провозглашения его формальной независимости (1960 г.) до бурных майских событий 1972 года. Возведенный в ранг чуть ли не государственной религии, «культ предков», насаждавший идею о том, что приверженность к прошлому более важна, чем борьба за счастливое будущее, практически помогал антинародному режиму отвлечь обездоленные массы от борьбы за хлеб насущный, подавлял их инициативу, давая возможность правителям придерживаться курса, мало чем отличавшегося от порядков, введенных их предшественниками — французскими колонизаторами.

Не удивительно поэтому, что в «Хартии малагасийской социалистической революции», ставшей программой жизни Демократической Республики Мадагаскар (ДРМ) после свержения прежнего режима, есть глава: «Революция в области психологии — это главное требование, ибо от него зависит все остальное». В ней отмечается, что построить социализм на Мадагаскаре можно лишь при условии критического пересмотра традиций разана, отказа от циранановской доктрины приоритета прошлого над будущим и от традиционных верований и предрассудков, при условии распространения современного типа мышления и мировосприятия. Средства массовой информации и ведущие политические деятели в своих выступлениях стремятся подвести народ к мысли о том, что ныне не заветы разана, а интересы государства должны лежать в основе всей деятельности граждан.

Продолжение следует

Новинки Литературы

К. Е. Дмитрук. С КРЕСТОМ И ТРЕЗУБЦЕМ. М., Политиздат, 1979, 224 стр., 100 000 экз., 45 коп.

В США, Канаде, ФРГ, Англии и ряде других капиталистических стран сохраняются остатки так называемой униатской церкви, которая на протяжении многих лет властвовала над умами людей в западных областях Украины. Ее обанкротившиеся главари ведут в тесном союзе с украинскими буржуазными националистами злобную антисоветскую пропаганду.

М. А. Заборов. КРЕСТОМ И МЕЧОМ. М., «Советская Россия», 1979, 240 стр., 50 000 экз., 30 коп.

Автор ряда исследований по истории крестовых походов М. А. Заборов в новой своей работе широко использует подлинные документы эпохи. Основной акцент он делает на разъяснении сущности крестовых походов как религиозных войн, на выяснении их действительной социально-политической подоплеки, антигуманной роли политики католической церкви.

«КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ АТЕИСТА». Изд. 2-е, испр. и доп. М., Политиздат, 1979, 279 стр., 300 000 экз., 85 коп.

Это издание имеет четкий читательский адрес. Оно предназначено для пропагандистов, лекторов, беседчиков, организаторов атеистической работы. Словарь знакомит читателей с наиболее употребительными понятиями, с которыми пропагандистам приходится иметь дело в процессе атеистического воспитания.

К. И. Никонов. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 9), 1979, 64 стр., 48 070 экз., 11 коп.

В брошюре идет речь о модернизации христианского учения о человеке, его сущности, подвергается критике богословское понимание деятельности и смысла жизни человека. Автор показывает несостоятельность попыток использовать антропологию для обоснования религии.

В. Ф. Миловидов. СОВРЕМЕННОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО. М., «Мысль», 1979, 126 стр., 29 000 экз., 50 коп.

В работе дан анализ эволюции современного старообрядчества, обобщен широкий круг научных публикаций, а также материалы, собранные автором во время научных экспедиций и командировок в различные районы Советского Союза. Основная цель автора — выявить тенденции эволюции старообрядчества в послевоенный период.

* * *

М. Алпатов. ФЕОФАН ГРЕК. Альбом. М., «Изобразительное искусство», 1979, 199 стр. с илл., 25 000 экз., 13 руб. 60 коп.

«ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ». Ташкент, «Узбекистан», 1979, 310 стр., 3 000 экз., 2 руб. 70 коп.

А. С. Ворошилов. МОЛОДЕЖЬ: АТЕИЗМ И РЕЛИГИЯ. Социологическое исследование. Ростов-на-Дону. Книжн. изд-во, 1979, 96 стр., 5 000 экз., 10 коп.

«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОПАГАНДЫ СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ». М., «Знание», 1979, 76 стр., 5 000 экз., 15 коп.

П. Л. Яроцкий. КРИЗИС ИЕГОВИЗМА. Киев, «Наукова думка», 1979, 303 стр., 1 900 экз., 2 руб. 70 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Б. А. Алиева. Вера и разум в современном мусульманском модернизме. «Философские науки», 1979, № 5, стр. 69—77.

В. Беспятых. Проблемы веры, знания, убеждения. «Коммунист Татарии». Казань, 1979, № 1, стр. 87—89.

«VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве». М., 1979. Из содержания: **Л. А. Лелеков.** Хетто-иранские ритуальные и мифологические параллели, стр. 54; **В. В. Наумкин, В. Я. Порхомовский.** Доисламские мотивы в сокотрийском фольклоре, стр. 64—65; **О. И. Павлова.** Ранние сведения о культе Монту (конец Древнего — начало Среднего царства), стр. 67—68; **М. Хведелидзе.** Два понятия вечности в космогониях Древнего Египта, стр. 101—102; **М. Ш. Хидашели.** О некоторых мифологических и эпических основах кавказского звериного стиля, стр. 102—103; **Н. В. Шабуров.** Восприятие герметизма идеологами раннего христианства, стр. 110—111.

О. Я. Неверов. Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР. «Вестник древней истории», М., 1979, № 1, стр. 95—103.

В. Розен. Две стороны медали («Новые» секты — фанатизм и безверие). «Новое время», 1979, № 40, стр. 24—26.

А. Савастенко, Д. Матяс. О путях повышения действенности атеистической пропаганды. Рецензия на кн.: **Р. П. Платонов.** Научно-атеистическая пропаганда: пути повышения эффективности. Минск, 1978. «Коммунист Белоруссии», 1979, № 2, стр. 92—94.

А. И. Сидоров. Плотин и гностики. «Вестник древней истории», М., 1979, № 1, стр. 54—70.

М. Л. Швецов. Половецкие святилища. «Советская археология», 1979, № 1, стр. 199—209.

И. А. Яли. К характеристике Бруно Бауэра как философа. «Философские науки», 1979, № 5, стр. 95—104.

XVI ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Всесоюзное общество «Знание» проводит в 1980 году очередной — XVI конкурс на лучшие произведения научно-популярной литературы.

На Всесоюзный конкурс принимаются изданные в 1979 году научно-популярные книги и брошюры первого, переработанного или дополненного изданий (если не были премированы предыдущие издания), издания по проблемам лекторского мастерства, методике лекционной пропаганды; диапозитивы, диафильмы и сопроводительные к ним тексты; учебные пособия для слушателей народных университетов.

Выдвигать работы на конкурс могут организации Всесоюзного общества «Знание», издательства, учреждения и общественные организации.

Центральные издательства, учреждения и организации союзного значения направляют рекомендуемую литературу в двух экземплярах непосредственно в жюри Всесоюзного конкурса. А издательства, учреждения и организации республиканского, краевого, областного подчинения представляют ее в правления обществ «Знание» союзных республик. При этом прилагается справка: сведения об авторе, название книги или брошюры, какая организация выдвигает ее на конкурс.

Необходимо представить еще рецензии, опубликованные в печати, а при их отсутствии — не менее двух отзывов ученых-специалистов. На книги и брошюры, изданные на национальных языках, прилагается аннотация на русском языке и перевод оглавления.

Материалы на конкурс представляются в жюри Всесоюзного конкурса до 1 марта 1980 года по адресу: 101813, Москва, Центр, проезд Серова, 4. Правление Всесоюзного общества «Знание»; с пометкой: «На Всесоюзный конкурс».

Авторам лучших работ будут присуждаться дипломы и денежные премии. **По научно-популярным книгам** — 9 дипломов I степени с денежной премией по 300 рублей и 15 дипломов II степени с денежной премией по 200 рублей. **По научно-популярным брошюрам** — 11 дипломов I степени с денежной премией по 200 рублей и 16 дипломов II степени с денежной премией по 150 рублей. Сборникам, написанным более чем тремя авторами, жюри может присудить дипломы I и II степени без денежных премий. Другим книгам и брошюрам, получившим хорошую оценку жюри, даются поощрительные дипломы.

Издательства, чьи книги и брошюры получили наибольшее количество премий и дипломов, награждаются поощрительными дипломами. Ими могут быть награждены также учреждения, редакции и сотрудники за инициативу в подготовке и выпуске научно-популярной литературы.

Сдано в набор 17. 10. 79.
Подписано к печати 30. 11. 79.
А 08472.
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов 12,32.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 05150.

Адрес редакции:
109004. Москва, Ж-4, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны: 297-02-51, 297-10-89.
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Украïна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Б. КУСТОДИЕВ.

БОЛЬШЕВИК

МАСЛЕНИЦА

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

МИНСКИЙ АЛГОРИТМ

Рассказ о том, какого результата добились на Минском производственном объединении вычислительной техники, приведя в соответствие с требованиями научно-технической революции весь арсенал форм и методов коммунистического воспитания.

АТЕИЗМ И НРАВСТВЕННОСТЬ

— об этом круге проблем говорили ученые, педагоги, писатели, журналисты, собравшиеся в редакции за «круглым столом».

ЗА ГРАНЬЮ НАУКИ

пребывают утверждения некоторых зарубежных авторов о том, будто существует «жизнь после смерти». Об этом, а также о том, как мировоззрение диктует разные ответы на животрепещущие вопросы человеческого бытия, размышляет в своей статье журналист А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

— тема статьи кандидата философских наук Э. ФИЛИМОНОВА.

КАК ЖИВЕШЬ, МАХАЛЛЯ?

— спрашивает специальный корреспондент нашего журнала И. Ачильдиев и рассказывает в своем репортаже, как регулируется быт, определяется общественное мнение в кварталах среднеазиатских городов.

ВАШЕ ПИСЬМО ПОЛУЧИЛИ

Наш спецкор Е. ЛОСОТО ведет разговор с читателями о том, чем обусловливается пристрастие некоторых людей к спиртному.

Корреспондент журнала А. ХАРАЗОВ рассказывает о своей командировке по письму незаслуженно обиженного человека.

«ТРУБНЫЙ ГЛАС»

рассказ английского писателя Х. УОЛПОЛА о людях, ждавших «конца света».